

ВЛАДИМИР
ХОЛОДОК

ГОЛЫЕ ТЕТЕНЬКИ

Худ. А. Н. Лопатников

ВЛАДИМИР ХОЛОДОК

ГОЛЫЕ ТЁТЕНЬКИ

(Смешные рассказы)

**Издательство
«Зеркало»
2008**

**ББК 84(2 Рос=Рус)6-7я44
Х 73**

**Владимир Холодок
Голые тётеньки
(смешные рассказы). –
Екатеринбург, 2008. – 134 с.**

АННОТАЦИЯ

Девушки, женщины, тётеньки, бабушки – все они являются главными героинями большинства рассказов автора.

Иногда его поражает их неземная красота, иногда – нездешний ум, иногда – космические возможности. Но всегда – это весело, образно, необычно и неожиданно. Как будто счастье вот-вот нагрянет из-за угла и смоет вас в денежном потоке.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	6
Узники зимней сказки	7
По грибы	9
Титаник.....	12
Русская рулетка.....	15
Клава — наш президент	18
Яичко.....	21
Принц и Ницше.....	25
Уголок капитализма	28
Полено заколдованное	33
Красавица ЖБИ	36
Визит в село Обабково.....	39
Пособие бизнесмену	41
Голые тётенки	44
Так доживём!	49
Мяу!.....	52
Вздremнул	55
К любовнице.....	58
Гласность Ивановна	60
Химия или жизнь.....	63
Аты-баты, шли дебаты	66
Встреча с Шопеном.....	70
Свадьба с режиссёром.....	72
Хэллоу, Ньюра	77
Ночное шоу.....	79
Дружная семья.....	85
Бабушка отоварилась	88
Ёлка для Толика	90
В Москву, в столицу.....	91
Ты не ласков со мной.....	93
Хоть разорвись	96
День рождения	99
Начинающий сатирик	101
Босиком.....	104
Травма.....	106
Театр.....	108
Эстафета для букета.....	110
Папаша Паша	112
Однофамильцы	114
Алименты при луне.....	117
Генеалогия.....	121

Маскарад в лесу.....	123
Начинающий охотник	125
Спортсмен в законе.....	127
Гуманоид Матазоид	129
Клещ - не лещ.....	131
Просветление.....	132
Оно.....	134

СУКИН СЫН, ИНТЕРНЕТ!

(От автора)

Давно это было, когда книги были ещё деревьями. Когда Сыктывкарский ЦБК (целлюлозно-бумажный комбинат) не справлялся с армией заказчиков, и бумага поставлялась только избранным. Когда моя платёжка за вагон бумаги шла в Сыктывкар почтой целую неделю. А потом ещё неделю вагон комплектовался и загружался. И ещё неделю он шёл до адресата. Но зато какое это было счастье, когда бумага стояла уже на складе. Огромные рулоны по полтонны каждый стояли друг на друге и пахли белым снегом и лесом. Мы гладили их руками и постукивали по бокам. На огромном холодном складе, как в Антарктиде, вдоль стен стояли торосы, глыбы и айсберги рулонной бумаги с надписями издательств. Издатели хорошо знали, как эти тонны белой бумаги превращаются в центнеры разноцветных денежных купюр.

Но не лёгким и не быстрым был этот путь от бумаги до денежки. Загрузка, подвозка, разгрузка, заправка, приправка... Будущая книжная страничка медленно заползала в типографскую машину, чтобы начать наматывать в ней километры американских горок. Чтобы насытиться, наконец, ароматной типографской краской всех цветов и превратиться в роскошную иллюстрацию в виде загорелой девушки под пальмами. Пусть даже слегка беременной. И, если девушка уже попала в «переплёт», то иллюстрации до переплёта было ещё далеко. Постучат ещё по ней разные станки и механизмы в печатном, обрезном, брошюровочном, переплётном и упаковочном цехах. И пока книжка с этой иллюстрацией дойдёт до рук покупателя, реальная девушка уже, может, и в ясли поведёт малыша.

Другое дело – Интернет, сукин сын! Гад, развратник, разлучник и конченный негодяй. Но до чего умён и прекрасен! Щёлкнул пальчиком, и беременная девушка – на вашем рабочем столе. И не надо ночью ехать в степь, и спасать съехавший с дороги в сугроб КАМАЗ с вашей бумагой.

Вот с такими мыслями я переводил свои бумажные книги в электронный вид. Вот в таких легких муках рождался этот сборник рассказов «Голые тётеньки».

УЗНИКИ ЗИМНЕЙ СКАЗКИ

Как хорошо встречать Новый год на даче с любимой женщиной. Если она есть, конечно, дача.

Сначала надо затопить баньку. Ну и что, что дров нет. У соседа – три куба. Он и не заметит, если взять пару кубов.

И вот уже банька курит в небо, а с неба – снег. Он такой густой и пушистый, что туалета не видно. Приходится ходить туда по компасу. А когда идёшь, всё время сбиваешься с курса. Потому что компасы наши показывают не на север, а на винный магазин. А вот и туалет, в пределах видимости, на расстоянии вытянутой руки. Открываешь дверь... а там уже кто-то есть. Ну, конечно, это она, моя любимая. Ей не хочется нарушать эту божественную тишину криками “занято”. Она шла без приборов, но пришла первой. Вот что значит женское чутьё. У них же не нос, а прибор ночного нюхания.

Накрываем на стол под музыку Аллы Пугачёвой. Песня о настоящем полковнике. Самая лучшая строчка в песне: “...давит грудь подполковник”.

А моя любимая шинкует лук. Я вижу в её глубоких глазах слезинку. Говорю ей, не плач, родная, всё будет хорошо. А она отвечает, ага, хорошо, поработал бы с луком. И я, конечно, шинкую сам. И плачу, и плачу.

Стол готов. Мы выходим на улицу, а там уже гости – две бездомные собачки. Угощаем их роскошным ужином. И молча завидуем им. А чего им? Зарплату не надо, одежду не нужно, кто прошёл в Думу – неважно. Даже на выборы президента они не выставят свои кандидатуры.

Но пора и по “первой”. Ставим на плечи камина свечи, выключаем свет. Я произношу тост:

- Дорогая, ты хочешь похудеть, поэтому от всего сердца желаю тебе пренеприятного аппетита.

А вот сейчас можно и в баньку. Полстакана пива – на каменку, и дух поплыл хлебный, будто лежишь во ржи и ржёшь от удовольствия. А моя любимая не промах. От жара она надела на руки варежки, а на груди – валенки. И шпарит себя веником в тумане пара голубом. А валенки бьются, бьются, нагоняя на меня горячую волну.

А из баньки – ба-бах! – в снег, и он тут же закипает. А ты крупными сажёнками плывёшь по нему, а в глубине под снегом медленно проплывают грядки с клубникой, луком и – оп-па! - куст крыжовника. Вцепился, как осьминог, и щекочет.

Влетаешь обратно в баньку, и непонятно от чего кожа горит, то ли от жара, то ли от снега, то ли от крыжовника сотни иголок впиваются в тело со всех сторон. А любимая тоже хочет в снег, но не может снять валенки.

Она просит, сними с меня обувь. И я помогаю ей, с трудом, с третьего раза. Она тут же русалкой ныряет в снежную пучину.

После баньки – шампанское! Холодненькое! За Новый год по Екатеринбургу. Конечно, можно начать с Владивостока, но тогда до Москвы не дотянуть. А за Новый год по Москве - отдельный тост, из трёх бокалов. И далее со всеми остановками до Риги, и по Гринвичу, и – за океан. И на каждой остановке – друзья, родные и близкие люди. И они тоже поднимут тост по Москве. И идёт эта волна тепла от Тихого океана по всей России, катится, переливается улыбками, снегом и смехом.

И уже забыты все невзгоды. И хочется любить.

В эту ночь любят даже олигархов. Хотя, конечно, меньше, чем хана Батия.

И любимых женщин любят... Да, кстати, а где она, моя любимая?

А она в кресле у камина свернулась калачиком... нет, калачом... сдобными спит. И что-то шепчет во сне. Наверное, про меня.

Прислушиваюсь, шепчет:

- Блин, вот, блин, ну почему, блин, первый блин – комом, блин, всегда, блин.

Во блин! Про меня, блин. Разбежался, блин. Она же блинчики сегодня делала, устала. В праздники они устают. Почему-то.

Утро. На стёклах от морозца диковинные цветы, деревья, зверушки.

Зимняя сказка. Я пальцем потрогал одну зверушку, она убежала. Бывает. Хотел дерево потрогать, но передумал. Я – без каски.

Но пора и в город. А как в город, если из-под снега машину не видно?

А что, собственно? Шампанское есть. Блинчики есть. Зверушки есть...просят. Значит, остаёмся! Это же прекрасно – узники зимней сказки!

А завтра приедут трактора с нормальными трактористами и расчистят нам дорожку к нормальной жизни.

А сейчас - шампанского!

За любимых!

За зимнюю сказку!

ПО Г Р И Б Ы

Иду я как-то по лесу с сачком ловить... эти... грибы. Почему с сачком? Ну, а как его голыми руками поймаешь? Они же прыгают. И вот иду и вижу на поляне – огромный белый гриб. Ростом мне по самые по... ягодицы. Я к нему подкрался... сзади. К ним можно только сзади. Потому, что если спереди, он же увидит. Сачок над ним занёс... а он как – прыгнет. Обычно было – от меня. А этот – на меня. Прямо на грудь. С ног меня сбил и давит. Я даже удивился. Белые грибы, они же не хищники, они на человека не нападают. Да они вообще не кусачие. Мухоморы – да! Это хищники, эти могут. А тут – белый.

Я ему говорю:

- Ты чего такой активный?

Он говорит:

- Я – радиоактивный.

- Ну, так бы и сказал, что больной. Да ещё без шляпы.

Он – хлоп рукой по голове, нет шляпы. Я – хлоп по своей – нет шляпы. И тут – ветер. Типа торнадо. Поднял наши шляпы и понёс. Мы – за ними. И через пару километров упали они во двор особняка. Мы сразу – к часовому. А он автоматом лязгнул:

- Стой! Стрелять буду. Частная собственность. Охраняется государством.

Мы отошли. А шляпу жалко. Клавин подарок. А грибу и того хуже. Над ним без шляпы хохотать будут все самки.

Я ему говорю:

- Вот влипли. Тебя хоть как зовут-то?

- Глеб.

- Ну вот, и меня тоже, Федя.

Дачу изучили – бастион. Крепость. Говорят, тюрем не хватает. А это чем не тюрьма? Колючая проволока. Железобетонный забор. В окнах решётки. И главное, хозяин в ней уже сидит. Ловить не надо.

Я говорю Глебу:

- Слушай, гриб.

- Не гриб, а Глеб.

- Ладно, гриб, понял – Глеб. Ты здесь постой, в землю вкопайся и работай под гриб, Глеб, блин, но без шляпки. Понял?

А я сам обошёл вокруг дома и по доске на забор залез. Вижу, лежат наши шляпы на лужайке. Решил пальчиком колючку на проволоке потрогать. Потрогал. В глазах – молния! Очнулся на земле. Проволока под током. Указательный пальчик стал у меня короче мизинчика. И подгорел прилично. До локтя.

Ладно, думаю, полез на берёзу. А она в наклон над забором. Повыше залез, вижу – гнездо на берёзе. Из гнезда голова выглядывает, человеческая.

Я говорю:

- Ты кто?

- Я снайпер. Тебя поближе подпускаю, чтоб не промазать.

И дуло карабина ткнул мне в нос. И главное, целится тщательно. Через оптический прицел размером с трёхлитровую банку. Из банки его глаз мне в глаз смотрит. Я говорю:

- Всё равно промажешь. Целишься мне в глаз, а попадёшь в нос.

Пусти лучше шляпы забрать.

Чудом его уговорил. С дерева я спрыгнул и по-пластунски ползу к шляпам. И вдруг вижу, навстречу мне тоже ползёт вот такая собачья морда. Сенбернар. Подползли. Думаю, подкормлю собачку. От шляпы гриба отломил кусочек, бросил ему. Он съел. Смотрит. Я – ещё. Короче, всю шляпу моего Глеба съел. Килограммов пять. А мою не отдаёт, зубами вцепился. А потом рванул и в дом убежал. Я – за ним. Бегали мы по каким-то залам, бассейнам, винным погребам, спортзалам. А поймали меня на веранде. Или ротонде. Или солярии. Короче, хозяин так и сказал:

- О, дорогой гость! Без приглашения пришёл, а живой остался. Надо отметить.

И за стол меня пригласил. Я ему – про шляпу, а он говорит:

- Вы не волнуйтесь, она вам больше не понадобится. Лучше выпьем за ваше счастье.

Только я бокал с вином поднял, рядом в леске взрыв раздался.

Хозяин говорит:

- Люди у нас чудные, особенно грибники. В лесу ясно написано: “Мины”, а они идут.

Я подумал, пора сматываться. Хозяина поблагодарил, шляпу забрал, к выходу дёрнулся, а навстречу – автоматчик. С пистолетом. Вывел он меня из ворот, я говорю, куда мы идём? Он:

- Как обычно, на расстрел.

И тут из-за дерева выскакивает мой гриб Глеб и прыгает на автоматчика, как собака. Тот, как увидел, что прыгнул гриб, да ещё без шляпы, да ещё такой разъярённый, закричал, сдаюсь!

Пришли мы с Глебом на поляну, где он рос, воспитывался, мужал. Я говорю:

- Прости, Глеб, что был груб, но я тебе - гриб по гроб.

Он говорит:

- А где шляпа?

- Съели шляпу. Да новая у тебя отрастёт. А пока возьми мою, поноси.

Надел я на него свою шляпу. Смотрю, красавец. Вылитый я. Говорю ему:

- Слушай, если ты так на людей кидаешься, пойдём ко мне на дачу сторожем.

- А что Грэта скажет?

- Кто такая?

- Жена. Вон она, в кустах стоит.

Выходит Грэта. С бадажком. Ростом – мне до колена. Палочкой на меня замахнулась. Я отскочил, как гриб. Она ругается:

- Опять с бомжами связался (это про меня)! Шатаешься по лесу! И шляпу потерял. А ну дыхни.

Он ей говорит:

- Да ладно, Грэта, я работу нашёл.

- А как же Гриша и Груша? Они же ещё не ходят.

Короче, забрал я их детей в лукошко и всех перевёл на дачу. А нас бомжи одолели. Лазят по дачам, как крысы. А сейчас – красота. Ну, стоят два гриба у ворот. Бомж заходит. Глеб шляпу перед ним снимает, кланяется. Пока бомж с открытым ртом стоит, Грэта ему палочкой по ногам – чик! Бомж падает. А тут Глеб подскакивает и – раз! – ему по шее. И бомж бежит раз и навсегда.

А когда я приезжаю, они на полянке валяются, загорают. Катаются по траве. Дети у них уже первое слово сказали: ”Граб”. Это дерево такое. Они под ним родились. Они думают, что граб. И говорят: “граб, граб”. На самом деле – осина.

А Глеб и подружек своих переманил на дачу. Белых подружек со всего леса. Но они не говорят. Стоят и молчат. Их можно употреблять в пищу.

Вот так и живём.

Получается, что хорошего человека сейчас можно встретить только среди грибов, да и то радиоактивных.

Т И Т А Н И К

(Юбилею дефолта посвящается)

Титаник... Я посмотрел (крестится). Позавидовал! Красиво люди жили! По-богатому. Порадовался за них. А катастрофа – так себе. Скучновато. По их меркам, может, это и катастрофа, а по нашим – обычные серые будни.

Но вот чертовщина, после фильма всё и началось. Получаю я письмо. Правительственное! Пишут: “Поздравляем Вас с присвоением Вам почётного звания “Трижды ограбленный России””.

Но позвольте! Почему “трижды”?.. По моим подсчётам, всего “дважды”. Нет, если считать, что грабили меня ежедневно и все, кому не лень, то это одно. Тут и жулики... и налоговая... и жена... и любовница... и дети. А если считать, когда грабили по-настоящему, по-государственному, до самого конца, то я считал – всего “дважды”. А они пишут “трижды”. Конечно, им там наверху виднее. Но я всё-таки решил сходить в банк, уточнить. Глянул на календарь – 17 августа. Пришёл. Увидел. Уточнил. Плакали денежки. И толпа. И я прослезился. Но не из-за денег! А от гордости! За государство! Впервые оно мне сказала правду: “Трижды, а не дважды”. И главное, сообщили вовремя. Когда денег из банка уже не взять.

Я проникся и сел за ответ.

“Дорогое правительство! РэФе! Благодарю за моё очередное звание “Трижды ограбленный”. Хочу уточнить, не полагаются ли мне за это определённые льготы?”

Приходит ответ:

“Да, звание это очередное, и дай вам бог, не последнее. А льготы предусмотрены. А именно: цены будут выше, зато зарплата меньше”.

Пишу им опять:

“Ладно, согласен. Но почему мне к этому званию не выдали значок?”

И что вы думаете? Приходит здоровенная посылка. В описи ценностей написано: значок. Доплатил я за лишний вес и вскрыл. Значок в форме булыжника. Обвязанный верёвкой. На камне высечено: “Трижды”... Ну в общем, звание. Приложена инструкция по эксплуатации значка: где носить – на шее, когда носить – когда тяжело.

Первое время было не тяжело. Ну денег нет – картошка есть. Я её у соседа по участку выкопал. Своевременно, т. е. пораньше. И водка в цене пока держится. Пусть даже из последних сил. Правда, купить её не на что. Зато сосед банкир есть, Николаич. Занять можно.

Потом стало похуже. Картошка кончилась... Но извёстка на стенах ещё осталась! Кальций же, витамины.

Но тут банкир впервые отказал. Не дал займы!

Наступило самое страшное – трезвость! Начал я на значок поглядывать. Но Лизавету жалко. Она вторую неделю на диване лежит,

не движется. Калории экономит. Исхудала! Осталось в ней всего-то килограммов... сто. Ну чуть больше.

Да нет, думаю, пора! Надел значок на шею – и в парк, на водоёмчик. Гляжу, а там на крутом бережке уже Николаич сидит, банкир. Тоже со значком. Но у него значок побольше. Весом с пуд и надпись: “четырежды”. Он постарше меня.

Я говорю, давай закурим перед стартом. Он говорит, всё кончилось. И жизнь тоже. Стрельнули мы у старичка. Он сам подошёл. Тоже со значком. Причём, значок больше, чем старичок.

Закурили. Сидим. Три Муму. Николаич говорит:

- А у меня сегодня праздник. Моему банку ровно десять лет. Было бы. А старичок добавил:

- И у меня праздник. Мне ровно сто лет. Было бы.

А я говорю:

- И у меня праздник. Давно на речке не отдыхал.

В общем, на счёт “три” мы бросились в водоёмчик одновременно. С крутого бережка. Я воздуху побольше взял. Думаю, поживу ещё пару минут под водой. Помечтаю без суеты. Лежу на дне, как Горький какой-нибудь, жизнь вспоминаю. Вроде жил долго, а на память пришли только три фамилии: Гайдар, Чубайс и Гитлер. Из зарубежных стран вспомнился Китай. Их полтора миллиарда!.. китайцев. А нас 150 миллионов... человек! И такие ребята тонут! А те живут. Правда, и Черномырдина вспомнил. Только он знает выход из кризиса. Потому что только он знает вход.

Рыбки в нос тыкаться начали. Щекотно. Я глаза открыл – Николаич рядом лежит. Молчит, как рыба. Интересно, о чём он мечтает? Наверное, о деньгах. Смотрю, задёргался Николаич. Пузыри пустил. Первые. Может, ему надо чего? Может, пить хочет?

И тут меня вытаскивает из воды какая-то сволочь. Ну конечно, Лизавета моя. Весь праздник испортила.

А Николаич вредный оказался. Вытащим его – он обратно в воду. Три раза. Во-как увлёкся.

Потом стали старичка по дну шарить. Нет старичка. Ни значка, ни старичка. Как в воду канул. А он с крутого бережка:

- Здесь я. Не взлетел я со значком. Уж не та подъёмная сила. А вас сторожил, чтоб не всплыли.

Лизавета отчитала его:

- С разбегу надо было. Со значком.

И добавила резко, по-ленински:

- Дураки! Вас ограбили, и вы ограбьте.

... Гениально! Опять по кругу?..

Маэстро! “Марш утопленников”!

Старичок впереди встал, а мы за ним.

“Вставай, проклятьем заклеймённый, весь мир голодных и рабов!”

РУССКАЯ РУЛЕТКА

Какой русский не любит... русской рулетки! Да никакой не любит, а приходится. Сейчас выйдешь за хлебом и не знаешь, вернёшься ли? Пенсию принесут, через пять минут снова стучатся:

- Кто там? – спрашиваю.
- Мы пенсию принесли.
- Да получила я только что.
- А раз получила, дак тем более открывай.

Всю жизнь в эту рулетку играем, не замечаем даже. Вот мой дед, белый офицер был, он чуть что – сразу за револьвер! Вставит в шестизарядный барабан пять патронов и – к виску! На курок – чик! И всегда – в пустую дырку... А если в патрон, то... осечка... А если выстрел, то... пуля в стволе застревала... А если вылетала, то до виска не долетала. А если долетала, то мимо. Любил судьбу испытать, адреналинчику впрыснуть. А адреналинчик-то, он – о! – жизни прибавляет. Дед до сих пор в Париже живёт, тренируется. Я, видать, в него. Не могу без адреналинчику. Только кто его сейчас в меня, старушку, впрыснет? Где желающие? Вот и приходится самой... идти. Куды? А по грибы. У, это целый ритуал! Перед входом в лес я раздеваюсь. До купальника. Чтобы клещам доступней быть. А в чём азарт? Из десяти клещей один энцефалитный обязательно! И вот, глядишь, он ползёт по ручке-то, старается, ищет, где кожа-то поглаже. А я его направляю пальчиком, вот сюды ползи, на запястье. Он как укусит, да вопьётся, да кровушки насосётся, ну... туды ему и дорога. А некоторые выживают. Я их обратно в лес отпускаю. Жалко же. Живая природа.

Про грибы не забываю. В лукошко кладу пять поганки один боровик. Как дед: пять из шести. Дома всё пожарила, поела. Если утром проснулась, значит, осечка. И так каждый год раз в году судьбу испытываю. А в этом-то году, думаю, хватит. Пойду собираю одних боровиков, побольше, покушаю без риска. Может, приглашу кого. И не вытерпела!.. На опушке его увидела. Мухомор!.. Красавец!.. Срезала. И дома опять - всё зажарила, перемешала.

И тут Зинка заходит – фельдшерица.

- У, Прасковья, так грибочков хочется, и – хлоп, ложкой со сковороды кусок съела.

Потом Фёдор зашёл за ножовкой. К грибам категорически потребовал водки. Потом Тигран Петросян... ветврач... И к вечеру я 24 человека насчитала.

Ну чё? – деревня. Все ить, как родные. У кого пьянка – все туда.

А я сию сама не своя. Ну что я им сейчас скажу? Остановитесь! Всё отравлено! А они уже все по куску съели. И по стакану выпили. Тут, кто

и добрый кусок съел, умрёт с перепугу-то. И решила я, будь, что будет. Так у меня муж говорил, Никита. Который он по счёту-то?.. Вроде третий. Да они все у меня отчаянные были. Как я. Только первых двух не помню. Чё-то как-то они мало прожили... рано ушли. А Никита сумасшедший был. В грозу выбежит из дома, за электрический столб схватится и ждёт, когда молния шандарахнет. И шандарахнуло. Столб внизу, как пилой срезало. А Никита столб удержал. И электриков дождался. Правда, чёрный ходил долго. Его все негры спрашивали, вы не из Кении? От них он про комара-то узнал. Что есть там такой комар – укусит, и у человека начинается лихорадка е-бола...или ебо-ла... или ёбола. Короче, смертельная. Деревни выкашивает. И загорелся он! Хочу, говорит, в глаза тому комару посмотреть, испытать себя по-настоящему. Друзья-негры устроили ему поездку. Вернулся - весь комарами покусанный, живого места нет. Чешется. А Зинка – фельдшерица дала ему таблетку от чесотки. Я утром встаю, а он тихо так лежит, не чешется даже! Помогла, видать, таблетка.

...Да нет, он не умер. Зинка ему снотворного дала, перепутала. Он через два дня проснулся. Как раз во время своих похорон. Аккурат крышку гроба начали заколачивать – разбудили мужика. Он изнутри сказал:

- Войдите!..

Мужики молотки подняли, прислушиваются. Думают, показалось. Давай снова колотить. Тут Никита не выдержал, заорал:

- Да не стучи ты, дурак! Говорю, заходи...

Он и сейчас жив. Живёт. А чё ему? Правда, вместо паспорта у него это – справка о смерти. Когда паспорта меняли, ему новую справку выдали. С фотографией. В гробу. Не прискребёшься. А удобный документ, ни тюрьмы, ни сумы, ни налогов.

Он уже с этой справкой жил, когда свою голову крокодилу-то в пасть всунул. Индеец какой-то привёз крокодильский цирк. И главное, сам индеец свою башку крокодилу в рот всунул всего на секунду. И тут же высунул. Крокодил зубами ему только по уху чакнул. И индеец этот говорит, мол, кто так может? А сам стоит уже без уха. Не рассчитывал он, что кто-то осмелится. А Никита взял да и выбежал. А чё ему? Справка-то уже есть. Ну, крокодилу пасть раздвинули домкратом, Никита голову туда всунул, домкрат убрали, а крокодил пасть свою ещё шире открыл. От удивления. Никита, видно, в пасть-то ему дыхнул. А такое не каждый крокодил выдержит. Зверь-то давай морщиться, слезиться, ну и чихнул. И убежал в угол клетки, и хвост поджал, дрожит весь. И Никиту сразу в цирк и взяли. Ездит где-то. А этот индеец-мексиканец у нас живёт. Картошку садит. У него фамилия такая, исконно русская: Хулиус Маргулиус...

Я к тому, что на мухомор-то мой он тоже пришёл. Сидит ест, картошку вилок отодвигает, ест одни грибы. И говорит:

- Нет, у нас в Мексике лучше, у нас вместо грибов – кактусы.

А у меня на подоконнике кактус. Я ему подаю и говорю, ну, на, пососи. Он говорит, нет, текила. Это водка у них из кактусов. Я кактус в стакан с водкой выжала, говорю:

- Ну, на, пей нашу: текила с Нижнего Тагила.

А брала я водочку-то в специальном магазине. Он так и называется: “Русская рулетка”. У них там нормальный продукт и смертельный: один к одному. Но и дешевле в два раза, резон есть. Может попасться хороший продукт за полцены.

Совсем весело стало, когда Григорий пришёл с баяном. Вообще-то он лауреат конкурса Чайковского по вилио... по вилион... по вилио... по вилионол... по вили-он-ол-челли. Тьфу ты, ну скрипка стоячая. Насчёт Чайковского не скажу, а то, что лауреат, подтверждаю. Он стакан водки с баяна берёт зубами и выпивает. Без ущерба для полонеза Огиньского. Бабы от музыки - навзрыд, а Григорий заест грибочком и кричит:

- Помирать, так с музыкой!

Ну, разошлись все, когда всё съели и всё выпили. Я сказала:

- Утром всех жду, приходите, подлечу.

Ну, а на утро пришли... все!

Я говорю:

- Болееете?

- Б-б-б-олеем.

- Вот то-то же. Сегодня вся страна болеет. Ну и выпьем, за наше общее будущее здоровье.

Выпили. “Русской рулетки”. А кто назавтра придёт – посмотрим.

КЛАВА - НАШ ПРЕЗИДЕНТ!

Скажите, может у нас нормальный человек любить своего президента?.. А я могу. Клава – мой президент. У-у-у! Моя Клава – она даже не президент, она хуже президента. У неё на знамени на чёрном – герб: сковорода и скалка, крест–накрест. А внизу – моя голова. Знамя она вместо фартука носит: гербом наружу, мне в лицо!

И что обидно, президент она законный, снять её я не могу. Если даже она будет издеваться надо мной каждый день, всё равно я должен по закону терпеть её четыре года. Потому что после нашей свадьбы у нас ещё были выборы.

Демократические. Два кандидата: я и Клава. Два избирателя: Клава и я. И урна – одна штука. Я её принёс с улицы, окурки вытряхнул. Проголосовали: 50% за Клаву, 50% - за меня. Второй тур – то же самое. Что делать? Пришлось обратиться к нашей Думе. А Дума у нас из трёх фракций: кот, собачка и попугай. Хотели медведя включить в Думу, но передумали. Он пока плюшевый, а уже такой подлый.

Обратились к фракции попугая. Клава с ним хорошо поработала. Он сказал: ”Однозначно! Клава – наш президент”.

Кота не могли разбудить. Обратились ещё к независимой фракции. Она у нас числится, как объединение Груша. Ну, наша тётя Груша. Она сразу сказала, сами разбирайтесь, я – против всех, против – всегда и против – везде.

Осталась собачка. А она у нас, ну такая лайка. Причём, не просто лайка, а пусто лайка. В общем, спикер, то есть, сеттер.

Клава говорит, к чьему бюллетеню собачка подойдёт, тот и президент. Я только потом понял, что свой бюллетень она чем-то подмазала. Заходит собачка. Бюллетени на полу. Она на мой даже не взглянула. Как рванула к Клавиному! И сожрала его на месте. И всё! Клава вступила в должность. Пока я с открытым ртом стоял, Клава дала клятву честно служить народу. То есть мне. Клялась на голове этой собачки-подлючки.

Когда я в себя пришёл, говорю, Клава, ты хоть тогда дай мне портфель... министра... обороны. Она говорит, хватит с тебя и министра самообороны.

- Ну тогда отдай хоть культуру, что ли, ядрёна вошь.

Она говорит, забирай её на хрен. Я сразу сказал, только ты меня профинансируй. Без денег культуру не поднять. Она говорит, а сколько?

- Ну, на пару пузырей надо.

Она дала, и я пошёл. Понёс культуру в массы.

А как пришёл домой – не помню. Утром просыпаюсь, Клава смотрит на меня, как... президент. На министра культуры. А я всё-таки уже второй день в большой политике, хитрый стал, говорю ей:

- Клава, а давай закажем, чтоб с тебя слепили статую. Статую Свободы.

Она молчит. Я дальше льстю:

– И поставим её на видном месте... в нашем огороде.

Смотрю, она оттаивает. А я дальше жму. Уже по Дарвину. Кто настоящий мужчина? Тот, кто встаёт рано утром, из постели, снимает с себя костюм, ботинки и лезет к своей жене... И Клава простила мне культуру. Правда, из неё выгнала. Так и сказала, вон – из культуры! На телевидение!

Я сразу – пульт в руки и давай щёлкать по программам. Сижу, руковожу телевидением. Всё просто. Тут главное - кто пальчик на кнопке держит. Нужную кнопку нажал, а там мальчик, уже запрограммированный, говорит, что все честные люди – они воры. А все воры – они честные люди.

Поэтому вора из обвиняемых надо перевести в свидетели. И дальше – из свидетелей – в потерпевшие. Чтобы ему же и возместить материальный ущерб. То есть, если он украл полстраны, то ему надо срочно возместить ущерб и отдать вторую половину.

А Клава всё сериал просит. Я говорю, Клава, ну ты же президент, вникай в большую политику. Она: нет, сериал. И отобрала у меня пульт – скинула с телевидения. Перевела в свои пресс-секретари. Соседка спрашивает по телефону, как себя чувствует ваша супруга? И я докладываю:

- С утра рукопожатие моей Клавы было крепкое. А удар сковородой по моей щеке был мягкий. Но мой профиль на той сковороде получился чёткий. После этого здоровье Клавы улучшилось, и её отвезли на «скорой» в резиденцию «Ямки-9». Лечиться и работать с документами. Из документов она взяла с собой паспорт.

А здоровье у Клавы и правда пошатнулось. Потому что, как только она стала президентом, запила сильно.

А как протрезвеет, в отпуск норовит, то в Сочи, то в Карелию. Из отпуска приезжает выпивши. Думу гоняет по квартире. Кот орёт от голода. Собачка Клаве вообще импичмент хотела устроить, за руку её укусила. Но не до импичмента. Потому что попугай помешал, крикнул, гад: «Клава – наш президент!»

А тут как-то к подруге поехала в Долматово, правда, не самолётом, а поездом. Да тут 100 км. Но всё равно проспала. В Шадринске только проснулась.

Я говорю, Клава, ты чё-то как-то не того. Давай готовь себе преемника. Думаю, кроме меня – некому.

А Клава говорит, преемник уже готов. И тут звонок в дверь. Я открываю, а на пороге – тёща. С вещами. Преемник. Фартук Клавин с гербом взяла, перед моим носом потрясла и на себя надела.

Утром говорю Клаве нежно, может, ты погорячилась с преемником, с отставкой? Клава говорит, а я в отставку не пойду. Просто я пойду на повышение. Теперь я не президент, а царь.

И вот я сейчас в большом раздумье, кого на выборах избирать. Или преемника Клавы – тещу? Или плюнуть на них обеих и пойти выбрать себе новую Клаву.

Я И Ч К О

Снесла курочка яичко, но не золотое, а простое. Поступило яичко в магазин, а там его взял да и купил Огородов без очереди. Он как раз на работу шёл. Думает, съем яичко назло жене, а на обед домой не пойду.

Работа у Огородова была не простая, а золотая, он эротический журнал выпускал, поэтому и любил яички. Приходит он на работу, а там его ждёт коммерческое предложение: “Просим срочно явиться в Австралию для передачи опыта аборигенам. Они тоже хотят выпускать эротический журнал”.

Надо сказать, что аборигены в природе ходят вообще-то голые. Но одно дело – голая жизнь, а другое – голое искусство. Ну, хочется им посмотреть на себя со стороны. И Огородов был человеком отзывчивым и ответственным, он любил передавать свой сексуальный опыт другим народностям.

Прилетает Огородов в Австралию, его аборигены встречают, в лучшую гостиницу везут, с лучшей кенгурихой знакомят. А кенгуриха и впрямь необычная. Своя сумка у неё застёгнута на замок-молнию, а детёныши из хозяйственной сумки выглядывают. Она сумку с детёнышами в уголок поставила, легко так, как воробей, к Огородову подпрыгнула, руки на плечи ему положила и в глаза посмотрела томно. Потом хвостом в пол упёрлась и задними ногами его за талию обняла. Такая ласковая. И давай в морду его лизать. А потом взяла сумку с детёнышами и ускакала в саванну.

Решил Огородов это дело яичком заесть. Только вынул его из кармана, как тут аборигены заходят в шалаш. Не надо, говорят, аппетит яичком портить, мы тебе самого лучшего крокодила на обед приготовили. Вносят они крокодила в шалаш, рулеткой его измерили, показывают: 6 метров 20 сантиметров в длину. Кушай на здоровье. И дают Огородову прибор на одну персону: таз, топор и вилы. А Огородов, честно говоря, уже проголодался и думает, откуда его жрать-то начинать? Решил с хвостика. Думает, отрублю сантиметров 20 от хвостика, и хватит мне на обед. Да и от крокодила ровно шесть метров останется. Размахнулся он топором, как хрястнет по хвостику, крокодил аж подпрыгнул от неожиданности. И проснулся. Топор, конечно, зазубрился и сломался, а хвостик ничего, погнулся только, вверх. Крокодил посмотрел на хвостик, так расстроился, аж слезу крокодилову пустил. Потом слезу смахнул лапкой, съел тазик, топор, вилы, для разминки. Последний глоток сделал и кинулся за Огородовым. Долго они бегали по шалашу. А аборигены стоят у шалаша и хохочут. Это шутка у них такая, усыпить крокодила, горчицей его помазать и гостю подать к столу. Но хоть аборигены и хохочут, а дело знают: фотоаппараты щёлкают, камеры снимают. Для будущего эротического

журнала. А крокодил уже всю одежду с Огородова содрал и гонит его по саванне.

Загнал крокодил Огородова Афанасия Григорьевича на дерево, а сам внизу когти об дерево точит. Решил, видимо, за добычей на дерево лезть. А дерево, если его измерить, аккуратно в высоту шесть метров двадцать сантиметров будет. Огородов на кроне лежит горизонтально, голый, не шевелится, вниз смотрит. А крокодил уже пополз по дереву. Ну, ясно, что конец хвоста от земли ему не оторвать, не кошка всё-таки. Он хвостом в землю упёрся и держится. Ровно шесть метров в высоту.

Хвостик-то загнут. Двадцати сантиметров до Огородова как раз не хватает.

Но! Огородов-то голый. И мужские принадлежности у него как раз на двадцать сантиметров и свешиваются вниз. И крокодил губами за объект уже касается нежно, но прихватить пока не может. А Огородов в этот момент с дуру кенгуриху вспомнил, и у него увеличение началось. А в этом деле каждый миллиметр важен, не только что сантиметр. Крокодил, конечно, обрадовался, объект сам к нему в рот лезет. Он пасть открыл и ждёт. Но Огородов в последний момент перевернулся на спину. Крокодил только в воздух зубами щёлкнул.

Аборигены внизу кричат, скачут, фотоаппаратами щёлкают, ну, журнал же выходит лучше некуда.

А Огородов чуть успокоился, лёжа на спине, думает, поживу на дереве пока, хрен с ним, позагораю. Не может же крокодил на хвосте долго стоять. Начал Афанасий Георгиевич даже в небо смотреть, наслаждаться синевой. И вдруг видит, далеко так в небе точка приближается типа самолёта. Подлетела ближе – птица. А птица смотрит, на дереве что-то похожее на гнездо лежит. И главное, кладка в гнезде уже сформирована, из двух яиц. Птица села на Огородова, тот не шевелится, крокодил-то настороже.

И, видимо, взыграло в птице материнское чувство. Решила она эти яйца выпарить. Гнездо она клювом поправила, пару веточек туда положила, лишний пух из гнезда выдернула и села на кладку. Парит.

Огородов хотел птицу из гнезда выгнать. Но шевелиться опасно, крона у дерева такая ненадёжная. Тогда он подул на птицу: фу, фу. Птица посмотрела глазом и как тукнет его в пуп! Больше Огородов не экспериментировал.

А дело – к ночи. Аборигены ушли плёнки проявлять, монтаж делать. Крокодил не выдержал. Хвост устал. Спина от горчицы горит, жажда мучает. Пошёл он на водоём с хвостом, как у скорпиона, вверх. Огородов осмелели стал птицу руками отгонять, ногами елозить. Птица встревожилась, почва под гнездом ходуном ходит. И она решила, бог с ним, с самим гнездом, а кладку надо спасать. Вцепилась она когтями в кладку и давай взлетать. И что вы думаете? Взлетела. Здоровая птица. И понесла она кладку вместе с Огородовым в своё гнездо. А сама летит и думает, ну кто это орёт под фюзеляжем, громче

крокодила орёт. Посмотрела, а там мужик какой-то вцепился ей в ноги. Чего ему возле кладки надо? Повредить же может яйца. И она стала клевать его в голову, чтоб он отцепился. А он не отцепляется, только ещё крепче орёт...

В Сиднее возле аэропорта водоёмчик такой есть утиный. На берегу охотники сидят у костра и вдруг смотрят, в вечернем небе птица человека несёт. Один говорит, может, это дельтаплан? Второй говорит, тогда уж самолёт, кричит так сильно. А третий взял ружьё и птицу сбил.

Вышел Огородов на берег из озера вместе с птицей между ног. Она хоть и убитая, а не отпускается от кладки. Охотники как увидели, так всё поняли, не первый случай. Помогли они Огородову на родину улететь.

Вернулся Огородов на родину, пришёл на работу, хватать – по карманам, а яичка-то нет. В Австралии осталось. Жалко яичка.

Но не такой Огородов человек, чтобы оставлять свои вещи в чужих странах. Он как-то раз презерватив в Америке забыл. Было всего-то два. Один пригодился, а второй в тумбочке остался. И Огородов слетал за ним и домой привёз. Жена, правда, ругалась, я ведь тебе два давала, где второй? “Ну, потерял”, - отвечал Огородов. А тут – яичко! Как ни крути, а в Австралию возвращаться надо.

Прилетает Огородов в Австралию, приезжает к аборигенам, а у тех праздник – презентация первого номера эротического журнала. В Президент-шалаше на сцене в лучах прожекторов стоят звёзды номера: кенгуриха и крокодил с хвостом, как у дворняги. Видимо, он ещё в одном аттракционе поучаствовал, и закрутили ему хвост окончательно в крендель. Крокодил – в наморднике, кенгуриха – без хозяйственной сумки, оставила детёнышей где-то, может, у бабушки.

Огородов в щель шалаша наблюдает за действием, изучает обстановку.

На сцену вождь племени вышел, слово взял. Говорит:

- Господа аборигены и аборигенки! Сегодня у нас второй по значимости праздник. Первый был, когда Кука съели, а сегодня – второй. Мы впервые выпустили эротический журнал. Вот он, сигнальный номер!

Вождь показал всем первую страницу обложки. На ней Огородов вкладывает в пасть крокодила не голову, конечно, а сами знаете, что. На следующих страницах были представлены Огородов и кенгуриха, Огородов, бегущий по саванне, и так, несколько незначительных аборигенок. Хотя вождь сказал, что они – секс-символы племени.

Потом вождь добавил:

- Жаль, что суперзвезда номера Афанасий Георгиевич Огородов не присутствует на нашем празднике. Без него журнала бы не было.

И тут в шалаш вошёл Огородов в белых штанах и белой рубашке. Что тут началось! А Огородов с достоинством вышел на сцену, чмокнул

в щёчку кенгуриху, она аж покраснела вся, потрепал по щеке крокодила, он хвостом повилял, но отодвинул его на всякий случай подальше. И сказал Огородов:

- Дорогие, не побоюсь этого слова, друзья! Ваша шутка обернулась шедевром эротического искусства. Но во время съёмок я потерял в своём номере яичко.

Тут крокодил на дыбы встал и похлопал себя в грудь. Знает, стало быть, где яичко...

Стоит оно в красивом подсвечнике вместо свечи на рабочем столе Огородова. Конечно, оно стерилизовано, укреплено изнутри окаменевшей пеной. На яичке фотографии: кенгуриха, крокодил, Огородов, вождь племени и супер-секс-символ всех аборигенов Бурбульфия.

Каждый раз, когда жена Огородова рассматривает яичко, она показывает на Бурбульфию и спрашивает:

- А это что за обезьяна?

Огородов каждый раз спокойно отвечает:

- Это человек.

Жена долго изучает черты лица человека и спрашивает:

- Это мужик или баба?

- Это девушка, - мечтательно отвечает Огородов.

И каждый раз жена ставит подсвечник с яичком обратно на стол со словами: “Ничего себе – девушка”.

А журнал имел оглушительный успех во всём мире. Только очень больные люди не купили журнала. Телевидение, радио, пресса всего мира назвали журнал прорывом в эротическом искусстве. Говорят, Огородову за яичко предлагали миллион долларов. Он не продал.

Вот и стало яичко не простое, а золотое. Не зря говорят в народе, не человек красит яйца, а яйца украшают человека.

П Р И Н Ц И Н И Ц Ш Е

Дневник Маши Ницше, ученицы 5 «б» класса.

Идёт реформа дяди Гайдара и его команды. Гайдар шагает впереди, а я, мама, папа, бабушка, дедушка и сестрёнка – позади.

1. Сегодня мама сказала, что еды в доме осталось на 15 минут жизни. Уже прошло три минуты

2. Недавно почему-то умер дедушка. Второй месяц копим деньги на похороны. Но похороны дорожают быстрее, чем мы копим. Комнату с дедушкой сдали коммерческой фирме. Они почему-то не захотели работать вместе с дедушкой и похоронили его.

3. Приехали родственники из Киргизии. Они беженцы, у них там совсем нечего есть. Мама сказала, будем голодать вместе, так даже веселее.

4. Старшая сестрёнка ходила искать работу, но не нашла. А только забеременела, сейчас нас будет ещё больше.

5. Сегодня в доме радость. Мама наконец-то принесла зарплату за позапрошлый год – два мотка колючей проволоки. Папа унёс их на Урал продать в каком-нибудь лагере.

6. Видела по телевизору сниккерсы и твиккерсы. Попросила маму купить. Мама сказала, всё лучшее – детям, и отломил мне со стены последний, самый жирный кусок извёстки. Было очень вкусно. Теперь извёстка в доме кончилась, переходим на штукатурку.

7. Под нашими окнами упал самолёт. Говорят, не хватило горючего. Пассажиры будут жить пока у нас. Хорошо, что их осталось только двое.

8. Всю неделю ждали спасателей. Пока их ждали, под окнами упал вертолёт. Это прилетели спасатели.

9. По радио передали, что ожидается землетрясение. Но был пожар. И наводнение. Поэтому ничего не сгорело, а только всё утонуло. И уж потом началось землетрясение. Было нисколечко не страшно, потому что мама предоставила политическое убежище иракским курдам. А они такие весёлые. Всё землетрясение пели песни и танцевали танцы. У них на родине такие землетрясения считаются просто плохой погодой.

10. Вчера вернулся с Урала папа. Он принёс колючую проволоку обратно. Там ему сказали, что свою девать некуда. Мама решила попробовать сварить спагетти из колючей проволоки.

11. Потерялась бабушка. Мы все – с киргизами и курдами прочесали соседний парк, но бабушку не нашли. А когда вернулись, нашли от неё записку: “Ушла на панель. Ваша бабушка”. Вечером бабушка вернулась радостная с полной сумкой гвоздей. Она сказала,

что сделала бартер с плотниками. Мама сразу же сварила суп-лапшу из гвоздей. А на второе папа приготовил горошницу из дробы. Всё получилось многоразового пользования.

12. И, наконец, самая радостная новость – у меня появился племянник. И ещё. Я влюбилась в мальчика. Он приходил к своему папе – директору коммерческой фирмы, которая сидит в дедушкиной комнате. Его зовут Толик.

Дневник Толика Принца, ученика 6 «б» класса

1. Сегодня в семье скандал. Мы все: я, мама, папа, бабушка, сестра Марина, кот Мишка и пёсик Рада объелись икры, и нас всех стошнило. Просто давно уже не ели икры – целую неделю. А папа принёс сразу два килограмма.

2. Сегодня в семье опять скандал. Мама ругала папу за то, что он купил ей дешёвый костюм. Она видела точно такой же, но в два раза дороже. “Как я в таком дешёвом буду ходить? Что я людям скажу?” – плакала она.

3. И сегодня в семье скандал. Мой друг Вовка попросил взаймы миллион, и я дал ему из бабушкиного комода. Мама, когда узнала, закричала:

- Ты бабушку обокрал!

А бабушка меня обняла и сказала:

- Подумаешь, обокрал. Должен же мальчик на ком-то тренироваться.

4. Сегодня в семье скандал. Мы все ехали на джипе на дачу, нас остановили гаишники, папа дунул в трубку, и она всё показала. Они с мамой закодировались на дозу, но врач что-то перепутал. Во-первых, их организм понял так, что доза – не меньше бутылки. Больше можно. И во-вторых, что каждый день. Когда у папы трубка показала, мама сказала, тогда машину поведу я. Но и её трубка показала. Тогда за руль хотела сестра старшая сестра Марина, но и у неё трубка показала. Тогда дунул я – и у меня трубка показала. Гаишники из интереса хотели дать трубку коту Мишке, но он вцепился одному в нос. И его забрали за сопротивление милиции. Озверел с валерьянки. И только у нашей собачки Рады трубка не показала. Потому что она уже старенькая. Я не знаю, сколько ей лет, но она ещё дышит. Папа что-то шепнул гаишникам, и они наспустили. Всё законно, один член семьи трезвый – ехать можно.

5. Вчера у папы были американцы. Они просят продать патент на папино изобретение. Папа, когда ушёл из института ракетостроения, целый год думал, что бы такое изобрести поглупее, чтобы покупали. И изобрёл. Противогаз-глушитель для зада человека. С его помощью можно пукать где угодно, когда угодно и с кем угодно. И даже куда угодно. Хоть любимой девушке в ухо. Она всё равно ничего не почувствует.

Папа записал американцев в очередь, потому что желающих много, и прибор должен пройти испытания.

6. Сегодня проходили стендовые испытания прибора и презентация одновременно. Была куча гостей, иностранцы и всё конструкторское бюро, которым раньше руководил папа.

В испытаниях участвовали два бывших штангиста-тяжеловеса. Они покушали горошницы, и испытания начались.

Первым пукнул штангист в противогазе. Никто ничего не услышал и не почувствовал.

А вторым пукнул второй штангист, без противогаза. Ударной волной снесло всю приёмную комиссию. Двоих контузило, одного оглушило, один отравился газами. В спортзале выбило окна. Гости разметало по углам.

Бывшие папины сотрудники кричали "ура", качали папу на руках и просились к нему на работу.

Когда я вырасту, закончу институт, защищу докторскую, стану, как папа, академиком, я тоже буду изобретать такие приборы.

А пока я влюбился в девочку Машу. И чувствую, что мне очень трудно совмещать любовь и учёбу.

Послесловие

К ЗАГСу подъезжает кортеж машин и автобусов. Из первого "мерседеса" выходят ослепительные молодые: Анатолий Принц и Мария Ницше. Из следующих "мерседесов" выходят их родители. Из первого автобуса выходят беженцы из Киргизии во фраках и декольтированных платьях. Из второго – мужчины в шортах и женщины в мини-юбках. Это иракские курды. Пассажиры с самолёта и спасатели с вертолёта выходят из третьего автобуса. За восемь лет ожидания следующих спасателей их заметно прибавилось...

- Горько! – эхом летает под сводами роскошного старинного ресторана...

УГОЛОК КАПИТАЛИЗМА

Не, что ни говори про “МММ”, а я выиграл. Заложил тещину квартиру вместе с тещей и выиграл. И купил квартиру в элитном доме.

Ну, мать честная – в соседях банкиры, генералы, бизнесмены. Все вселились и сказали:

- Вот и слава богу, вот и перешли к капитализму.

Конечно, на работе в цеху ребята на меня коситься стали. Однажды мастер говорит:

- Мужики, завод тонет, надо балласт скидывать, сокращаться надо. Все дружно на меня посмотрели. Я говорю, мужики, вы чо? При чём тут я? Я, что ли, плохой слесарь?

- Не, слесарь ты хороший, - говорит мастер, - но душком от тебя буржуазным веет. Давай, сокращайся.

Взял я с завода свою приватизированную долю – верстак и две болванки... и сократился.

Верстак в кабинете своём поставил, кресло к нему подкупил итальянское, крутящее-сися. И каждый день к восьми утра иду из спальни на работу – в кабинет к верстаку. Стружку на него насыплю из мешочка – я с завода горсть родной стружки взял – и размышляю.

Раньше мы с Валентиной у тёщи жили, в однокомнатной. Какая там мебель. Дай бог, чтоб самого куда на ночь поставили. А тут – красота, четыре комнаты, просторы, объёмы.

Ладно, думаю, раз ребята меня в капиталисты вытолкали, буду жить и работать по-капиталистически. Тёщу забрал к себе, её квартиру сдал в аренду. Живу, к соседям присматриваюсь.

Раз приглашает нас к себе сосед Сергей, молодой парень, бананы из-за бугра тащит. Мы пришли, жена Сергея говорит:

- Садитесь, пожалуйста, креветки кушайте.

Ну, это рачки такие, как саранча или стрекоза. Я первый раз их видел. Крыльев нет, ног нет, что там и жрать-то. Я взял одну и сразу хлоп – в рот. А жена Сергея говорит:

- Вы зря её не почистили.

Да я, говорю, никогда их не чищу. Самое вкусное в них – это шкурка. А она продолжает:

- Вы, Василий, по какой части бизнесмен: по финансовой, по недвижимости или шоу-бизнес?

- Та шо вы, шо вы? Какой бизнес? Я, наверное, по недвижимости.

Она говорит, как интересно, расскажите.

Я говорю, вот в прошлом году у меня Валентина ногу сломала и три месяца в гипсе была. Так я её звал русская недвижимость. Хотя она татарка, голубоглазая.

Короче, про бизнес отболтался, а вот коньяк они мне налили – влюбился я в него с первой рюмки. Выпили мы у них по бутылке на

брата, и я думаю, ну, завтра всё, хана, башка треснет. Утром проснулся, прислушиваюсь к ощущениям. Голова не болит, глаза открываются. И закрываются. А мысли, как песни идут, аж рифмованные. С ума схожу, что ли? Разбудил Валентину. Обычно у неё с похмелья лицо такое гладкое, как зад. А тут лицо как лицо. Нос, глаза, всё прощупывается. И она говорит:

- Вась, что с тобой? Уж больно ты свежий для похмелья. Уж не заболел ли?

И тут дошло до нас, что коньяк – беспохмельный.

Бросились мы в магазин коньяк этот покупать, не потому что голова, а так – для порядка, раз накануне приняли. Я на бумажку название русскими буквами у соседа списал, говорю продавцу, одну. А она отвечает, 100 долларов. Вот тут-то нас и хватануло похмелье. Оказывается, здоровье сто долларов стоит, один пузырь.

Бурду, конечно, пить мы уже не стали, стали копить на коньяк. Каждый день ходим трезвые, как последние банкиры. Собачку Кустика по двору выгуливаем чаще обычного. Обычно-то раз в неделю.

Но у Валентины на работе неприятности начались. Она в столовой поваром. И вот после тех креветок отшибло у неё вкус к мясу. Даже с работы домой его не несёт. Подай ей каждый день креветки. Исхудала. Осталось-то в ней килограммов сто. Подружки смеются, чо, говорят, Валентина, в манекенщицы пойдёшь али в фотомодели, эротические.

Да ещё бабки из соседних хрущёвок оплевали её всю. У нас сейчас двор железным забором огорожен. И вот бабки с утра идут к забору на дежурство. Берутся за прутья ручонками и злобно глядят на чужую жизнь: на “мерседесы”, на женщин в шубах, на генералов в лампасах. И никого не пропустят. Генералов вообще куда подальше посылают, вплоть до Чечни.

А тут Валентина из подъезда вышла в драповом пальтишке. И они как начали в неё плевками плеваться, слюнёвыми. Да с разбегу, да в прыжке. Чтоб доплюнуть. И кричат:

- Ишь, прикидывается, шубу норкой внутрь надела.

Я тоже попался по неопытности. Кто-то из нашего дома джип купил. Ну, такой джипистый, что я подошёл посмотреть. Я вообще не могу спокойно стоять, когда оно большое и джипистое. Я стою у забора, любуюсь. А за забором, оказывается, фронтовик в засаде лежал. Он там окопался, замаскировался и подстерегал клиентов из нашего дома, которые на джип, как на приманку, шли.

Я слышу, мне – щёлк – по башке. Я оборачиваюсь – фронтовик за забором с клюшкой.

Я говорю:

- Ты чо, батя? Рехнулся?

А он говорит:

- Ты зачем на мои денежки джип купил?

- А когда это ты мне их давал?
- А я их и не давал. Ты сам у меня их отобрал.
- Дак они у тебя, что ли, были?
- Не было. А ты всё равно отобрал.

И уж совсем была мне непонятна собачья ненависть. Нет, псы-дворняги из соседних дворов к жильцам-человекам из нашего дома относились даже с почтением. А вот к собакам из нашего дома – со страшной звериной злобой. Только выходит такой холёный дог-бульдог из нашего двора, псы-дворняги стаями вокруг него выются и норовят откусить от туловища какой-нибудь член. Только хозяин и спасал палкой или ещё чем, лучше факелом. Потом уже все наши собаководы на факелы перешли. Вечером смотришь в окно на собачий парк – факельное шествие. Потому что наши договорились собак выгуливать всем вместе, чтоб легче отбиваться было.

А я ещё такой феномен открыл – эти псы-дворняги даже своих женщин, ну, их сучек из нашего дома, не щадили. Раз выбегает из двора сучка течная, ну, красавица холёная. Да мимо такой, если б она женщиной была, ни один мужик не прошёл бы. Как её порода-то? В рот веер, вот – вротвейер. Или эрдельпердель? Нет, вротвейер. Кобели, здоровенные дворняги, её окружили и вместо того, чтоб... они её б... они её б... Они её кусать начали.

Вот как! Идеология у них выше любви поставлена. Они прямо, как Молотов в молодости – свою жену Сталину в тюрьму сдать могут. Такое вот у них большое и доброе собачье сердце.

Короче, злоба и ненависть окружили наш дом. И с первого числа по дому было объявлено осадное положение. Каждый день в семь утра из подъездов сначала выходили сапёры. Они разминировали машины во дворе и обезвреживали в лесу за городом. Потом выходили жильцы. Каждый мужчина нёс комплект колёс от своей машины. Проткнутые колёса снимались, накаченные ставились. Женщины выносили рули. Когда машины укомплектовывались – всем двором выезжали на работу.

Отдых после работы начинался с процесса выкупа заложников: бабушек, дедушек, кошек, собак, захваченных в рабочее время. Такса была чёткая: за бабушку – две бутылки пива, за дедушку – бутылка водки. За тещу – коньяк. Они мне дали. В придачу.

После этого весь дом ложился спать по законам военного времени: тридцать процентов спит, тридцать – бодрствует, а тридцать – стоят в дозоре. Ну, то есть я сплю, жена смотрит телевизор, а теща стоит с топором у двери. Потом меняемся, если я проснусь. Но я ещё пока не просыпался.

Вы спросите, а где ещё десять процентов? А нету их. По законам военного времени, по уставу, процентов остаётся только девяносто. По уставу. Зато прямой угол – сто градусов.

Как-то ночью Валентина меня будит и говорит, Вася!

Я вскочил, шашку наголо со стенки:

- Что, Валя?

Она шепчет:

- Может, перейдём к своим? К маме опять переедем, ты на завод пойдёшь.

Я шашку повесил, спрашиваю:

- А как же коньяк, а шампанское с креветками? Бросим, что ли?

- Да ну их к лешему. Водка, она ведь тоже хорошая бывает.

- Мне не попадалась. Ладно, давай после Нового года. А сейчас спи.

А Новый год наш дом справлял по-особому. Во дворе свою личную домовую ёлку поставили и сказали: “В час ночи все могут спуститься во двор на шутки, игрища, розыгрыши и аттракционы. В своём кругу, в час ночи”.

Штурм дома начался в час пятнадцать. Все жильцы были в состоянии хоровода. На словах “порою волк, сердитый волк...” раздался взрыв под джипистым джипом, и на дворовые ворота полезли люди с кольями.

Вот тут-то наши генералы и пригодились. Ну, то есть штурм был проигран начисто. А генералы после взрыва оказались под ёлкой. Оно и понятно, в элитном доме генерал ещё может жить, но воевать ему тяжело. Не для того же он в армию шёл.

Мы стояли вокруг ёлки в плотном кольце нападающих. Акцию возглавлял тот фронтовик, который меня своей клюшкой щёлкнул. Начал он красиво:

- Человек, шампанского!

И посмотрел на генерала под ёлкой. Генерал быстро превратился из генерала в человека и подал фронтовику стакан. Дед выпил, крикнул и сказал:

- А сейчас водки. Запить.

Запив, продолжил с крыши джипа, прижав кепку к груди:

- Значит так. Ваши квартиры конфискованы и передаются трудовому народу. То есть нам. А мы вам, так и быть, отдаём наши. Со всем имуществом и клопами.

Первого января проснулись мы с Валентиной у тёщи. Башка трещит. Нарезались ночью с горя. С азербайджанцами, тёщинными жильцами. Закусывали анашой, курили какую-то дурь.

Вот, думаю, ядрёна-ть. Надо было жить у тёщи, когда выиграл. Деньги – в валюту, валюту – в чулок, чулок заварить в болванку, самому готовиться к штурму. И въехал бы сейчас в свою квартиру бесплатно. Я видел, все ребята из бригады в штурме участвовали.

Сейчас в моей, наверное, мастер спит. И коньяк мой за батареей, конечно, нашёл, скотина. Жалко, месяц копил на него. Думал, в Новый год... эх!

Вот такая ротация вышла, язви её. Поторопился я, бляха-муха. Вот и рокинулся обратно: из князи да в грязи.

**Огляделся я, смотрю, азербайджанцы спят-хохочут с анаши, а
Валюхи и тёщи нигде нет.**

**Бросился я к нашему дому и увидел такую картину. Все бывшие
жильцы стоят вокруг забора, ручонками схватились за прутья и зло
смотрят, как из подъездов выходят новые жильцы. Я тоже встал,
смотрю, мастер наш выходит. Лицо свежее, чистое. Значит, точно,
коньяк нашёл.**

ПО Л Е Н О З А К О Л Д О В А Н Н О Е

Да кто мог знать, что оно заколдованное? Обычное полено, правда, крученное от комля, но без сучков. Поставил я его перед собой на попа, пригляделся к нему и чувствую, идёт от него какая-то аура непонятная. Ну, размахнулся я топором мощно, и так поясницу заклинило. Прострелило по позвоночнику снизу вверх и молнией из глаз вылетело. А я с топором над головой стою, как окаменел. Ни рукой, ни ногой. Потом ноги вроде отпустило, и я в дом пошёл на цыпочках с топором над головой. Захожу. Зинаида меня увидела и как закричит:

- Фёдор, не надо! Не виноватая я! Это Валентина меня подставила, скотина такая.

Я ей говорю шёпотом:

- Зина, возьми у меня топор из рук.

Она замолчала настороженно:

- Возьми топор, - шепчу я, - не могу руки опустить.

Топор она взяла и засуетилась:

- Может, тебе рюмочку выпить от боли?

- Как я её выпью? Стою, как фриц под Сталинградом. Что я, подпрыгивать буду? Или струйку сверху лить?

Попоила она меня из стакана – боль прошла, но руки не опустились. Даже после бутылки. На каждую руку.

Утром проснулся я распластаный на диване с кирпичом на спине. Зинаида мне спину грела, да видать переборщила спьяну, всю шкуру сожгла. Я поворчал на неё:

- Ну ты, рэкетирша, палачиха, за что пыталась раскалённым кирпичом?

- Ты сам говорил, что хорошо тебе.

Встал я с поднятыми руками, ну беда – ни умыться, ни опохмелиться. И тут до меня дошло, что я на двор хочу. Я аж побледнел от этой мысли – а как? Вот тут надо сказать, у нас в соседях живёт брат Зинаиды - Иван. Парень он с юмором. Но больше – с похмелья. Вот и теперь он, как нельзя кстати, влетел в дом с двустволкой и заорал:

- Руки вверх!

Но когда увидел, что уже стою с поднятыми руками и весь бледный, он опешил, и палец на спусковом крючке у него дрогнул. Выстрел был такой неожиданный и оглушительный, что внутри у меня что-то ёкнуло, и руки резко опустились вниз, чтоб закрыться. Ну, как футболисты во время штрафного в стенке. Понял я, что в туалет уже бежать можно, и дёрнул на улицу. Возвращаюсь немного радостный, всё-таки одну проблему решил. Но возникла другая – руки в нижнем положении зафиксировались.

Иван пришёл в себя после выстрела и говорит:

- Зина, чего это он у тебя такой стеснительный стал, прикрывается, как Афродита. Пнуть, ей богу, хочется.

Зинаида выпроваживать стала брата:

- Иди, Иван, отсюда, всё равно не дам опохмелиться. А Фёдор болеет. У нег прострел в спине.

- Чо он тогда не за спину держится?

- Иди, иди, - вытолкала брата Зинаида.

Упал я на кровать в состоянии футболиста-защитника и думаю:

- Что ж это за полено такое?

Утром пошёл я во двор, подошёл к полену – стоит, как вчера, никуда не сбежало. Сел на него, посидел. Слышу, такое тепло из него в меня пошло, и руки сами по себе разжались и задвигались.

Ах ты, думаю, в чём это она не виновата? Вхожу в дом и сразу спрашиваю:

- В чём это ты не виновата?

- Да понимаешь, мужик у Валентины выписал журнал эротический. Тайком от неё. И я ходила к Вале его смотреть. Тайком от него.

- Ну?

- Ну и всё.

- Ну и что тут такого?

- Да ведь так я такого насмотрелась, думала, ты меня убьёшь из ревности.

- Ну что там, лучше, что ли, чем я?

- Не, ты ещё лучше.

- Ну и всё. Чего ещё?

Подошёл я к полену и думаю: или со мной что-то не так, или с поленом. Замахнулся я на него колуном, оно – раз – и набок. Вот ты неразбериха какая. Даже самому интересно стало. Поднял его, отступил назад, установил попрочнее, опять замахнулся, опять сорвалось. Я ещё назад отступил. Ну, сейчас, думаю, кончу его. А пока назад отступал, вошёл в зону действия бельевой верёвки. Там Зина трусы свои сушит. А они тяжёлые, и верёвка провисла. И когда я размахнулся, верёвку колуном и зацепил...

Очнулся я в больнице. Слышу, врачи меж собой разговаривают:

- Жить будет, но плохо.

Я встрепенулся весь:

- Как это плохо? Почему это плохо?

- Вы, молодой человек, когда выпишетесь, тогда узнаете.

Ну, узнал я потом. Не так уж страшно. Просто голова сдвинулась у меня влево сантиметров на тридцать. Зинаида взглянула, успокоила:

- Нормально, пройдёт. Я в эротическом журнале и не такое видела.

Сели мы с ней за стол праздновать выписку. Взял я стопку, хлоп – и мимо правого уха вылил назад. Вот тут до меня и дошло, почему жить буду, но плохо. Зинаида в слёзы:

- Что же это, ты теперь так и будешь жить трезвый?

Я – срочно во двор, сел на полено, прошу его:

- Поленушко, золотое, исправь меня обратно. Клянусь, не трону больше тебя.

И чудо! Опять по всему телу тепло разлилось, и шея моя выпрямилась.

Теперь полено у нас дома живёт. И если простуда какая или озноб, мы с Зинаидой на него садимся и – всё, как рукой снимает.

К Р А С А В И Ц А Ж Б И

Да чего же это, бабы, в стране делается? Мужик-то мой из конкурсов красоты не вылазит. Всех первых красавиц спознал. По именам знает. И даже в лицо!

Вчера опять явился с конкурса, но расстроенный. Говорит:

- Вот смотрю я, Даша, на этих первых красавиц и в толк не возьму: что эти члены жюри под красотой понимают? Сегодня опять такую худющую красавицу выбрали – хоть плачь. А ты у меня такая масштабная женщина, а зазря пропадаешь. Выступи на конкурсе. Выстави свою кандидатуру.

Я говорю, как это? Напоказ, что ли?

Он говорит, напоказ. Я, говорит, уж как-нибудь переживу, перетопчусь, а только от людей такую красоту скрывать – это не хозяйски.

Я сначала-то забоялась. Боязно выставлять напоказ... всю свою кандидатуру. А потом думаю: а что? Да неужто в городе есть кто красившее да здоровшее меня? И согласилась.

Смены рабочие свои высчитала. У нас на ЖБИ трёхсменка. ЖБИ – это завод железобетонных изделий. Я прикинула по сменам – удачно. В день конкурса я как раз из ночной выйду. Думаю, вот и хорошо, отосплюсь после ночной, а днём – на конкурс. Красоты.

Два дня я себе платье шила. И три дня – купальник. Купальник получился – вообще! Пока шила да примеряла, Вася мой ко мне четыре раза приставал. Но брал себя в руки и говорил:

- Будем беречь силы на конкурс.

Я ему намекала, мол, у меня на всё сил хватит. Но он говорил:

- Я не за тебя переживаю, а за себя боюсь.

Отгарабанила я ночную перед конкурсом, две нормы выдала и домой собралась. А мастер Петрович в бытовку забегаёт и кричит:

- Даша, спасай! План горит, бетон стынет. Степанида заболела, а там арматуры – на 10 тонн.

Я говорю:

- Ты что, Петрович? У меня конкурс красоты после обеда.

Он долго на меня смотрел и говорит:

- Даша, человек красив трудом. А если ты ещё каким местом хочешь быть красивой, то иди красуйся. Только премии всему цеху не видать.

Пришлось остаться. Дала я за Степаниду ещё две нормы до обеда и дунула на конкурс. Ну, ясное дело, переодеться некогда, так в спецовке туда и прибежала.

А дело на летней эстраде происходило. Там уже красавицы стоят, правда, пока ещё в платьях. Народу – тьма. Пробылась я к эстраде, заскочила на неё и говорю членам жюри:

- Граждане судьи! Извините за опоздание, у нас в цеху Степанида заболела, я за неё нормы отработывала, вот переодеться и не успела. Но платье у меня есть. Я его отдельно от себя могу продемонстрировать.

Достала я им платье и показала.

Они, посоветовавшись, допустили меня к конкурсу. Видать, платье понравилось.

Поглядела я на красоток, у них платья шикарные. А я думаю, в платьях-то из Парижа меня каждый полюбит. А вы меня в спецовке оцените!

Тут музыка заиграла, пошёл первый тур – танцевальный конкурс. Выделили всем по партнёру. Ну, мне тоже один достался. Думаю, как же мне его обхватить, чтоб не травмировать. Только я к нему приспособилась, он как заорёт. Оказывается, я ему на ногу сапогом наступила. Ну, дали партнёра. Да мне шагающий экскаватор раз на ногу наступил – и ничего, дальше пошёл, захромал только. А этот орёт, на одной ноге скачет.

Я рассердилась, говорю членам жюри:

- Вы кого красавицам в партнёры подсовываете? Да его поставь у нас на арматуру – он на первой минуте загнётся. Партнёр...

Хорошо, что в первом ряду наш бульдозерист сидел, Петро. Как пошли мы с Петром вприсядку на сцене, так публика и заплодировала. Мы под свою музыку плясали, под тра-ля-ля.

Петька частушки пел:

- Тына, тына, у Мартына – голова из ёжика.

А у меня такая лёгкость в теле. Двух красавиц случайно со сцены смахнула, не заметила. Лёгкость у меня всегда возникает, если три смены подряд работаю.

Во втором туре надо было походку показать. Пройтись по сцене с партнёром. Конкурентки мои прошлись – у-тю-тю-тю. Походка – от бедра. Не скажу, походка есть. Правда, бедра нету.

А мой партнёр не подходит ко мне, боится. Там «скорая» приехала, на ногу гипс ему наложили. Тогда я одна пошла по сцене. И тоже – от бедра. Слышу, в жюри один шепчет:

- Походки нет.

А второй говорит:

- Зато бедро есть!

В третьем туре мужичок из жюри встал и объявил:

- А теперь, уважаемые красавицы, продемонстрируйте нам, пожалуйста, простую комбинацию в стиле аэробика. Комбинацию демонстрируйте в купальниках.

Зашла я в свою кабину для переодевания и думаю: «Где же мне простую комбинацию взять? Ведь у меня только шёлковая. Их простых-то, хлопчатобумажных, и в магазине нет. Потом думаю, да зачем это я буду простую комбинацию демонстрировать, когда у меня шёлковая с такими красивыми кружевами».

И вышла в шёлковой. А под комбинацией – купальник. Публика такую овацию устроила. Чувствую, красившее меня никого не будет. Конкурентки мои вообще без комбинаций вышли, в одних купальниках. Я тоже свою сняла, да как торсом повела, как плечиком подвигала, так – всё! Чувствую, они мне больше не конкурентки.

Вышли мы в финале на сцену для оглашения меня первой красавицей. Председатель жюри встал и объявил:

- Первой красавицей объявляется Марина Суслопарова.

Я ему подсказываю:

- Да не Марина я Суслопарова, а Даша я Рукосуева.

Он как не слышит. Я думаю, да что это они? Шутки со мной шутить. Взяла я этого председателя за грудки. А ну, говорю, объявляй как следует.

Он потрепыхался и объявил меня первой красавицей.

Вася мой выбежал на сцену, обнял меня и сказал:

- Я знал, что ты у меня красивше всех, но что настолько – не знал.

И нёс он меня на руках три остановки до самого дома. С перекурами. И привалами.

ВИЗИТ В СЕЛО ОБАБКОВО

Репортаж из стенгазеты «Обабковский фермер»

Вчера деревню Обабково посетил с дружеским визитом тракторист из деревни Мухоморово товарищ Мухоморов с супругой.

Высокого гостя в аэропорту Шеребабьево встречают товарищи: тракторист Обабков с супругой, шофёр Оплетаев с супругой, сторож Овсов с тёщей. И другие официальные лица.

В воздушном пространстве аэропорта кружатся лайнеры всех марок – вороны, сороки, грачи. Наконец, из леса выезжает Высокий гость с супругой. Гостей доставила правительственная кобыла по кличке Боинг-707. Гостям помогает сойти с телеги обаятельная стюардесса дед Фомич. Тракторист Мухоморов и тракторист Обабков горячо приветствуют друг друга. Товарищ Обабков интересуется условиями перелёта от Мухоморово до Обабково через овраги.

Высокий гость и товарищ Обабков обходят почётный караул сторожей заготзерна. Затем почётный караул сторожей проходит перед гостем в торжественном марше. Ровными рядами и колоннами чеканит шаг караул – два брата Овсова. У одного безупречно ровно торчит бердана, у другого ещё ровнее – вилы. Шуршат плащ-палатки, почти не просят каши сапоги. Почётный караул в торжественном марше уходит сторожить заготзерно.

Трактор ДТ-54 тянет в Обабково открытую тележку с высоким гостем на борту (на левом). Вот трактор въезжает на главную улицу села Обабково, поскольку других улиц нет. И сразу застревает в луже у сельсовета. Почётный эскорт из мотоциклистов красиво застрял ещё раньше, позавчера.

Тысячи сельчан вышли бы на улицу встречать высокого гостя, если бы в деревне осталось хотя бы человек 50. Но осталось всего лишь 26.

Под шквал 11 (трудоспособных) аплодисментов сельчане провожают Высокого гостя с супругой из лужи до дома. В гости к трактористу Назару Обабкову.

Назар Обабков с супругой прибежали из аэропорта пешком и теперь ждут гостей в Матрёнинском зале избы. Матрёнинский зал был назван в честь бабки Матрёны, которая здесь живёт, работает и ночует.

Хозяин дома тракторист Назар Обабков приглашает гостя тракториста Мухоморова в Деревянную палату (сарай) для предварительных переговоров.

В это время госпожа Мухоморова в сопровождении госпожи Обабковой осмотрели достопримечательности Обабково: невспаханное

поле площадью 800 га и колхозную баню, действующую, в аварийном состоянии.

Затем они побывали в Оружейной палате егеря Егорова, где осмотрели его двустволку ИЖ-49.

В алмазном фонде села Обабково госпожа Мухоморова пощупала руками уникальный экспонат – шапку монаха. Эту шапку-ушанку монах выбросил ещё в 1918 году. Но уже в 1919-м он подобрал её и носит до сих пор, не снимая. Шапка демонстрируется вместе с монахом.

В заключение осмотра достопримечательностей дамы сходили по грибы.

В колхозном клубе тракторист Мухоморов дал большую пресс-конференцию по правам человека-шофёра. Он рассказал, что однажды у них в деревне Мухоморова гаишники отобрали «права» у одного человека-шофёра. И он решил убежать в другую деревню. Но потом его передумали, и он остался. И не жалеет! Сейчас он живёт и работает пока без «прав». А как пересдаст, так получит.

В заключение конференции товарищ Мухоморов ответил на многочисленный вопрос селькора Морковкина, собравшегося в зале. Морковкин пять раз спрашивал вслух и два раза в записке: «Почему в зале я один?». Товарищ Мухоморов обстоятельно ответил на все вопросы.

В частности, он ответил: «А я откуда знаю?».

Вечером в Егорьевском зале Избы (там отходит дед Егор) супруги Обабковы дали тожественный ужин в честь Высокого гостя.

Трактористы обменялись тостами. Назар Обабков сказал:

- Я поднимаю этот талон на бутылку вина за здоровье наших дорогих гостей господина Мухоморова и госпожи Мухоморовой. Пусть наша деревня процветает, как ваша, а ваша – как наша.

С ответным тостом выступил товарищ Мухоморов. В частности, он сказал:

- А выпить где?

После тостов трактористы обменялись подарками. Назар Обабков поднёс гостю картину-натюрморт. На картине изображены талоны на сахар, сыр, колбасу, масло, яйца и шерсть. Да так аппетитно, хоть вырезай и беги в магазин. Товарищ Мухоморов хотел это сделать. Но ему сказали, что в магазине ничего нет. И магазина – тоже.

В свою очередь, товарищ Мухоморов подарил Назару Обабкову картину-пейзаж «Утро в сосновом лесу». На картине два больших трактора и два маленьких тракториста лазят по зарослям, ищут выход в поле.

Ужин прошёл в тёплой, дружеской атмосфере, возникшей в результате ссоры между трактористами из-за последнего стакана браги.

Ночью того же дня из аэропорта Шеребабьево Высокий гость с синяком под глазом отбыл на родину.

ПОСОБИЕ БИЗНЕСМЕНУ

Прежде, чем начать своё дело, подумай, а нужны ли тебе деньги вообще? Маленькие деньги – маленькие заботы. Большие деньги – большие неприятности.

Помни! У нас грабят быстрее, чем зарабатывают. Благо, есть кому: государство, жена, любовница, дети, рэкет – по понижающей.

И знай! Если ты встанешь на скользкую тропу предпринимателя, у тебя всего три пути: или отберут, или посадят, или вообще... уберут. В любом случае твои знакомые с радостью скажут: «Ну говорили же дураку!».

И не забывай! Ты живёшь в стране, где даже цыгане ходят поголовно обманутые.

Если тебя это не останавливает, можешь начинать дело.

Первое. Выбор деятельности. Во время перестройки был принцип: «Разрешено всё, что не запрещено». Сейчас: «Разрешено всё, что запрещено». Исходя из него, определись, а как ты решил делать деньги: зарабатывать или воровать? И то, и другое опасно. Но воровать легче. И это умеют все. Черта общенационального характера.

Мы рассматриваем случай, когда ты совсем дурак и решил зарабатывать. Начни с названия фирмы. Если это киоск в министерстве, назови его броско и образно, например, «Взятки». Подбери ассортимент, разложи по полочкам согласно чину чиновников: приезшему командировочному и голову не надо ломать. Кому что надо – всё есть.

Очень важно и название товара, который ты собрался выпускать. Если это туалетная бумага, назови её поэтично, душевно. Например, «До глубины души».

Если ты решил идти в шоу-бизнес петь, не называй себя певцом. У нас сейчас все певцы. Никто не говорит, все поют, заливаются соловьями: и кандидаты, и депутаты. Не называй себя секс-символом. У нас все секс-символы. Сразу говори, что ты порнозвезда, а лучше, что ты сексуальный маньяк. Только тогда ты, как певец, можешь рассчитывать на успех.

Далее – реклама продукции. Надо переплюнуть всё, что уже имеется на телеэкране: перхоть, прыщи, грыжу, месячные, обвалянных ребятишек. Надо сделать ещё круче.

В нашем случае с туалетной бумагой предлагается такой сценарий рекламы:

Голос диктора: «Эври дэй обычная туалетная бумага во время пользования рвётся. Поэтому вам после туалета приходится мыть палец (на экране должен быть крупно показан палец. Третий). Снова голос диктора: «И только бумага «До глубины души» (на экране крупно – пользователь во время пользования), голос продолжает: «... не рвётся»

никогда». (На экране бульдозер вытаскивает из лужи «Мерседес» тросом из туалетной бумаги «До глубины души». На капоте сидит красотка на унитазе и нежно целует рулон бумаги). Голос диктора продолжает: «Только наша бумага – многоразового пользования» (на экране симпатичная девушка стирает на стиральной доске бумагу, сворачивает её в рулончик и передаёт обычному потребителю, красавцу мужчине. А у него забирает в стирку использованный рулончик).

Подбор кадров начинай с подбора секретарши. Какая она должна быть, умная или красивая? Главное, сговорчивая. Ну и без заболеваний. Если она во время испытательного срока приходит на работу после двенадцати и жадно пьёт твой чай, бери, не сомневайся.

Сложней с главным бухгалтером. Умная, красивая, сговорчивая, без заболеваний – это само собой. А вот честная она нужна или хитрая? Честная с тобой, хитрая – с государством. Не дай бог – наоборот.

Итак, у тебя есть коллектив, есть производство, есть реклама. Где открыть счёт: в государственном или коммерческом банке? Всё равно. Главное, чтоб был счёт ещё и в швейцарском.

Если твоя работа налажена в соответствии с моими рекомендациями, дела пойдут.

Любой бизнесмен на пути развития должен пройти 3 стадии:

первая – кутило: сколько заработал, столько прокутил;

вторая – дурило: сколько заработал, на столько накупил барахла для дома, для семьи;

третья, высшая стадия – скупердило: сколько заработал, всё пустил в оборот, никуда больше.

В этой последней стадии надо неусыпно следить за собой. Если ты вдруг однажды утром замечаешь, что самая мелкая денежная единица для тебя начинается с 1 млн долларов, надо резко переходить в политику. Или через границу. Если не успел, сам виноват.

Потому что следующая стадия – проверка. Или налоговая полиция, или ОБЭП (борьба с экономическими преступлениями).

Рекомендуемый набор ответов для этих организаций:

не знаю

не помню

не видел

не знаком

не участвовал.

Помните, что чистосердечное раскаяние уменьшает вину, но увеличивает срок. На вопрос: «Вы орудовали в сговоре?» - ответ: «У кого – сговор, а у нас общее собрание акционеров».

Если проверка не отцепляется, направь их проверить конкурента, о котором ты что-то знаешь. Другая интересная работа отвлечёт ребят от тебя.

Ну вот, тебя и разорили. Это самый лёгкий финал. Я предупреждал. Только не плачь на улице. На тебя никто не обратит внимания.

В лучшем случае машина брызнет грязью. Не ищи помощи у государства. Оно может помочь, только если у тебя есть что отнять.

И никогда не унывай. Сохраняй душевное равновесие. Не смотри на ночь фильмы ужасов, насилия и наши новости. Не теряй времени на фильмы про мафию. Если ты в бизнесе, удивить тебя нечем.

Сохраняй чувство юмора, учитывай национальный фактор. Если тебе говорят: «Христос воскрес», отвечай: « Воистину воскрес». А если говорят: «Курбан байрам», отвечай: «Воистину байрам».

После разорения отдохни. Соберись с мыслями. Перечитай это пособие. Вдумайся в первые строки: «Прежде, чем начать своё дело, подумай, а нужны ли тебе деньги вообще?».

ГОЛЫЕ ТЁТЕНЬКИ

«Ведь если женщины ходят, значит, это кому-нибудь нужно», - подумал Пётр Никифоров и тут же решил заняться изданием эротического журнала. Правда, фотографироваться для журнала сразу почему-то никто не бросился. Даже проститутки.

- Да мы чо, проститутки, что ли – фотографироваться? – сразу отрезали проститутки. – Ты иди свою жену фотографируй, - дали дельный совет ночные красавицы.

«А почему бы и нет?» - подумал Пётр и вышел с соответствующим предложением к жене. Он кратко описал ей свою задумку и обозначил название журнала – «Плечо».

- Ну причём здесь плечо? – сразу заругалась Мария.

- Так не жопа же, - возразил Пётр, - хотя она, конечно, красивая, если не моя.

Во время уговоров сняться для эротического журнала Мария два раза сбивала Петра с ног пощёчиной, три раза краснела, один – бледнела, а потом сказала:

- Да хрен с ним, со статусом. Уж лучше под объектив к мужу, чем на панель. Жрать-то что-то надо.

На следующий день Пётр назначил Марии фотопробы. Ровно в одиннадцать ноль-ноль он закричал:

- Следующая!

На пороге его комнаты возникла Мария. Она с волнением опустила глаза под строгим взглядом Петра.

- Раздевайтесь пока, - предложил Пётр, - я аппаратуру подготавливаю.

Он по-деловому чистил тряпкой фотоаппарат «Смена».

- Догола?

- Да догола! Мне зачем скрытые дефекты? – добавил Петр.

Мария сняла с себя всё остальное. Пётр отвлёкся от фотоаппарата, взглянул на жену и замер. Она стояла, стыдливо прикрываясь руками, но рук-то было всего две. Короче, первые фотопробы закончились по согласию сторон.

После третьей попытки начать фотопробы, Мария спросила:

- Петя, ну как, подхожу я под фотомодель?

- Ты-то подходишь. Да я, видать, в фотографы не гожусь. И как они там в «Плейбое» работают? Это ж какую нечеловеческую силу надо иметь, чтобы сдержаться.

Первая серия эротических снимков была готова через два дня. Совсем обессиленный от фотосъёмок Пётр сидел за столом и перебирал фотографии.

Мария стояла, облокотившись, рядом, и оба внимательно разглядывали получившуюся эротику.

- Слышь, Петя, а я ведь ничего себе, полненькая, аж отсвечивает.
- Да уж, - поегозился Пётр на стуле.
- Петя, а если меня узнают, тебе же стыдно будет.
- Чего стыдиться-то красотищи такой? Нормально.
- А мне стыдно. Может, мне нос подрисовать, чтоб не узнали.
- Куда уж подрисовывать – хобот будет.
- Тогда давай подотрём, уменьшим.
- А вот это – мысль... Эх, ещё бы парочку фотомоделей отснять, журнал бы получился классный, - посетовал Пётр, инстинктивно понимая, что разнообразие сильнее красоты.

- Это кого ещё? – строго спросила Мария.

- Может, тещу?

На пороге комнаты неожиданно возникла теща. Она открыла дверь своим ключом и, как говорят, застучала дочку с зятем с поличным.

- Ну вы совсем с ума сошли от безработицы. Инженер, учительница, а чем занимаетесь? Вы ещё меня пофоткайте! Да я три войны прошла бы, если бы пошла. Да бог дал ума – сразу поехала к немцу, в лагерь. Пусть не в пионерский, зато сейчас от них пенсию получаю 100 марок. Дак хоть вас кормлю.

- Мама, вы не волнуйтесь, - вежливо прервал Пётр тещу, - это всё законно, мы регистрируем журнал, будем платить налоги.

Тёща посмотрела на Петра, сказала «э-э-эх!», положила на стол с фотографиями 50 марок и ушла.

Через месяц в подземном переходе к вокзалу, поёживаясь от холода, стояли Пётр и Мария, держа за уголки журнал «Плечо» с обнажённой Марией на обложке, правда, с курносым носиком. Из потока снующих туда-сюда граждан нет-нет да и подходили интересующиеся. Два кавказских лица цыганской национальности сразу попросили полистать журнал.

- А почему в журнале женщин мало, всего один? Нам много надо, - спросило первое лицо.

А второе сказало:

- Один, но очень симпатичный женщин. Адрес не дашь? – обратилось второе лицо к Петру.

Мария покраснела и отвернулась. А Пётр ответил:

- Адресов у нас не имеется. Если хочешь – покупай и просто любуйся.

Лица взяли по десять экземпляров на каждое лицо.

Затем подошли два подростка.

- Смотри, смотри, голые тётеньки, - сказал один другому. Пётр сразу предупредил их:

- Ребятки, вы ещё молодые эротику покупать.

На это один из подростков веско возразил. Он достал финку из кармана, выщелкнул лезвие и сказал:

- Вообще-то мы у вас и отобрать всё можем, но мы люди честные, купим за деньги.

Однако купля не состоялась, потому что юные рэкетеры увидели подходящего милиционера и скрылись. Милиционер козырнул и представился:

- Сержант Козыряев. Чем торгуете?.. А почему женщины голые и всё видно?

Пётр пояснил:

- У нас эротическое издание. Мы так зарегистрированы, нам в одежде показываться запрещается.

Сержант полистал журнал и сказал:

- А может, это порнография? Кто определит?

- А кто определит? – растерялся Пётр.

- А в этом переходе определяю я, - сержант покрутил в руках журнал, - вот я и определяю, что это порнография.

- А если – так? – Пётр протянул сержанту купюру.

Тот посмотрел её на свет, разгладил и ответил:

- Ну, если так, то это эротика. Но только до конца моей смены...

... Два года спустя в своём просторном офисе Пётр Петрович проводил оперативку. Слово держала главный бухгалтер:

- Я уже не могу, Пётр Петрович. Мы с кассиром деньгами мозоли на пальцах натёрли, впору на инвалидность идти. Нужны машинки для подсчёта денег.

- Берите, сколько надо, из кассы и покупайте.

В кабинет бесшумно, как кошка, заглянула секретарша и промурлыкала:

- Пётр Петрович, вас директор механического завода к телефону.

Они хотят вас выдвинуть кандидатом в депутаты в областную Думу.

- Да за что меня-то? Я никого не обманул, ни у кого не украл.

- А он говорит, - хитро прищурилась секретарша, - что вы сексом занимаетесь, а это тоже мерило.

- Да не сексом, а... ну ладно, скажи ему, Леночка, что я согласен, пусть позже перезвонит. Теперь фотоцех. Доложите обстановку, Илья Абрамович.

Безумной интеллигентности мужчина средних лет с длинными седыми волосами ответил:

- Всё нормально, Петр Петрович, фотографируем.

- А почему нашей ведущей фотомодели Ирины давно не видно?

- Приболела она по-женски, зуб у неё болит... Ну и ещё у нас проблема, забеременела слегка – на работе.

- Вы что, смеётесь? В ваш цех презервативов привезли из Италии, а вы? У вас фотографы не соблюдают правила гигиены труда и промышленной санитарии на производстве?

- Фотограф новенький был, перепутал презерватив с противоголозом.

- Производственный отдел, докладывайте.
- Ухудшилось качество печати в типографии. Читатели жалуются, что грудь со лбом путают, и это мешает сосредоточиться на главном.
- Какой видите выход из положения?
- Надо поднимать цену на журнал.
- Правильное решение.

На первое заседание областной Думы Пётр Петрович собирался с неохотой. «За каким чёртом мне это надо?» - думал он. На всех встречах с избирателями он говорил им, что его выбирать в Думу ни в коем случае нельзя, что ему некогда думать о народе и даже о себе – некогда. Но всё имело обратный результат. Чем больше он рассказывал о себе отрицательного, тем больше любили его люди.

Заседание Думы началось с того, что после слов председателя «...разрешите считать открытым», все депутаты повскакивали с мест и бросились к микрофонам. В свалке микрофоны переходили из рук в руки.

- Ну почему мэр города ворует, - возмущался один депутат, - а я не имею такой возможности? Где же справедливость?

Другой кричал:

- Я знаю, как помочь людям! Надо у них сначала всё отобрать, чтоб было чем помогать!

Успокоились разбушевавшиеся депутаты лишь тогда, когда председатель зачитал послание Президента Думе. Дословно текст послания звучал так:

«Пошли вы все на...!». Споры разгорелись по последнему слову. Одни говорили, что это слишком далеко. Другие – что даже близковато. Сошлись на компромиссе и записали в решении: «В целом послание Думы Президентом поддержать, но после слова «на...» читать: «...расстояние не более десяти километров от кольцевой дороги».

За эту формулировку проголосовали единогласно и разошлись.

В Нью-Йорке на всемирный симпозиум эротических изданий все магнаты слетались на собственных самолётах. Прилетел на своём и Пётр Петрович. Хвостовое оперение его «Боинга» украшала эмблема Никифоровской империи – оголённое плечо, неизвестно чьего пола и происхождения.

Вернулся из Америки Пётр с тяжёлым чувством. Там короли эротики всего мира снисходительно похлопывали его по плечу, тыкали пальцами в «Плечо» и учили, как надо жить. Даже китайцы.

Неделю прожил Пётр Петрович на родной земле молча и, наконец, решился на эксперимент – выпустить журнал экстра-класса. В России это сделать было невозможно, потому что пришлось бы вначале переделать всю политику, экономику и людей. Журнал вышел за границей.

И вот, наконец, на рабочий стол Петра Петровича лёг роскошный, богатый, играющий красками и гляncем номер «Плечо-суперлюкс». Но Никифорову было почему-то грустно.

И неспроста. Журнал так никого и не заинтересовал. Его просто не покупали. Не та жизнь, не те люди, не те женщины. Как далеки они были от народа.

- Что будем делать, Маша? Я разорён, - решилcя однажды сказать супруге Пётр.

- Ну, наконец-то! – развеселилась Мария. – Хочу к морю.

Сейчас супруги Никифоровы живут на Кипре. От перемены климата у них родилась двойня, сыновья. Одного они записали греком-киприотом, другого – турком-киприотом, так, на всякий случай.

Журнал «Плечо» в России процветает: Пётр поручил руководство журналом Николаю, своему бывшему завгаром, потому что тот хорошо понимает, что именно надо народу. Сам Никифоров частенько приезжает по делам. Но всё-таки предпочитает тосковать по Родине и снегу на Кипре.

ТАК ДОЖИВЁМ!

Это же надо – до чего довели страну! Мэр Москвы по телевизору жаловался – зарплата у него, как у нас с дедом пенсия на двоих. А у него семья-то поболее будет. Вот и решила я ему помочь. Советами.

Дорогой Юрий Михайлович!

Послушайте меня, старую. Хоть у меня и устали плечи руки носить, но худа я не насоветую. А как от зарплаты до зарплаты дожить, подскажу.

Перво-наперво, на еде не экономьте. Но и шибко не тратьтесь. Исхитряться надо. Сейчас в батончике «Марс» один ломтик бесплатный. Идите в киоски – пусть вам отломают бесплатные ломтики. Мне, правда, почему-то не отломали. Но вы же начальник, вам отломится.

Слышала, вы коровку держите на своём садовом участке. От! Это правильно! Большой приварок к бюджету. Если самому некогда, пусть жинка ваша сметанку, творожок да в Кремле-то и предложит кому. Да подороже. Они там сидят, поболее, поди, нашего с вами получают.

А то и так бывает. Кончились денежки, а до пенсии ещё неделя. Дак в этом случае мой Никодим гармонь под мышку – и айда на вокзал. А вернётся, любо-дорого смотреть: и пьяный, и с деньгами. Опять же экономия, поить его в этот день уже не надо. А в Москве вон их сколько, вокзалов-то. Знай играй себе, наяривай.

Ежели сейчас экономить да подрабатывать, прожить можно. Даже с нашей с вами зарплатой.

Но конечно, пока ещё много уходит на выпивку. Вроде и пьём редко – раз в месяц. Зато весь месяц подряд. Никодим мой давеча другана своего хоронил, Степана. Дак тот вообще первый раз в жизни отрезвел, когда уж помер. Но экономить и на выпивке можно. Вы гостей к себе не зовите. Их на дармовое-то всегда много желающих. Говорите им, мол, болею, жена болеет, тёща с Казахстана приехала. А сами-то к ним и ходите. Поди, не выгонят. Зашёл к нему, спросил между прочим, ну как тут у тебя дела в центральном округе? Он и поставит бутылочку.

А уж если нельзя отказаться от гостей, из Кремля кто припрётся без спросу или из правительства, вы им коньяки-то заморские не наливайте. А в эти бутылки налейте водки подешевле. Какая им разница? Всё равно, поди, выпимши приходят, не учуют. А вам экономия.

К нам тоже Степан, когда жив был, никогда трезвый не приходил. Дак его хоть мозольной жидкостью пои – всё вкусно. А когда он стакан-то сразу хлобызнет, тут уж не до закуски. И вы своим сразу по полному наливайте, чтоб закусок не спрашивали.

По себе знаю, где выпивка, так может проскользнуть и любовница. Это самая вредная для бюджета зараза. Испытала. Когда Степан ещё

живой был, а значит, пьяный, они с моим Никодимом тоже завели себе в городе, на вокзале. Дак ты попользовала жениха, да и иди себе. Так ить – не-ет! Она ко мне приехала и 200 долларов требовала. Чтобы я, значит, рассчиталась за её услуги. Пришлось рассчитаться лопатой по задней части. А Никодим-то какой молодец, не заплатил. Не совсем дурак. Так что лучше уж без них. Но если что, то вы хоть адрес свой обратный не давайте. И пусть бесплатно. Скажите ей, что зарплата мала, что семья на два месяца без еды останется. Чо ж она, не поймёт, что ли? Женское сердце – оно доброе. Я бы поняла.

И на наряды для жены зря не тратьтесь. Научу, как надо. Я давеча тряпку половую пошла в чулан искать. Старая стёрлась. Думаю, сейчас я из своей старой одежды выброшенной тряпку себе и подберу. Гляжу, кофточка. Выбросила я её ещё до перестройки. Вгляделась я в неё повнимательней, а она лучше, чем на мне. На мне-то четыре дырки, причём две – навывлет. А в выброшенной – всего две, вот тут на грудях. Никодим за 40 лет протёр, видать. Порылась ещё в барахле – юбку нашла. Тоже почти новая. Такое добро раньше выбрасывали! Я с себя кофту и юбку на тряпки определила сразу. Никодим пришёл с похорон – глазам не верит. Я стою – вся с иголки одетая, в туфлях на высоком каблуке. На одном. Он говорит, Настя, это, что ли, ты – в молодости?

Я как закричу на него:

- Иди в сарай, дурак. Ходишь в рваньё. А помнишь, ты тряпьё для мотоцикла туда унёс? Ещё до перестройки.

Вернулся он из сарая – хоть под венец с ним иди. Правда, мотоцикл этим костюмчиком он несколько раз вытер. Но всё равно же лучше. Красавцем стал.

Лучше по сарайчикам да по чуланчикам пошукать, чем в магазинах тратиться. Какие уж магазины с нашими-то деньгами.

И очень много съедает сейчас телефон и электричество.

У нас-то в деревне три телефона: у директора, у агронома и у меня. То ли по ошибке мне поставили, то ли для отмазки, что передовые трудящие у нас телефонизированы. Я принципиально никому не звоню. Мне, бывает, кто и звякнет, по ошибке, раз в год. А платить за него надо. Я в «скорую» раз звонила, в город. Жар, говорю, страшный жар. Приезжайте. Приехали пожарники. Водичкой вспрыснули, мне и полегчало. А так, отказываться надо от телефонов.

А с электричеством бороться ещё проще. Мне внучок прибор ночного видения подарил. Дак я, как кошка, по ночам меж горшками прыгаю. А Никодим у меня тоже норовистый бывает по настроению. Давай, говорит, Настя, в кошки-мышки играть эротические в темноте. Я бегаю по избе, всё вижу. А он пока все косяки лбом не соберёт, успокоиться не может. А электричество я запрещаю включать из экономии.

И телевизор мы включаем, только когда вас показывают, Юрий Михайлович. Такой вы справный да проворный, а вас голодом кормят. Не дадим вас в обиду, Юрий Михайлович! Да мы всей деревней

скинемся рублей по сту и вышлем вам. А если задержки в выплате у вас случаются (нам пенсию частенько задерживают), то телеграфируйте, будем слать регулярно.

И ещё. Мы не знаем, какая зарплата у президента. И может, тоже ему задерживают? Скажу твёрдо, президента в обиду тоже не дадим. У нас с войны в деревне немецкие каски остались. Если надо, мы привезём и будем стучать касками Западу. Пусть помогают, раз заварили.

М Я У

Чисто женская история.

Какая кошка не мечтает выйти замуж. Мурка мечтала об этом с детства. Замуж не вышла, но котят родила. Пять штук. Эта ночь, конечно, была хлопотной. Рожать – не делать. Утром усталая Мурка вышла из подъезда на улицу. Народу во дворе было много. Из-под кустов и из подвалов разбрелись по домам уставшие коты и кошки. Пожилая Матильда покачала головой:

- Вот молодёжь! Что хотят, то и делают. А хотят многого. Потом спросила у Мурки:

- А у тебя как дела?

- Родила, - ответила Мурка.

- Бывает, - сказала Матильда и поймала пролетающую стрекозу.

Попробовала на зуб и сплюнула:

- И как они её едят? Вот в наше время была стрекозятинка.

Потом спросила:

- А мужик-то есть у тебя?

- Да есть один, - ответила Мурка, - найти бы только.

Из подвала вышел кот Рыжик, весь в золе и паутине. Ночь и для него была нелёгкой. Чердак, подвал, конкуренция. Увидев Мурку, он хотел юркнуть обратно в подвал, но Мурка пригвоздила его фразой:

- Мяу!

Увидев, что Мурка постройнела за ночь, Рыжик совсем взгрустнул. “Сейчас начнётся”, подумал он

- Куда же ты! – сказала Мурка. – А говорил, любишь.

- Мда-а, - сладко потянулся Рыжик, - интересная штука жизнь: молодость, любовь, материнство.

- И отцовство, - подсказала Мурка.

- Чьё отцовство? – прикинулся Рыжик.

- Твоё.

- А-а, вон ты в каком смысле. Ну, этот как сказать. Пойдём глянем на потомство.

Дверь открыла хозяйка Мурки. Она хотела запустить в Рыжика тапком, но сжалась. И запустила сапогом.

“Ох, и злющая будет тёща”, - подумал Рыжик.

Почёсывая больное место, Рыжик внимательно оглядел своих детей.
- А чего они все разные? – возмутился он. – Только один всего и рыжий.

- Генетика, - настороженно улыбнулась Мурка, - в бабушек, в дедушек...

- Ты про генетику тёще расскажи, а мне не надо. Вот одного признаю, мой. Не откажусь. На пару мышей в месяц можешь рассчитывать. – И Рыжик ушёл по-английски – в форточку.

“Как жить?” – подумала Мурка и стала перебирать в памяти вероятных отцов своих детей.

Тогда, в марте, пришлось крутиться, как белке в колесе. “Всех и не упомнишь”, - вздохнула она.

Был Пушок. Но, говорят, подался на Север. Был Мурзик. Но он чуть не погиб под детским велосипедом. Какие алименты с пенсии? Был Пупсик. Сидит за драку на чердаке. Кто же ещё? Да нет, не может быть, чтоб больше никого.

А, да, был Эдуард. Шикарный кот в жилетке. Но у него хозяин – зверь. Утопит вместе с котятами.

Кто же ещё? А, совсем забыла. Был же ещё Серёга. Сергей. Все его звали Серый. Это был всем котам парень!

Они познакомились на роскошной помойке возле одного руководящего учреждения. Не помойка, а вкуснятина. Серый никого не подпускал. А Мурку пригласил. Он угощал её копчёной колбасой, икрой и такой невиданной рыбой, что Мурка полюбила его раз и навсегда. Мурка смотрела на небоскрёб учреждения и думала: “Если они это выбрасывают, то что же они едят?” Мимо сновали большие чёрные лимузины, и Серый сказал:

- Счастье – это умереть под их колёсами.

Мурке не хотелось такого счастья. И она предложила:

- Давай куда-нибудь ходим.

И они пошли в подвал. Там выступал клуб самодеятельной кошачьей песни. Как они пели! На восемнадцать голосов. Потом выступали рокеры. А запевал один гладкошёрстный кот на чистом сямском языке. Публика была экстравагантна. Но Серый выглядел лучше всех. Его шкура имела серый цвет с белыми пятнами. Ещё в молодости какая-то бабка плеснула в него ведро негашёной извести. После этого он стал законодателем мод в городе.

Потом Серый вошёл в инцидент с огромным сибирским котом. Тот слишком внимательно понюхал Мурку. И Серый сказал коротко:

- Пойдём выйдем.

Серый так отделал сибирского, что тот стал кричать:

- Зачем же так сильно?

На что Серый отвечал:

- Сердцу не прикажешь.

Когда сибирский кот убежал, Серый с пылу и с жару потребовал:

- Дайте мне уссурийского тигра! Я разорву его в клочья.

И Мурка поверила. В таком состоянии разорвёт.

Потом на личном чердаке Серого Мурка пробовала валерьянку и авиационный бензин. И так тащилась, так тащилась, что больше ничего не запомнила. Правда, один штришок ей припомнился. Серый

после валерьянки сказал ей, что его приглашает в свою труппу сам клоун Куклачёв. Мурка восторженно встрепенулась. Ведь это – гастроли, акции, иены и множество фунтов стерлингов. Вот кого надо обложить алиментами! Серый, только Серый достоин называться отцом её детей.

...Мурка второпях покормила детей грудью и бросилась за письменный стол. В Москве, в подвале прокуратуры, жила её родная тётка. И Мурка написала ей гневное письмо матери-одиночки. Она просила тётку найти Серого у Куклачёва и пригрозить коту прокуратурой. А если Серый откажется от детей, пусть на них шлёт алименты сам Куклачёв.

Кот Серый оказался порядочным человеком. От него вскоре пришла телеграмма: “Вышел из Москвы пешком рейсом первым. Жди по месту жительства. Твой Серый”.

Мурка засуетилась по хозяйству. Да и как не засуетишься, когда только двое из пяти детей смахивали на Серого. А Рыжий, Чёрный и Белый не смахивали. Мурка быстро рассортировала потомство. Компрометирующих её честь она спрятала в ванной.

Рейс первый, которым шёл пешком Серый, прибыл без задержек. Серый с порога бросился к корзине с двумя серыми котятками, обнюхал их и смахнул лапкой слезу счастья.

Хозяйка Мурки замахнулась сапогом на Серого, но, увидев, в каком он душевном состоянии, надела сапог на ногу и ушла на улицу. Дети Серому в целом понравились. Два серых сына. Правда, на следующий день из ванной вылезли Рыжий, Белый и Чёрный – три сестры. Скрипя зубами, Серый тут же не только усыновил их, но даже удочерил.

Началась счастливая семейная жизнь.

Но как только пришёл месяц март, Мурка стала раздражительной и рассеянной.

Поздно вечером, когда Серый спал в окружении пятерых детей, Мурка наспех привела себя в порядок методом вылизывания. Потом она подошла к своей счастливой семье, глубоко вздохнула и прошептала:

- Ну какого чёрта мне ещё надо!

И тихонько исчезла в форточку.

В З Д Р Е М Н У Л

Вася Васильев спал ровно пять лет. Тихо спал, не дёргался. Пять лет назад перед сном он спросил жену:

- Зина, у нас есть талоны на водку?**
- Есть, а что толку? Всё равно не отоваривают. Нечем.**
- Дак тогда какой смысл вообще на улицу выходить?**

И завалился спать.

Зинаида обрадовалась, когда он не проснулся на следующий день. И через неделю. И через год. Ну как хорошо: есть не просит, пить не просит, и хоронить не надо. Спит себе, тёпленький, розовенький. Правда, по осени ворочается почему-то. Зинаида ухаживала за ним, за спящим, как могла. Весной, когда мыла окна, протирала и ему этой тряпочкой лысину и лицо. Он улыбался во сне. А во время уборки, раз в месяц, обязательно проходила по нему веничком. На зиму она не забывала укрывать его одеялом. А к лету обязательно одеяло снимала и не укрывала ничем. Потому что лёг он спать, как всегда, в одежде.

На третий год сна Василия она всё-таки дала согласие на сожитительство Ивану. Правда, тот просил чуть больше – руку и сердце. Но Зинаида твёрдо отрезала:

- Это как же при живом-то муже?!**
- Да он же спит.**
- А вдруг проснётся? Как я могу замуж идти, если муж вздремнул немного.**

Первая внебрачная ночь Зинаиды с Иваном была кошмарной. Дело в том, что Василий и Зинаида жили в однокомнатной квартире. И в самый ответственный момент Василий вдруг встал с постели и с закрытыми глазами сходил в туалет. Потом попил рассолу из банки и снова залёг.

- А ещё замуж звал, - язвительно сказала на следующий день Зинаида Ивану, - в любовники даже не годишься.

- Дак чо он ходит-то? – только и мог ответить Иван.**

Василий проснулся через пять лет под вечер.

- Зина, сколько времени? – был первый его вопрос.**

- Без пятнадцати семь.

- Утра или вечера?

- Вечера.

Василий вскочил и бросился к выходу.

- Ты куда?

- В магазин, надо успеть до закрытия за бутылкой. Давай побыстрей талон.

- Да нет никаких талонов.**

- Чо, опять не выдали? – он резко сунул руку в карман брюк и вынул мятую пятёрку. – Видишь, деньги есть, я вчера заначил. Давай быстрее талон.

- Выкинь эти деньги.

- Ты чо, Зина, последнюю пятёрку – выкинь? Да у меня башка трещит после вчерашнего. Не проспался...

Зинаида достала из-под скатерти с комода талон пятилетней давности, и Василий исчез за дверью.

Прижав к груди одной рукой талон, а другой пятёрку, Василий выскочил из подъезда и...

... Остолбенел!

За одну ночь – и так всё изменилось! Вместо шашлычной – казино, вместо булочной – банк, вместо баб – дамы, вместо мужиков...

- Эй, мужик, мужик, а чо тут такое происходит? Кино, что ли снимают?

- Я господин, а не мужик, - ответил мужик.

Ага, значит, вместо мужиков господа. На домах – реклама и зеркальные стёкла. Подбегая к винному, Василий заподозрил неладное. На улице не то что очереди – ни одного человека не было.

“Закрыли, не успел”.

Но дверь была широко распахнута, а в витринах сверкали этикетками и пробками тысячи бутылок, и вроде все со спиртным. Василий с большим трудом отыскал глазами “Московскую”. Но его сильно испугал ценник: “6 т.р.”

- Это шесть талонов за пузырь! – ужаснулся он. – За ночь такую подлянку устроили?

Но к кассирше подошёл уверенно, решил уговорить.

Молодая девушка долго смотрела на Василия, потом на талон, потом на старую пятёрку и... отбила чек. Василий схватил заветную бутылку и бросился за пивную палатку к ребятам.

Ребята почему-то сильно постарели за ночь. Первым его увидел Николай:

- О, Василий, ты где был столько лет, не в Америке?..

... После первой кружки Василий узнал, что, не выходя из постели, он перешёл к капитализму. После второй – что товару, как в Париже, а талонов давно нет. После третьей он не поверил и налил четвёртую.

Домой Василий вернулся бледный и трезвый.

- Ты почему меня не разбудила? – спросил он Зинаиду строго.

- Будила. Не смогла.

- Крикнула бы в ухо, мол, талоны отменили, водки – залейся. Я бы и проснулся.

- Не догадалась.

- А как ты без меня? Столько лет.

- Да ничего. Иван сватался, руку и сердце просил.

- Ну, а ты что?

- Отказала. Они у меня заняты.
- А остальное?
- А остальное – спать надо меньше...

Первое время после пробуждения Василий ещё резко срывался со стула без пятнадцати семь. Но потом привык. С завода уволился, пить бросил. А зачем пить, когда всего навалом? Азарта нету. Занялся коммерцией.

А Зинаиду уложил спать. На пару лет. Как? А очень просто. Крикнул, как Кашпировский: “Спать!” И шепнул установку: ”На два года”.

... Проснулась Зинаида, как обычно, рано утром. Встала, по привычке подошла к окну взглянуть на кольцевую дорогу и обомлела. Её взгляд упёрся прямо в рубиновую звезду Кремля. Она отшатнулась от окна и повернулась к двери. На пороге комнаты стоял Василий в ослепительно белом костюме с огромным букетом алых роз.

- С добрым утром тебя, Зина. Как тебе наша новая квартира?!

Мягко прозвонил телефон. Зинаида робко взяла трубку и услышала приятный мужской голос:

- Здравствуйте, Зинаида Петровна. Не мог бы Василий Васильевич ответить Юрию Михайловичу?

- Скажи, меня нет, пусть звонит на работу, - шепнул Василий.

Когда Зинаида положила трубку, он открыл бутылку шампанского и, подняв бокал, сказал:

- Я не пил два года...
- Ну дай я хоть в ванную схожу!..

Когда Зинаида в новом халате вернулась из ванной джакузи, он продолжил:

-... И два года не спал. Ни минуты. Начал я дело с того, что побил морду Ивану. А дальше пошло, как по маслу: газетный лоток – водочный киоск – оптовая торговля – политика.

- И кто ты сейчас, если не секрет?

- Не секрет. А большая тайна. Во мне вскрылись такие резервы, каких Родина-мать даже не видывала. Давай-ка выпьем за нашу новую жизнь.

Хрустальный звон бокалов вылетел в окно и растворился над Москвой-рекой.

К Л Ю Б О В Н И Ц Е

Николай Петрович Шабашов работал распределителем квартир. Вот и пришлось распределить себе двенадцатикомнатную. Распределять квартиры было очень трудно, потому что мешала законная очередь.

Николай Петрович, отобедав, уже целый час шёл на работу, но никак не мог дойти. Наконец, он не вытерпел и закричал:

- Лиза! Да где тут у нас выход?

Жена Лиза вышла из ванной и покачала головой:

- Перерабатываешь, Колюня. Иди, пополдничай.

На полдник были опостылевшие деликатесы.

Шабашов сказал:

- Лиза, ты бы хоть раз меня картошкой в мундирах побаловала.

- Не положено по должности, - ответила жена, - я бы и сама сейчас блюдо окрошки бабахнула, да что люди скажут?

- А лекарство где? – спросил Николай Петрович.

Врачи прописали ему три столовых ложки перед едой. От памяти. И стакан коньяку после еды – от ума.

Николай Петрович принял лекарство «до еды» и «после еды» без еды. И вздремнул прямо за столом.

Разбудил его голос Лизы:

- Колюня, вставай, пора к любовнице.

Шабашов любовницу не любил. Но Лиза строго следила за моралью.

- Что о тебе без любовницы люди подумают? – говорила она. –

Подумают, что с должности тебя сняли.

Шёпотом ругая свою судьбину, Шабашов стал собираться к любовнице.

- Душ прими да чистенькое всё надень, - хлопотала Лиза.

Больше всего она боялась, что Шабашова разлюбит любовница, и будет у них всё не как у людей. Поэтому и подарки Лиза всегда готовила сама. Она положила в рюкзак килограмм золота, бриллиант из Индии по кличке Вася и трёхлитровую банку французских духов. Упаковав рюкзак, Лиза спросила:

- Колюня, у тебя когда приём от трудящихся?

- С двух до шести по понедельникам.

- Ты бы на двухразовый приём перешёл, что ли. А то расходы большие, и сыновья жалуются.

- Кстати, где они? – спросил Шабашов. – Давно не видно.

- Ой, как лекарство тебе помогает! Ты же их сам отдал в МГИМО.

Николай Петрович обрадовался: ничего не помнит. А то раньше, бывало, проснётся ночью и всё помнит: сколько дал, сколько взял – хоть кричи! А теперь – красота! Одно плохо – думать пока может.

- А чего они не заходят? – спросил Шабашов.

- Некогда им, учатся. И подрабатывают. Один – послом в Занзибаре, другой – атташе в Антарктиде.

- А у нас с Антарктидой хорошие отношения? – спросил Шабашов.

- С Антарктидой – хорошие, ответила Лиза. – Ты иди мойся, а то опоздаешь, - спохватилась она.

Шабашов сел на край ванны и включил душ в стенку. Мыться он не хотел, любовницу он ненавидел.

- Колюня, - послышалось из-за двери, - ты не забыл, где вы встречаетесь с любовницей?

- Конечно, забыл. Что я, лекарство зря принимаю? А где?

- В заповеднике. Оттуда звонили, сказали, лосята уже подросли, пора отстреливать. А лосята, говорят, такие чудные, смышлёные, как люди. Сами подходят, и головы – под ствол.

Николай Петрович всплакнул. Жалко лосят.

- Ты уж, Колюня, съезди, отстреляй, - продолжала Лиза из-за двери, - а то соседи слух пустят, что тебя сняли, раз не браконьеришь.

Николай Петрович вышел из ванной совсем раскисший. «Бедные лосята, проклятая любовница» - думал он.

Николай Петрович обнял Лизу и сказал грустно:

- Не хочу к любовнице.

- Ты что, Колюня! – отпрянула Лиза. – Давай езжай, не опаздывай. Любовницы это не любят.

Николай Петрович вздохнул и вышел на улицу.

- Эх, Витёк, - говорил он по дороге персональному шофёру, - если меня с должности попрут, как же ты без меня будешь?

- Продержусь! – жизнерадостно отвечал Витёк. – Я же в душе инвалид войны.

- В душе мы все инвалиды. А удостоверение у тебя есть?

- Вы же мне уже организовали.

- Всё забыл, хорошее лекарство, - успокоился Николай Петрович.

- Куда едем? – спросил Витёк.

Шабашов сказал:

- Ты – к моей любовнице, я – на заседание. Хоть отосплюсь... Вот жизнь! – добавил он. – Так не хочется, а приходится жену обманывать.

Г Л А С Н О С Т Ь И В А Н О В Н А

Как-то так повелось, что в переломные периоды истории возникают и соответствующие имена людей. Вот, например, раньше были мена: Революция, Милиция, Электрификация. Да и сейчас общественные идеи прочно входят в личную жизнь. Время такое бурное.

И вот в это интересное время и решили собраться вместе интересные лица с интересными именами на Новый год.

Собраться решили у рядового труженика без имени и без фамилии.

Первой пришла Гласность Ивановна. Она была девушкой красивой, но какой-то недокормленной. Видимо, сказывалось тяжёлое подпольное детство. У неё были огромные испуганные глаза. И ма-а-аленький ротик.

- Гласность Ивановна, дорогая, проходите, садитесь, рассказывайте, - пригласил хозяин дома, рядовой труженик.

Она прошла в комнату, озираясь и вздрагивая. А потом стала устраиваться на краешке стула. Краешек она хотела занять очень маленький и поэтому даже два раза падала. Наконец, она присела, но как-то над стулом. И скромно моргнула большими глазами. Она редко ими моргала. Примерно, раз в квартал.

В это время в квартиру без звонка ворвалась Демократия Степановна. Выглядела она хорошо. Она всегда была женщиной очень популярной. Ведь про неё по многу раз в день говорили по телевизору. Но вот так, в жизни, хозяин увидел её впервые. Она сразу шикарно уселась и закурила. Стул она выдернула из-под Гласности, но та не упала, продолжая сидеть без стула.

- Скучновато у вас, - сказала Демократия Степановна, - может, расскажете что? – обратилась она к Гласности.

Гласность Ивановна скромно улыбнулась и написала на бумажке: «Нельзя, а то услышат». Она показала текст и бумажку скушала.

- А кого мы ещё ждём? – нетерпеливо спросила Демократия Степановна.

- Ускорение должен прийти, - ответил хозяин, - что-то опаздывает.

В дверь позвонили. На пороге возникли братья-близнецы Оптимизм и Пессимизм. Оптимизм сразу включил телевизор. Там передавали сводку погоды. Оптимизм не расслышал и переспросил:

- Какое, какое направление свежего ветра ожидается?

Пессимизм ответил:

- У нас одно направление – в морду.

В дверь позвонили.

- Ускорение пришёл! – воскликнула Демократия Степановна.

Но это был опять не он. В комнате появился бодрячок с барскими замашками по имени Застой Ильич. Из карманов у него торчали четыре взятки и два служебных положения. Ими он всё время пользовался.

Застой Ильич сказал задумчиво:

- Вот взял четыре взятки, а на душе почему-то беспокойно.
- А ты отдай, - посоветовал Оптимизм.
- Да кто же свои-то отдаёт?

За стол решили садиться без Ускорения. Каждый налил себе спиртное по вкусу. Пессимизм – из банки в кружку. Оптимизм – из канистры в фужер. Демократия Степановна – из фляги в рюмку. Лишь Застой Ильич решил не наливать. Он принёс с собой и мог из горлышка.

После первой за старый год стало заметно веселее. Демократия Степановна встретилась взглядом с Застоем Ильичом и сразу зарделась и заегозилась. В молодости он был мужчина не промах. Он подмигнул и сказал ей:

- Ну что, Степановна, а ты – молодцом! С тех пор почти не изменилась.

Потом он покосился на Гласность Ивановну и спросил:

- Кто такая, почему не знаю?
- Да это же наша Гласность! – хором ответили ему.

Застой Ильич поманил её пальчиком и подарил тюбик зубной пасты. Гласность Ивановна метнулась в ванную чистить зубы. Остальные выскочили из-за стола и устроили очередь в ванную.

Обратно все вернулись белозубыми. Гласность Ивановна от такого счастья улыбнулась во весь ротик. Там был всего один зубик.

- А остальные где? – спросил Застой Ильич.
- А то вы не помните? – нехорошо засмеялась Демократия Степановна.

- Да, хорошее было время, - сказал Застой Ильич и поискал глазами, чем закусить.

- А вы – язём, язём, - посоветовали Оптимизм и Пессимизм.
- Пожалуй, съем хвостик, - и он отрезал хвост по самую голову.

Гласность Ивановна знала, что язык радиоактивный. Но промолчала. В дверь позвонили.

- Ну, это точно Ускорение, - сказал Застой, открывая.

На пороге стоял ещё один Застой.

- Зачем два Застоя-то? – закричала Демократия Степановна.

Второго Застоя общими усилиями вытолкали за дверь. Он долго ругался с той стороны и напоследок сказал:

- Погодите ужю, приду ишо.

И ушёл.

Застой Ильич всех успокоил:

- Да не расстраивайтесь вы, - и подарил каждому по средству от тараканов.

Настроение заметно поднялось, все представили, как они будут жить без тараканов.

За дверью кто-то жалобно скулил и скрёбся.

«Ну это точно Ускорение», - подумали все.

В квартиру вошёл маленький Новый Год. Он долго шарил в пустом мешке. Потом вынул и предъявил свои документы на имя Ускорения.

- Так вот оно какое маленькое?! – удивился Застой Ильич. – И ради этого сопляка весь сыр-бор?

- Ничего, подрастём, - уверенно заявил Новый Год, он же Ускорение.

– Давайте-ка посмотрим в будущее.

Все построились в шеренгу, завязали глаза Пессимизму и посмотрели в будущее. Вместе с Оптимизмом.

ХИМИЯ ИЛИ ЖИЗНЬ?

Я думаю: чего это все закопошились в нашем городке? Бегают, суетятся. А оказывается, к нам делегация намылилась. Не то из центра Африки, не то с юга Австралии. Будут от нас опыт перенимать. То ли как не давать окружать окружающую среду. То ли как этой среде выходить из окружения. В общем, что-то из серии «Химия или жизнь».

А город наш в этом смысле расположен удачно. Кругом – химия. А если присмотреться, то и жизнь. Руководство городка, конечно, отбрыкивалось. Мол, какой тут опыт?! Только делегацию напугаем. А то и хуже, вдруг какой-нибудь слабак из них не выдержит. Но им твёрдо сказали: обеспечить передовой опыт! И трубку повесили. Ну, руководство городка и побежало обеспечивать.

Во-первых, посадочная полоса у нас маловата, не под те лайнеры. Бросились удлинять. Лайнер как раз на посадку заходил с той стороны. А ремонтники с этой как раз начали удлинять. Ну, ничего, успели, заасфальтировали. Наш каток быстрее лайнера бежит, когда надо.

Правда, самолётик немножко въехал в огород деда Семёна. Прямо возле крыльца остановился. А дед Семён на крыльце как раз медовуху пробовал. Глядь – самолёт на подворье. Он думает: хорошая медовуха! Ещё кружечку принял, для просветления – не исчезает лайнер. Больше того, трап с самолёта на землю спустился, люди сходят. А глава делегации, седой такой босс, деда Семёна в объятия заключает. Дед обнимается и думает: ох и медовуха!

Но тут подоспела группа встречающих. Говорят, извините, не туда въехали, проскочили. Босса – под руки и – в аэропорт. И самолёт из огорода вытолкали вручную, и тоже укатили.

В общем, посадка более-менее удачно прошла. Начиналось самое трудное: как этого босса до города довести. Чтоб он и природой любовался, и дорогой понаслаждался. Ну, дорогу сделать успели. Комсомольский субботник с трёх областей – и готова дорога. А вот как с природой быть? Где её взять, если её уже нету? И особенно вот этот участок, от аэропорта до города. Три завода и два химкомбината окружили природу и заглушили намертво. Пустыня.

Повезли этого босса из аэропорта. Он восхищается. Хорошие, говорит, у вас дороги. А места какие чудные! Вот, говорит, вдоль дороги – это что за деревья такие зелёные? А наш шеф отвечает:

- Это, - говорит, - берёзки. В масштабе 1:1.

А сам за поворот дороги вглядывается и думает: «Только бы успели до города засадить, только бы успели».

А в это время три завода и два химкомбината на полную мощь работают. Берёзки делают. Заводы – железные точат, а химики – из пластика. Тут же к дороге их подвозят, а юннаты, значит, озеленяют.

На четвёртом километре под берёзами грибы пошли. Да такая крупизна! Уж постарались на деревообрабатывающем комбинате. Маслята, опята, обабки.

Потом по мостику речку проехали. Речку полиэтиленовой плёнкой накрыли, чтоб не пахла. А на плёнке такую голубую волну нарисовали, аж до слёз. И уточки подсадные по плёнке будто бы плавают. А пионеры под мостом с манками сидят, крикают.

Босс говорит:

- А нельзя ли уточку стрельнуть?

Шеф отвечает:

- А пожалуйста, - и двустволку ему подаёт.

Босс – бабах! – в стаю. Из-под моста – Жучка, в зубах – уточка, уже ощипанная. Подбежала к боссу, в ножки положила.

Босс спрашивает:

- А рыбка как, водится?

А у нас до самого горизонта всё рыбаками усеяно. Свистнули рыбаков. Из-под моста пионер Вася вышел с ведром живых карпов. Всё продумано.

На восьмом километре от аэропорта подключилась фабрика меховой игрушки. На берёзах птицы пошли.

Босс спрашивает:

- Что за птицы?

Шеф говорит:

- Воробьи не воробьи, сороки не сороки, по каталогу – просто птица.

Наверное, голубь.

Потом зайцы под берёзами пошли. Валяются, загорают. И два чебурашки. Тут напутали.

Босс говорит:

- А чего они все притаились? Вроде как жизни не радуются.

Шеф отвечает:

- Сейчас обрадуются, - и соединился с кем-то по рации.

Уже через два километра птиц озвучили. Пели, как соловьи. Зайцы прыгали на задних лапах и кричали: «Дружба, дружба!». А дальше летающие попугаи пошли. Прямо на лету яйца несли на капот машины. Куриные.

Босс восторгается:

- В такой сложной химической обстановке и такая буйная жизнь.

В общем, до города проскочили. А от городской природы многого не требуется. Пару раз кислородную подушку включали в салоне – и всё.

Тут босс на завод проситься начал. Интересно, говорит, посмотреть, чем там люди дышат. А вот с людьми-то у нас как раз загвоздка. Во-первых, в темноте светятся слегка. А при свете – зеленоватые малость. Конечно, и их можно одеколоном вспрыснуть, подмалевать. Но ведь босс этот может пальчиком по щеке мазнуть и догадаться. Да и как-то люди всё-таки, наша гордость. Вот ведь звери ушли, рыбы уплыли,

природа подохла, а человек-то всё-таки остаётся человеком. Ему и бежать-то некуда.

Тут похитрей приёмчик нужен. Вывели мы, значит, всех рабочих из цеха через пожарный выход, бомбоубежище на волю и отправили в отгулы.

Рыбачьте, охотьтесь, на травке валяйтесь или – по грибы. А в цех завели заводскую хоккейную команду. Ребята только из турне по Индии вернулись. Босс как глянул на этих молодцов у сернокислотной ванны, так сразу не поверил. Дайте, говорит, трудовую книжку, вот хотя бы этого богатыря. Дали. С паспортом, с фотографией. Босс читает: «Оператор травильного отделения». И стаж работы на заводе – 10 лет. А эта ванна – его рабочее место.

Сказал босс: «Всё, сдаюсь», - и ушёл из цеха.

Вечером все стояли на берегу искусственного пруда из кровельного железа. Лягушки квакали, утки крякали, луну цинковую на вертолёт подняли. Тишина. Только вертолёт над ухом стрекочет.

Босс сказал:

- Это невероятно. Пришлю к вам своих специалистов, пусть изучают.

Мы ему:

- Конечно, присылайте, выкрутимся. Или визу не дадут, или погода нелётная, или город наш вообще переименуют, затеряется на карте России. Так что пусть приезжают – выкрутимся.

А Т Ы – Б А Т Ы, Ш Л И Д Е Б А Т Ы

Раньше у нас на выборах кандидат был один, а продуктов в буфете много. Теперь кандидатов много, а продукт – один. Идёшь на выборы, а выбрать не из чего. Но не все же идут на выборы продукты выбирать, некоторые – и людей! Хотя и продукты не помешали бы.

Так вот, на нашем участке всего на одно место было целых два кандидата: братья-близнецы Хусаиновы, оба директора заводов, оба члены партии, оба – молодые, оба – Пети.

И вот, значит, мы с женой сначала растерялись. Кого выбирать? Одинаковые, черти, как два куриных яйца. Ведь есть же нормальные близнецы, которых хоть как-то отличить можно. А эти – ну прямо отражение в зеркале. На собрании их доверенные лица объяснили, что близнецы эти, Хусаиновы, не простые близнецы, а по медицинской терминологии – однойцевые. Мы сначала подумали, ага, значит, мужики с дефектом. Им бы таким обоим – прямая дорога в Верховный Совет по старым понятиям. Но нам объяснили, что это только терминология, а мужики они оба нормальные, без дефектов.

Сели мы с женой после собрания, пообсуждали, а мнения ну прямо разделяются, и всё. И написали мы тогда письмо на телевидение, чтобы, значит, оно устроило среди них теледебаты. Чтобы мы могли их внутренний мир прощупать, раз внешний у них совершенно одинаковый и не прощупывается.

И глядим, через недельку в программе телевидения, точно, теледебаты между кандидатами в депутаты Хусаиновым Петром Петровичем, членом партии, директором завода и Хусаиновым Петром Петровичем, директором завода, членом партии.

А к этому времени нам уже объяснили, почему они оба молодые, оба – Пети. Дело в том, что, как только они родились, их назвали Ваня и Петя. Но тут же перепутали. Решили, чтобы больше не путать, назвать их обоих Петями, пусть живут.

В назначенный день сели мы у телевизора и приготовились к прямой пропаганде. Вначале появилась женщина-корреспондент.

- Итак, начнём, - сказала она, - наши зрители спрашивают вас обоих, Петры Петровичи, что вы считаете главным в своих предвыборных программах?

Первым начал Пётр Петрович Хусаинов:

- Главным я считаю – это накормить народ.

- А я считаю, - добавил Пётр Петрович Хусаинов, - это, всё-таки, народ накормить.

От таких слов у меня внутри словно ангел босиком пробежал с килограммом мяса – так потеплело. Вот, думаю, хорошие кандидаты, жаль, что только один пройдёт, а вдвоём они бы быстрее накормили. Присмотрелся я к ним, а они, оказывается, не такие уж одинаковые: у

одного – синий костюм, похоже, финский, у другого – зелёный, похоже – английский. Большое дело – теледебаты.

И тут синий Пётр Петрович как раз добавляет, что неплохо бы ещё этот самый народ и одеть. А зелёный Пётр Петрович говорит:

- И обувь.

А синий:

- Я сам разденусь, а народ одену.

А зелёный:

- А я сам разуюсь, а народ обую.

- А я сам с голоду помру, но народ накормлю.

- И я помру...

Тут корреспондент их прервала и говорит:

- Кстати, о птице. Только что поступил вопрос по телефону: «Правда ли, что вы отовариваетесь продуктами в спецраспределителях?».

- Неправда, - сказал синий Пётр Петрович, - я отовариваюсь, где все, в обычном магазине. Только вход с другой стороны.

- А я вообще не отовариваюсь, - сказал зелёный Пётр Петрович, - мне привозят.

- Это ветераны отовариваются, - добавил синий, - от них все беды.

Корреспондент кивнула головой и сказала:

- Ваши избиратели спрашивают, в какой квартире вы живёте?

- Я – в маленькой, - сразу ответил синий Пётр Петрович.

- А я в очень маленькой, - не задумываясь, сказал зелёный Пётр Петрович.

- А я ещё меньше.

- А я – вообще на вокзале.

- А я – на автовокзале.

- А я – в комнате матери и ребёнка.

- А я – только ребёнка.

- А я вообще нигде не живу.

Пока зелёный Пётр Петрович думал, что бы ещё сказать, корреспондент спросила:

- А сколько вы получаете?

- Я – мало.

- А я – очень мало.

- А я – ещё меньше.

- А я – меньше некуда.

- А я – на рубль меньше.

- А я – вообще не получаю.

- А я в день получки свои отдаю.

- Спасибо, - сказала корреспондент, - а как вы относитесь к молодёжи?

- Я – хорошо.

- А я – очень хорошо.

- А я – лучше некуда.

- А я ещё лучше.
- Да я без молодёжи, как без рук.
- А я – как без ног.
- Извините, а как вы относитесь к Сталину? – спросила корреспондент.
- Я – плохо.
- А я – очень плохо.
- А к выводу войск из Афганистана? – вставила корреспондент.
- Я – хорошо.
- А я – вообще замечательно.
- А к вводу? – спросила корреспондент.
- Я – плохо.
- А я – хуже некуда.
- Ваше отношение к кооперативам? – спросила корреспондент.
- Положительное.
- Очень положительное.
- Я их просто люблю.
- А я их люблю выше крыши. Я жену так не люблю.
- Вот, кстати, о жёнах, - сказала корреспондент, - у вас спрашивают, правда ли, что вы женаты на дочери бывшего первого секретаря э-э...
- Неправда! Перед тем, как идти на телевидение, я с ней развёлся.
- А вы? – спросила корреспондент зелёного Петра Петровича. – Правда ли, что ваша жена – двоюродная сестра бывшего Председателя президиума...
- Неправда! Вы видите, я пишу заявление? Это – на развод. Она мне больше не жена.
- Корреспондент продолжила:
- Многие зрители озабочены состоянием экологии в нашем городе. Говорят, что ваши заводы...
- Неправда! Мы спускаем в речку только экологически чистый мазут.
- А мы – только экологически чистый цианистый калий.
- Но на ваших заводах нет очистных сооружений, - сказала корреспондент, - когда вы их построите?
- Завтра.
- А я – сегодня.
- А я – прямо сейчас. Разрешите позвонить (набирает номер). Вася, приступай! Через пять минут доложишь (кладёт трубку). Всё, построили.
- Прошу прощения, - вставила корреспондент, - как вы считаете, к какому крылу партии вы относитесь, к правому или левому?
- Я – к левому.
- А я - к крайне левому.
- А я – левее некуда. Левее капитализма.
- А я – на полметра левее.

- Тогда извините, - прервала корреспондент, - зачем вам это нужно?
- Мне – не нужно.
- А мне – тем более.
- Да я чихать хотел.
- А мне – вообще наплевать... Главное, чтоб избрали.
- А мне главное, чтоб мандат.

Корреспондент подвела итог:

- Вы поняли, дорогие зрители, что перед вами выступили два совершенно достойный кандидата. Так пожелаем им обоим счастья и успехов на этом нелёгком политическом поприще.

Я до самых выборов мучился: кого выбирать? Зашёл в кабину и обоих вычеркнул. Когда вычёркивал – плакал. Таких ребят загубил: и накормить, и одеть, и обуть. Из других кабинок, смотрю, люди тоже в слезах выходят.

Так и зарубили достойных из достойных. Поэтому я обращаюсь к избирательным комиссиям, если без них нельзя обойтись: в следующий раз утверждайте хоть близнецов, хоть тройняшек, хоть кого, но пусть хотя бы один из них будет с родинкой на щеке. Чтоб отличить можно было.

ВСТРЕЧА С ШОПЕНОМ

Я подумал: уж если с кем-то встречаться в музыке, то лучше с Шопеном. И пошёл на концерт в филармонию. Почему концерт ожидался хорошим? Во-первых, потому, что ожидался Шопен. Во-вторых, пианистка ожидалась известная. В-третьих, в зале передо мной никто не сидел, не маячил. Зал полон, а передо мной — никого. Бывает же такое в жизни — повезёт ни с того ни с сего, а спасибо сказать некому.

Когда на сцену вышла пианистка, обаятельная, величественная и почти молодая, все сразу стихли и напряглись. Она элегантно прохаживалась по сцене на фоне открытого рояля и до того просто набрасывала творческий портрет великого композитора, что с Шопеном для меня сразу всё стало ясно. Затем она объявила два ноктюрна и села за инструмент. Перед игрой ей пришлось подождать, пока не рассядутся опоздавшие. И вот тут передо мной на свободное место сел Гриша. Я сразу узнал, что это Гриша. Потому, что на руке его была татуировка: «Гриша». Вид у Гриши был такой, как будто человек в поезде ехал недели две. Но я сосредоточился на Шопене. Тем более, что зал уже наполнила его божественная музыка. Пианистка невидимыми нитями приковывала к себе, и образовался такой треугольник — я, Шопен и пианистка. И больше — никого. Но оказалось, что ещё и — Гриша. Потому, что правой рукой он начал нервно чесать свою голову, локтем разрывая все мои связи с Шопеном. Я подался корпусом влево и с трудом наладил прерванный контакт. Но и Гриша не сидел, сложа руки. Вторую руку он запустил за ворот пиджака и начал яростно чесать между лопаток, крича от удовольствия. Возможно, от Шопена у него пошли по телу мурашки, и он снимал неприятные ощущения. Я наклонился вправо. Гриша — тоже. Чесаться он перестал, но вскинул взъерошенную голову вверх и стал изучать лепные украшения на потолке. Из его волос мне на колени выпала обгоревшая спичка. Я положил спичку на место, откуда она выпала, и нервно сместился влево. Сзади раздался чей-то недовольный выдох в мой затылок. Я замер в этом положении. Во мне всё кипело и бушевало. Ни один композитор не вызвал бы во мне бурю таких сильных чувств, как этот Гриша. А он тем временем наклонился тоже влево и достал из своей хозяйственной сумки на полу кукурузную палочку. Поужинав палочкой, Гриша секунды четыре сидел, не двигаясь. Потом он наклонился к своим ботинкам. Мне самому стало интересно, что он собирается делать с ботинками на концерте. Может, они ему жмут, поэтому он вертится? Я тоже наклонился и посмотрел. Гриша подтянул носки на обеих ногах. Видимо, от музыки носки у него сползли. Только тут я заметил, что мои соседи справа и слева тоже заглядывают вниз, интересуются, что там делает Гриша. Оказывается,

он не только меня заинтриговал. Тут меня тихонько тронули сзади и спросили:

— Что он там делает?

Я повернулся и ответил любопытствующей женщине:

— Носки подтягивает.

Женщина шепнула на ухо своему соседу:

— Носки подтягивает.

И новость пошла по рядам.

В перерыве ближайšie к Грише зрители поручили мне поговорить с ним. Наблюдать за Гришей, конечно, интересно, но хочется и Шопена послушать. Всё-таки, деньги платили за Шопена, а не за Гришу. Нашёл я его в туалетной комнате. Он радостно плескался у раковины и чистил зубы.

Я подошёл и сказал:

— Извините, Гриша, но зрители просят вас на концерте не вертеться. Вы же мешаете. Вам что, Шопен не нравится?

Он прополоскал рот и ответил:

— Мне что Шопен, что Пушкин — всё едино. С вокзала мы, сутки поезда ждём.

Я как представил наш вокзал, так в глазах у меня потемнело, а во рту устойчивый привкус появился. Ведь на нашем вокзале можно киномассовки за 13-й век снимать. Причём, без декораций, не привлекая артистов со стороны, без грима и без дополнительных костюмов.

А Гриша уже побрился и ботинки ваксой почистил. Потом он разделся по пояс и сунул загривок под струю. Он закричал и закричал, заглушая первый звонок. Потом, растираясь полотенцем, сказал:

— Ты не переживай, ухожу я сейчас. А вместо меня друг придёт. Мы один билет на двоих взяли. Я выйду, а он зайдёт. Друг вертеться не будет, он спокойный.

На второе отделение пришёл друг Гриши. Был он в сапогах, пиджаке на голое тело, с узлами и чемоданами через плечо.

К концу концерта я узнал, что друга Гриши зовут Коля — это по татуировке. Что на ужин он любит варёные яйца с чесноком — это по запаху. Что рост его около двух метров — это на глазок. И что храпит он во сне — это по слуху.

СВАДЬБА С РЕЖИССЁРОМ

Лично я за то, чтобы у каждой женщины было много свадеб. Чем больше, тем лучше. Пусть у них будут свадьбы деревянные, оловянные, золотые. Главное, чтоб все они были железобетонные. По прочности. И особенно — самая первая.

Когда я замуж шла, об этом не думала. По любви шла за Костика. Нервов он, конечно, мне много попортил, но довела-таки я его до сельсовета — расписались мы с ним.

А чем всё кончилось? Прожили мы с Костиком душа в душу всего три часа. А на четвёртом часу совместного проживания Костик нашу свадьбу вынужден был покинуть. Уже неделю у нас медовый месяц идёт, а Костика нет. Не принимает он участия в медовом месяце.

А как начиналось всё хорошо да ладно! На помолвке родители Костика предложили свадьбу безалкогольную делать. Они интеллигенты — в конторе оба сидят. А мои — наотрез, нет, говорят, свадьбу будем играть русскую. Они у меня на ферме оба. Сошлись наши родители на полубезалкогольной. Это значит, по две бутылки на человека — и ни грамма больше. Чтоб все трезвые были. Ну, папанька мой потом пару фляг бражки приготовил, на всякий случай. Это если кому не хватит двух бутылок. В общем, полубезалкогольная. Так и объявили по посёлку. Тут заволновались гости приглашённые. Дед Самарин так и сказал:

— Я не знаю, что это за свадьба с таким мудрёным названием — полубезалкогольная, но и подарок я буду в таком разе брать тоже... полунедорогой.

Тётка Матрёна его пристыдила:

— Ты, старый дед, родственник как-никак, а такие речи ведёшь. А вдруг тебе там и напиток и нахлебаться хватит?

Дед говорит:

— А может быть, ты и права, Матрёна. В таком разе надо два подарка брать — подороже и подешевле. Чтобы, значит, в случае чего, как оно там будет вытанцовываться, дак тот и дарить, который по цене соответствует.

Слухи о нашей полубезалкогольной свадьбе до города докатились. Но об этом мы позже узнали.

Расписались мы. После сельсовета шла я в столовую с Костиком, ног под собой не чужала, только пульс в пятках стучал. Сердце моё девичье в радости купалось, как сосиска в парном молоке. Во всём теле гормоны играли, как пескари на икромёте.

Но когда к столовой автобус подрулил с надписью: «Телевидение», всё во мне замерло, а гормоны остановились, как вкопанные. Из автобуса толстячок в кепке выскочил, говорит:

— Я режиссёр. Это у вас свадьба безалкогольная?

Папанька мой ему сразу объяснил:

— Если вы к нам на свадьбу, то просим гостем быть. А насчёт безалкогольной — не обижайте. У нас тут не Америка какая и не Антарктида. Свадьба у нас полубезалкогольная.

Режиссёр за кепку дёрнул и говорит:

— Ага, всё ясно. Значит, полвечера — безалкогольная, а полвечера — обычная. Нас это устраивает. Будем снимать. Первую половину.

Пока наши гости за столом рассаживались, эти с телевидения проводами всё опутали, фары в глаза всем направили, алкоголь со стола заставили в подсобку убрать, а режиссёр скомандовал:

— Мотор! Пошёл первый тост. Снимаем!

Из-за стола ихний подсадной паренёк встал, я его первый раз видела, и начал:

— Я, как представитель района, могу сказать, что знаю Дашу и Константина много лет. Хорошая девушка Даша, безотказная. Костик на меня глаз ревнивый косить начал. Мол, откуда это он тебя знает? Да ещё что безотказная. А я слова не могу вымолвить от стыда — первый раз паренька вижу. А он уже тост оглашает:

— Выпьем за молодую безалкогольную семью — светлое будущее нашего грядущего завтра и послезавтра.

Режиссёр кричит:

— Крупный план лимонада! Все пьют, улыбаются, крикают от удовольствия.

После лимонада у деда Самарина крик наружу вырвался:

— Горько!

Режиссёр на него ногами затопал:

— Отставить «горько». Раскричались, как на свадьбе, дубль испортили.

Все притихли, посидели в тишине минут десять. Сидят, не закусывают, с отрыжкой от лимонада борются.

Режиссёр опять объявляет:

— Пошёл второй тост!

Опять паренёк-активист встал и уже от общества трезвости тост двинул. Гости опять выпили лимонада. И опять посидели в тишине минут десять. Поприслушивались, как она там, газировка, внутри играет. Режиссёр опять скомандовал:

— Дальше по сценарию — танцы под гармонь. Пошёл гармонист!

Встаёт Тимоха, гармонист наш. Режиссёр его подбадривает:

— Давай, давай, на стул садись, девкам подмигивай, мехи растягивай, чуб назад отбрасывай.

Тимоха оскалился на белый свет и хлесть! — по клавишам сверху вниз. А музыки-то нет! Какой-то «бзик» получился.

Тимоха встал, глаза в пол и говорит:

— Рано мне ещё играть, пальцы не идут.

Режиссёр руками замахал:

— Внимание, мотор! Пошёл наш гармонист.

Из автобуса выскочил ихний подсадной гармонист и начал наяривать плясовую.

Режиссёр в сценарий смотрит и командует:

— Пошла пляска! Кто у вас заводила неугомонная? Кто у вас Маруся розовощёкая? Женщина лет сорока? Бесшабашная и разбитная?

Все тётку Матрёну стали уговаривать, мол, иди пляши, ты у нас по всем параметрам подходишь.

Матрёна вышла — вся как кол проглотила, платочком взмахнула и пошла по кругу дробы бить. Режиссёр подбадривает:

— Частушки пошли, частушки! Про новую жизнь, про отличное настроение.

Матрёна начала:

— Пошла плясать, запосвистывала, чо-то брюхо заболело — заподристывала...

Но тут Матрёна поперхнулась. Газировка ей в нос ударила. Да ещё в проводах ногами запуталась, и током её дёрнуло. И тут у Матрёны само вырвалось:

— Да пропади оно всё пропадом! Да я с газировки-то сроду плясать не приучена. Меня с неё только за баньку сходить манит.

А режиссёр даже глазом не моргнул, скомандовал:

— Внимание, мотор! Пошёл ансамбль песни и пляски.

Из автобуса выскочило два ансамбля, один — песни, другой — пляски. Как начали они частушки сыпать направо-налево — гости наши совсем присмирели, не знают, что делать.

А режиссёр гостям говорит:

— Пока наши пляшут, вы подарки молодожёнам дарите.

Гости уже поняли, что свадьба их мало коснётся, поэтому начали подносить нам с Костиком в основном канцелярские принадлежности.

Режиссёр их остановил:

— Такие подарки наш редактор на телевидении не пропустит. Внимание! Пошли наши подарки.

Грузчики из автобуса притащили ковры, хрусталь, цветной телевизор и холодильник. Мы с Костиком принимаем подарки — глазам не верим. Даже обомлели. Тут режиссёр зубами — клац! — и кричит:

— Всё! Отснято! Подарки — обратно в автобус.

Мы с Костиком обомлели в другую сторону. Но режиссёр нас быстро в чувство привёл. Он скомандовал:

— Товарищи гости. Да, да, настоящие гости. Попрошу всех в подсобку, освободите места за столом для съёмочной группы.

Гости наши очистили помещение, а оба ансамбля за столом устроились. Паренёк-активист опять тост произнёс. Съёмочная группа газировки выпила и закричала:

— Га-зы! Га-зы!

Ну, понятно, что это «горько» по-старому. Только целоваться с Костиком при посторонних я не могу. И Костик не может.

Тогда режиссёр скомандовал:

— Пошли наши жених с невестой!

Из автобуса в столовую влетели наёмные жених с невестой и горячо обнялись в дверном проёме. Сразу было видно, что долго их на роль молодожёнов натаскивали. Невеста жениха поцеловала так самоотверженно, что у него на загравке пиджак вздыбился. А съёмочная группа открыла счёт на продолжительность поцелуя: раз, два, три. На счёт «пятьдесят два» из подсобки грянула песня! Это наши запели! Там в подсобке у них всё под рукой. Раздольно звучала песня: «Широкой этой свадьбе было места мало...». В подсобке, действительно, места мало. Но пели здорово.

Я сказала Костику: «Пошли отсюда». И мы ушли в подсобку. Встретили нас там, как родных — хлебом-солью, усадили нас на ящики с луком и поздравили. А потом все «горько!» закричали. На ящиках с луком мы с Костиком и поцеловались. Тимоха на фляге растянул гармонь и пошёл чесать переборами. Тётка Матрёна в пляс пошла на бочке с огурцами. Все заплясали и запели. Дед Самарин в ларь с мукой упал — дождался-таки настоящей свадьбы.

В самый разгар веселья режиссёр в подсобку заглянул и объявил:

— Всё, товарищи, материал отснят, можете приступать к свадьбе.

И замолчал. А сам мнётся чего-то. Тут из-за спины его паренёк-активист выглянул и говорит:

— Сейчас бы самое время бы, это... выпить бы. Устали мы свадьбу за вас изображать.

Пока мы все с открытыми ртами стояли, танцоры ихние несколько ящиков из подсобки в зал унесли. Как все они там на ящики налетели — я такого дива сроду не видывала.

Опьянели моментально. Через десять минут их шофёр сидел на стуле с круглой шаньгой в руках и как бы рулил по городу. Режиссёр бегал, хватал всех за грудки, бил себя в грудь и орал: «Я гений!». А их наёмный жених начал путать свою невесту со мной. Костику это не понравилось.

— Я не потерплю, — говорит, — чтобы на моей свадьбе посторонние женихи плялись.

А тот Костику:

— Это ты шляешься. А у меня законная разрядка после напряжённой работы по безалкогольному воспитанию телезрителей.

Вот тут Костик мой и не сдержался. Поэтому из нашего медового месяца пятнадцать суток — долгой.

По телевизору нашу безалкогольную свадьбу уже показывали. После передачи письмами завалили меня телезрители. Все просят опытом поделиться.

Я делюсь. Опыт у меня накоплен богатый. А текст моих ответов паренёк-активист составляет. У него работа такая — пропагандировать.

ХЭЛЛОУ, НЮРА!

Алё, Нюра. Я уже в Вене. Нам сказали, это австралийская столица. А, да — австрийская. Я их всё время путаю: Австрию и Австралию. И Алжир. Как зачем звоню? Я же скучаю. Я уже три раза скучал. И два раза пожалел, что поехал по этой путёвке. Нюра, у меня одно впечатление накопилось. В Вене тоже асфальт. Но он, оказывается, гладкий. Нет, второго впечатления не накопилось. Ну всё, пока. Я тебе из Стокгольма позвоню.

...Хэллоу, Нюра, я из Стокгольма. Нам сказали, что это швейцарская столица. А, да — шведская. Я их всё время путаю: Швецию и Швейцарию... и Алжир. Тут одни шведы. Да, как под Полтавой. Но они все развязные и питаются таблетками. Наркотики называются. Не, не вкусные. Наш огурец лучше. Ну, пока, я тебе из Копенгагена позвоню.

...Хэллоу, Нюра. Я из Копенгагена. Нюра, я тут токсикоманом стал. Хожу в их гастроном, колбасный копчёный дух нюхаю и балдею. Ну, пока, я тебе из Чехословакии позвоню.

...Алё, Нюра, я из Чехословакии. Тут одни чехословаки. И говорят по-чехословацки. Но всё понятно. Вот, например, фамилия ПОспешил — это значит — поспешил. У них даже пословица есть: «Поспешись — людей насмешишь». Ну, пока, я из Африки позвоню.

...Алё, Нюра, я из — Марокко. Ну, с этим Марокко — одна морока. Здесь профсоюзные взносы тоже силой из зарплаты вычитают. Но берут кокосами. С носу — по кокосу. Обезьяну? Видел. Жрёт апельсины. А на нас поплёвывает. Ананас? Ананас пожёвывает. А на нас поплёвывает. Ты не знаешь, что такое апельсины? Они как хоккейные мячи. Но вкуснее. Нюра, а тут ещё растут вечно зелёные эти... да не сугробы, а лимоны. Сугробы тут не растут, не могут. Жара. Хотут, но не могут. А эти лимоны: хочут — растут, не хочут — не растут. Чо хотят, то и делают. А кислые! Тьфу. Хорошо, что у нас вместо лимонов — грибы. Ну пока, я тебе из Манилы позвоню.

...Алё, Нюра, я — из Манилы. Тут одни филиппинки. Такие мАлесенькие. Меньше нашего петуха.

Нюра, ты плачешь?.. Да никакая филиппинка меня не сманила. Я звоню с Манилы. А завтра из Америки позвоню. Пока.

...Алё, Нюра! Я из Америки. Чо-то она мне не очень. Сами-то они хвастают: у нас всё есть, у нас всё есть. А где там? Я походил, посмотрел, даже самогона нету. Пьют какую-то, наверное, гадость. Виски и мартини. Ну, пока, я тебе из откудова-нибудь позвоню.

...Алё, Нюра, я вернулся. Ну здесь, рядом, от зятя Степана звоню. Нюра, ты не обижайся, я вообще никуда не ездил. Я путёвку сдал и на эти деньги мы со Степаном отдыхали. Где? А у него на кухне. У нас деньги кончились, и вот я вернулся.

Нюра, мы сейчас возьмём троллейбус и подьедем. Ты купи чего-нибудь за встречу. Я так по тебе соскучился.

НОЧНОЕ ШОУ

— Легко ли быть молодым? — спросила билетёрша Петровна деда Кузьмича.

— Да нелегко в восемьдесят-то лет. Но можно! — ответил Кузьмич, предъявляя билет на ночное шоу.

— И чего тебя тащит к молодёжи?

— Влекёт, Петровна, сильно влекёт. Я поглядеть хочу. А глядеть-то я ещё ой как могу!

В селе Обабково разворачивалось ночное шоу. Городской кооператив «Досуг» приобщал село к новой жизни.

Деревню лихорадило от сборов и приготовлений. На улице Силосоуборочной, в доме № 2 родители хлопотали вокруг сына. Отличник боевой и политической подготовки Иван Епифанов вчера дембельнулся на родину. Родину он не узнал: панки, рокеры, металлисты, ночные шоу — обалдеть!

— Мам, где я? — спросил Иван, как только приехал.

— Ты на родине, — ответила мама.

Когда Иван сказал родителям, что собирается на ночное шоу, отец обнял его и спросил:

— Патроны есть?

А мать добавила:

— Ты береги там себя, сынок. Сейчас я тебя соберу.

И она, смахнув слезу, принялась складывать в рюкзак яйца, лук зелёный, картошку в мундирах.

Иван вздохнул. Честно говоря, он не знал, что больше потребуется в ночном: патроны или закуска. Ясность внёс друг детства, Илюша Дальнотзорный, не служивший в армии по причине близорукости.

Он с порога сказал:

— Ночное шоу — это увеселительное мероприятие, направленное на досуг молодёжи: дискотека, видеокафе, рок-ансамбль и море девушек.

— А девушек кооператив, что ли, привёз? — спросил отец.

— Нет, девушки все свои. — ответил Илья.

— Что-то я у нас, кроме бабки Матрёны, девушек не знаю, — почесал за ухом отец.

— На праздник много приехало, — уточнил Илья.

— Ну, если что приехало...

В доме № 4 по улице Перегнойной возле зеркала сидела Зина Зубоскалова — молодая и зовущая, как стройки БАМа. Она лениво гладила себя то по немецкой комбинации на талии, то по покатоному плечу. По её лицу было видно, что она довольна сравнением. Более гладкого предмета, чем она сама, в мире не существует, даже среди импортных.

По кухне и по комнате кругами бегала встревоженная мать, старушка в фартучке, и приговаривала:

— Ой, что бу-и-ит, что бу-и-ит...

— Да что бу-и-ит? — передразнила её Зинаида.

— Да то и будит, что с деревенскими в городе бывает... Дался он тебе, этот город. Вон Маринка после школы никуда не поехала.

Маринка сидела тут же, поджидала свою подругу. Она действительно после школы пошла работать на ферму, где и делала перестройку тихо, без лозунгов, под раздольную коровью песню.

Иван с Ильёй подошли к Дворцу культуры, когда ночное шоу уже мощно набирало свои обороты. У рекламной афиши перед входом стоял дед Кузьмич. На афише красовалась надпись: «Всего за 10 рублей вы не уснёте всю ночь!»

Дед всем комментировал надпись:

- Да если б мне дали 10 рублей, я не то что не спать, а на голове ходить буду. Если на ноги удачно встану.

В фойе дворца ходуном ходила дискотека. Иван от неожиданности привычным движением поправил на груди несуществующий автомат Калашникова.

Освоившись в шуме и грохоте, Иван с Ильёй встали в сторонке и принялись изучать обстановку. И в это время в зал вошла Она. Она появилась в дверном проёме, как богиня любви в позолоченной раме, вся декольтированная и экзальтированная.

- Кто это? — ошарашенно спросил Иван у танцующего с семилетней племянницей деда Кузьмича.

- А-а, это Зинка Зубоскалова. Сейчас в городе живёт, шибко модная стала. Ишь, как обнагилась... Я помню, раньше, бывало, дружишь с девушкой, так её комсомольским значком всю руку себе поцарапаешь. А тут, гляди-ко, никаких преград.

И дед исчез в гуще танцующих.

Зина с Мариной прошла в зал и лениво скользнула вокруг глазами. Неожиданно она встретилась глазами с Иваном. Ивана, словно током от Братской ГЭС дёрнуло. Да и Зина вздрогнула, как одинокий душман под дулом автомата. Словом, в этот миг в селе Обабково возникла любовь с первого взгляда.

Первой пришла в себя Зинаида. Она пригласила Ивана на танец и, уверенно прижав к себе, повела его в изумительное путешествие по неизведанной стране под именем Любовь. У Ивана бешено колотилось сердце. Сердце Зинаиды билось ровно, стабильно, без перебоев работали и другие внутренние органы.

В вихре налетевших чувств и водовороте подступивших предчувствий Иван не помнил, сколько они танцевали, о чём говорили, он даже не заметил, как Илья передал ему какой-то ключ, и они очутились вдвоём с Зинаидой в гримёрной комнате.

С пылом дембельнувшегося солдата Иван принялся наносить Зинаиде телесные поцелуи лёгкой и средней тяжести. Голос дивной красавицы прозвучал в этой обстановке, как гром среди ясного потолка:

— Ваня, а деньги я привыкла вперёд брать.

Иван, набравший бешеную инерцию чувств, не мог сразу остановиться, поэтому целовал Зинаиду ещё минут пять. Наконец, помутневшие глаза его прояснились, и он прохрипел:

— Какие деньги?

— Валюты у тебя всё равно нет, так что давай советские — 150 рублей.

Иван сел на диван строго вертикально и потряс головой. В школе они этого не проходили. В армии — тоже. Он автоматически вынул из кармана горсть мелочи и мятых бумажек и пересчитал на туалетном столике. Денег было 17 рублей 3 копейки и две пуговицы.

Зинаида хихикнула от малости имеющейся суммы.

Разгорячённый дембель Иван Епифанов испытывал те сильные чувства, которые обычный человек испытывает у прилавка винного магазина, когда не хватает.

Зинаида уловила ход мыслей молодого человека и молвила:

— Цены устанавливаются не здесь, а в Москве. И мы на местах не можем отменять решения центра.

Иван понял, что дело любви и дружбы успело встать на прочную государственно-экономическую основу. Поэтому спросил с надеждой:

— А льгот для отдельных категорий работников у вас не предусмотрено?

— Предусмотрено, — ответила Зина, — наш министр лёгкого поведения определяет 30-процентную скидку студентам и студентам-заочникам в период с 1 ноября по 1 мая, а также инвалидам и участникам войны круглогодично при наличии удостоверения.

Иван предъявил удостоверение. Зинаида сверила фотографию с владельцем и сказала:

— Тебе положена скидка в 50 рублей. Остаётся стольник.

Иван прослезился от счастья. Всё-таки большое дело — бюрократический порядок и бумажная дисциплина. Любовь приблизилась ровно на 50 рублей. Появилась хоть какая-то надежда.

К Ивану вернулась уверенность. Он начал действовать смело, решительно и умело.

— Зиночка, — сказал ласково Иван, — сиди здесь, жди меня. Я вернусь.

Он сгрёб свои деньги со столика и выскочил из гримёрной.

ЧАСТЬ II

Краткое содержание первой части.

Маленькое, но гордое село Обабково за годы перестройки резко выросло, окрепло и изменилось. Накануне праздника в село приезжает городской кооператив «Досуг» и разворачивает ночное шоу во Дворце культуры. На мероприятие приходит свежесдемобилизованный солдат Иван Епифанов и влюбляется там в Зину Зубоскалову. Волей судьбы молодые оказываются наедине. Порыв любви Ивана Зина останавливает словами: «Деньги вперёд». И называет круглую сумму. Ошарашенный Иван кидается занимать недостающие деньги у друзей. Зина остаётся одна в томлении и ожидании.

Дворец сотрясаясь от грохота рок-ансамбля. Самодеятельные музыканты заколачивали зрителям музыку в селезёнку, а тексты — в лоб.

В малом зале работала дискуссионная трибуна и свободный микрофон. Оратор-бюрократ кричал с трибуны:

— Долой бюрократов!

А публика, не подозревая о кошмарной двойной игре, вторила:

— Долой!

Иван протискивался через гущу мероприятий, как через джунгли. Ильи нигде не было. Наконец, Иван заметил друга в коридоре курилки. Он бросился туда, но на его пути встала художница-монументалистка с совершенно диким нездешним взглядом.

— Я буду писать с вас портрет, — сказала она твёрдо и дьявольским жестом бросила Ивана в кресло.

Иван хотел встать с кресла, но два дюжих ассистента художницы положили ему свои волосатые руки на плечи. Вскоре с портрета на Ивана глянул Иван с огромными бешеными глазами. В них однозначно читался вопрос: «Где взять деньги?» А когда художница сказала, с вас 10 рублей, сходство Ивана с портретом ещё больше увеличилось.

Конечно, в курилке Ильи уже не было. Иван заглянул в красный уголок. Здесь проходила встреча населения с писателем-юмористом. Иван прошёл по залу, вглядываясь в заснувшие лица зрителей. Тишину нарушал лишь голос писателя-юмориста, читавшего свой рассказ, и лёгкий храп собравшихся. Писатель во время чтения иногда хихикал, иногда смеялся, а в конце рассказа захохотал так, что упал на пол и укатился под рояль.

Ильи нигде не было. Иван пошёл в сторону видеосалона по коридору, где и был схвачен пятью фотографами-кооператорами. Они ловко общёлкали его с ног до головы, забрали последние деньги и сказали: «Фото ждите по адресу». Адреса, правда, не взяли.

В видеосалоне Иван увидел деда Кузьмича. Здесь крутили фильм ужасов. На экране людоеды аппетитно пожирали друг друга. Основные зрители — дети забрались от страха под стулья и смотрели фильм, закрыв лицо ладошками, время от времени раздвигая пальцы. Дед Кузьмич так же от страха замаскировался под лопух, воткнув в бороду две репейные шишки. Сходство деда с сорняком было потрясающим, людоеды его ни за что бы не обнаружили.

Иван тронул деда за плечо, тот от неожиданности подпрыгнул, с воплем кинулся к дверям, столкнулся там с входившим Ильёй, и оба повалились на пол.

В курилке Иван объяснил Илье ситуацию. Ухо деда Кузьмича раскалялось по мере рассказа сначала докрасна, потом добела, и если бы дед не прижал его рукой, оно бы отскочило.

Поскольку сначала нарисованный, а потом и сфотографированный Иван остался совсем без денег, то требовалось ровно сто рублей.

Дед Кузьмич сказал шёпотом:

— Я могу дать 50 рублей.

— 50 — это на пол дела, — сказал Илья.

— А на дело меня и не хватит, — сказал дед, — я просто в долю хочу.

Иван дёрнул деда за бороду и привёл его мысли в порядок. После выцарапывания из всех карманов деда и Ильи набралось 99 рублей, 93 копейки и полпачки махорки.

— Семь копеек не хватает, — заметил Илья с немецкой педантичностью.

Дед подхватил:

— А она, собака, возьмёт и на семь копеек не доработает. Не-ет, в этом деле каждая купеечка важна, особенно последняя.

И, помолчав, добавил:

— Уж коли влюбился на сто рублей, дак сто и надо.

Семь копеек заняли у первого появившегося в курилке. Иван, зажав деньги в кулак, шагнул в неизвестность. А дед Кузьмич сказал ему вслед:

— Это сколько же я за свою жизнь на своей бабке сэкономил!

Иван осторожно постучался в дверь гримёрной.

— Войдите, — ответил спокойный женский голос.

Иван шагнул через порог. Перед ним стояла всё та же красавица Зина, только одета она была в школьную форму, а вместо современной причёски на её голове торчали две задорные косички с бантиками. Иван стоял перед ней со сложенными в горсть руками, полными денег.

Зина вынула из сумочки какую-то бумажку и стала читать вслух:

«Здравствуй, мой далёкий солдатик Ваня. Не писала тебе две недели, потому что поступила на подготовительные курсы...»

От неожиданности у Ивана подкосились колени, и он встал на них, как обелиск.

— Так это ты мне писала? И подписывалась «твоя незнакомая девушка»?

— Да...

— А как же ты дошла до... такой жизни?

— Я не доходила, это ты дошёл, — Зина показала на деньги в горстях Ивана.

Руки Ивана сжались, скомканные купюры запорхали в воздухе, как снежинки, а мелочь весело раскатилась по полу...

— Эй, Никифор, — стучал Иван в ставень дома председателя сельсовета, — вставай, свадьба будет.

Никифор, кряхтя, слезил с печи и ворчал:

— Опять свадьба. Вот повадились по ночам-то жениться. Сколько помню, ни одни ещё днём не списывались.

— А ты себя вспомни, — сказала с полатей сонным голосом Пелагея, — вот времечко было...

— Было, — пробурчал Никифор, доставая из-за иконы книгу записей гражданского состояния.

Ночное шоу плавно переходило в раздольную деревенскую свадьбу.

ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ

- Почему ты всё ещё не покормила ребёнка? Ведь ты же мать.
- А ты отец.
- И почему у нас такой беспорядок? Ведь ты же хозяйка.
- А ты хозяин.
- И почему рубашка у меня не поглажена? Ведь ты же женщина.
- А ты мужчина.
- И почему до сих пор не готов ужин? Ведь у тебя есть муж, ребёнок.
- А у тебя — жена, ребёнок. И вообще, из чего я буду готовить? Ты не купил продукты. Ведь ты же мужчина.
- А ты — женщина.
- И почему гардина у нас держится не на четырёх, а на одном гвозде? Ведь ты же хозяин.
- А ты — хозяйка.
- И почему наш сын во дворе только дерётся и ещё раз дерётся? А не играет на скрипке. Почему? Ведь ты же отец.
- А ты мать.
- Ты думаешь, он сидит в своей комнате и делает уроки? Как бы не так. Он делает не уроки. А уроки он не делает. Эй, Вова, сейчас же садись за уроки. Ведь ты же школьник.
- (Из-за двери): — А ты продавец.
- Ты видишь, он огрызается. И обзывает меня продавцом.
- А ты и есть продавец. Ты самый настоящий продавец.
- Я работница торговли. И не смей меня обзывать... А сам-то, сам-то. Ты же инженер. Самый настоящий, ярко выраженный, ничем не прикрытый инженер. Ха-ха-ха. Инженер, инженер, инженер.
- Я не инженер. Я старший инженер. И экономист. Я старший экономист. Понимаешь — старший, я — старший. А ты продавец. Младший. Вот такой, маленький. А я — старший. Вот такой, большой.
- Ты — старший? Да хоть главный, всё равно инженер. А я — продавец. Пусть младший, всё равно продавец. Я работница торговли! Я принц, а ты — нищий.
- (Из-за двери): — Ты, мать, продавец. А ты, отец, инженер. И не спорьте.
- Ты видишь, он огрызается. Скажи ему что-нибудь. По-мужски.
- Вова! Сейчас же перестань огрызаться. Ведь ты же бойскаут. Всем ребятам нокаут.
- (Из-за двери): — А ты член партии.
- Я кому говорю, перестань сейчас же. Как отец говорю.
- (Из-за двери): — Не перестану. Как сын говорю. Инженер, инженер, инженер. С продавцом, с продавцом, с продавцом.
- Вот видишь. Это твой сын.
- А твоё воспитание.

— А сын твой.
— А воспитание твоё.
— Ведь ты же мужчина.
— А ты женщина.
— А ты отец.
— А ты мать.
— Ты муж мне или не муж?
— А ты жена мне или... кто?
— Тогда разведёмся.
— Хорошо. Прекрасно. (Кричит за дверь). Вова, мы уходим с тобой от мамы. Она нам надоела.
(Кричит за дверь): — Вова, мы останемся. Это папа нам надоел. Мы его выгоняем. Навсегда.
(Из-за двери): — Расходитесь на все четыре стороны. Я остаюсь здесь.
— Он нас выгоняет. До чего ты довёл ребёнка. Ведь ты же отец.
— Я отец. А ты мать.
— Я мать...
— А я отец...
— Так ты отец?
— Я?.. Отец. Конечно, я отец. Я же отец, чёрт возьми. Или не отец? Я его сейчас буду воспитывать, я за него возьмусь, наконец.
— Правильно, возмись за него. А я его покормлю, приласкаю. Ладно? А ты шлёпни. Ладно?
— Ладно. Только я сначала гардину прибью. А то болтается на одном гвозде. Я же хозяин, в конце концов.
— А я хозяйка. Рубашку тебе поглажу. Ладно?
— Ладно. А потом я за продуктами схожу. Я мужчина.
— А я женщина. Наведу порядок в квартире. Ладно?
— Ладно. А что, правда, я для тебя всего лишь инженер?
— Ну что ты. Ты — старший инженер. Самый старший инженер в мире. А я правда для тебя продавец?
— Ну что ты? Ты самая лучшая работница торговли. Ты отличница торговли. Ты мой торговенький работничек. Ты принцесса торговли.
(С надеждой): — Я — принцесса?
— Да. Ты принцесса торгового зала. Ты лицо торговли. Причём, красивое.
— А ты... а ты... звезда.
(С надеждой): — Я — звезда?
— Конечно, ты звезда. Ты старшая звезда завода. Без тебя всё сгорит.
— А Вовка наш кто?
— Вовка гений. Он вундеркинд.
— Да, да. Пусть он не играет на скрипке, зато как он играет на нервах!

- Конечно! У него сильный характер.
- И огромная воля... к победе. Он победит.
- Кого?
- Партнёра. По рингу. Когда вырастет.
- Надо его похвалить. А за что?
- Не за что. Но похвалить надо. Их надо хвалить.
- А мы придумаем и похвалим. Вова, мы идём тебя хвалить.

БАБУШКА ОТОВАРИЛАСЬ

Рассказ ребёнка

Больше всего на свете я люблю мороженое, потом — папу и сразу после папы — отовариваться.

В нашей семье отовариваться может только бабушка. Потому, что она участница войны. Дедушка у нас тоже участник, но отовариваться он не может. Он же не женщина и не инвалид, поэтому ему и так весело, без отоваривания.

А мне дедушку жалко, я ведь вижу, что он тоже хочет и даже ходит хлопочет об инвалидности. Когда он её схлопочет, то тоже будет отовариваться.

Отовариваться мы всегда ездим втроём: я, бабушка и папа. Бабушка, чтобы отовариваться, папа — чтобы нести товар, а я — чтобы интересней было.

Сегодня мы опять ездили. Папу сначала не пускали в магазин. Сказали:

— А вы куда, молодой человек?

Папа начал хромать и заикаться:

— Да я просто... Сумки... нести.

Тогда его пропустили.

Когда мы зашли, папа сказал, что здесь, как за границей — народу мало, а продавцов много. И что продавцы здесь вежливые, потому что не хотят, чтобы их в другой магазин перевели. Бабушка шепнула папе:

— Тише, а то услышат.

На войне она в разведку ходила, поэтому всего боится.

Когда тётя-продавец начала отвешивать масло, мясо, сосиски, бабушка так разволновалась, что потеряла кошелёк. А когда нам дали коробку конфет, я так разволновался, что его нашёл. А когда дали банку тушёнки, папа вскрикнул от неожиданности. А когда дали банку сгущёнки, бабушке стало плохо, и папа ей дал нашатырь. А когда дали пельмени, папа от волнения их рассыпал. А потом собирал. И всё оглядывался, чтоб его за руку не схватили и не крикнули:

— Ага, попался!

И только тётя-продавец улыбалась. Она спрашивала бабушку:

— Окорок будете?

— Буду.

— Чай будете?

— Буду.

— Что, и кофе растворимый, что ли, будете?

Бабушка запнулась:

— Бу...бу...

Папа подсказал:

— Будет.

Тётя-продавец вежливо сказала:

— А вы, молодой человек, не мешайте. Зачем ей одной столько?

Бабушка сказала:

— Вообще-то я не одна. У меня — дочери, внуки...

— И зять, — сказал папа.

Дома нас ждал дедушка с ножом, делить продукты. И ещё — мама и тётя Люда. Дедушка сразу заворчал на бабушку:

— Чего колбасы мало взяла?

— Больше не дали. Норма.

Дедушка отрезал кусочек колбасы, попробовал и сморщился:

— Хорошо, что не дали, дай им бог здоровья. Они эту колбасу специально для ветеранов делают, чтоб их меньше стало.

— Старый ворчун! — сказала бабушка. — Тебе всё не так.

— А тебе всё так. Я не о себе забочусь — о внуках.

Пока бабушка с дедушкой спорили, мама и тётя Люда раскладывали по своим сумкам продукты. Бабушке с дедушкой они оставили пельмени и сосиски. Бабушка сказала:

— Забирайте пельмени и сосиски, их же дети любят.

А мама сказала:

— Нет, нет, это оставьте себе.

— Нам ничего не надо, — сказал дедушка.

— Нет, нет, — сказала мама и протянула дедушке деньги за продукты.

Дедушка отказался:

— Не надо нам денег, у вас у самих денег нет.

Тут бабушка с дедушкой опять стали спорить, и тётя Люда с мамой незаметно положили деньги в сервант. А пока они подкладывали деньги, дедушка незаметно подложил сосиски и пельмени в их сумки.

А я взял сосиски в карман и побежал на улицу. Петька смотрел, как я ем, смотрел, смотрел, пускал слюни и говорит:

— Где взял... это?

— А меня бабушка отоваривает.

Петька говорит:

— Дай попробовать.

Я ему, конечно, не дал. Самому мало. Тогда Петька говорит:

— А я тоже умею отоваривать.

Я говорю:

— Врёшь, не умеешь.

И тут он меня отоварил. А сам убежал. Ну и пусть бегаёт голодный. Так ему и надо!

ЁЛКА ДЛЯ ТОЛИКА

Толик, отойди от ёлки. Мы её не для себя ставим. А для тебя. Зачем ты взял игрушку? Ты её разобьёшь, и я тебя накажу. Ну вот. Разбил. Иди в угол. Стой там и не оглядывайся. Новый год – это радость. А ты её испортил. Почему ты вышел из угла? Зачем ты оборвал иголку с ёлки? Что две? Ещё две иголки осталось? Так что это будет за ёлка с двумя иглоками? Ведь на ней было три. Мама, принеси ремень, я буду спасать ёлку от Толика. Вот так. Толик, встань в угол и смотри на ремень, вернее, на ёлку. Ты видишь, какая она красавица? Не видишь? А что ты видишь? Правильно. Ремень надо не только видеть, но и понимать. Вот так. Ну, ладно, выйди из угла, только не подходи к ёлке. Она ещё не готова. А будет готова – вообще не подходи. Тебя дёрнет током. Мы все сгорим. Толик, выйди вообще из комнаты. Будешь смотреть на ёлку из коридора. Там безопасней. Теперь скажи, что такое Новый год? Правильно, праздник. А праздник – это всегда что? Ну? Нет, не ремень. Праздник – это радость, веселье. Радуйся, веселись. Где? В коридоре. В комнате нельзя, там ёлка. Посмотри мне в глаза. Вот так. Скажи честно, ты весёлый? Только честно. Нет? Сейчас тебя развеселят. Сегодня к нам придёт Дед Мороз Красный Нос и Снегурочка Красный Глаз. Только ты их не бойся. Они хорошие, с моей работы, у них профсоюзное поручение. Они ходят по квартирам. Что ты сказал, Толик? Ходят по квартирам и уносят подарки? Уносят вещи? Нет. Они приносят вещи, приносят подарки. Тебе принесут апельсины и игрушку. Какую? Мать, какую игрушку принесёт Дед Мороз? Вот. Принесёт пистолетик за 1 евро. Значит, Толик, мы договорились, ты в комнату не заходишь, там ёлка. И не три глаза. Спать ещё рано. Всего одиннадцать. Дед Мороз всё равно придёт. Хоть в час ночи. Он обещал, он обязан прийти. У него поручение. Вот, кстати, и он. Слышишь, скребётся за дверью? Толик, не бойся. Это Дед Мороз. Ему очень трудно идти, он старенький. Да. Поэтому Снегурочка ему помогает. Дед Мороз, пожалуйста на кухню, за стол. Толик, не мешай. Тебе пора спать. А, пистолетик. На пистолетик, иди спать. Вот так. Ложись, спи. К ёлке не подходи. В этой комнате можно только спать. Всё, спи. Стихотворение? Расскажи про себя и спи. Всё. Видишь, и Снегурочка уснула. Спи. А мы с Дедом Морозом посидим на кухне... С Новым годом, Дед Мороз! Как это не можешь? Ничего не знаю, пей до дна. На то ты и Дед Мороз, Геннадий... Что там грохнулось в комнате? Толик, зачем ты уронил наряженную ёлку? Не хочешь Нового года? Это безобразие. Его надо хотеть. Он самый весёлый праздник. Ты не любишь праздник? А Деда Мороза? Ну, покажи, как ты любишь Деда Мороза... Ай, Толик!.. Дед Мороз, Геннадий, ты жив?.. Толик, отдай посох, ты можешь им задеть Деда Мороза ещё раз. Куда ты, Толик? В садик ещё рано, ещё ночь. Мать, иди лови Толика!

В М О С К В У ! В С Т О Л И Ц У !

- Тамара, царица моя, я к тебе приехал, вот он я, муж твой законный, вернулся. Почему ты не рада? (Прислушивается к шагам на кухне).

Тамара, кто это чеканит шаг на кухне в моих тапочках?

- Это мой муж.

- Как тебе не стыдно при живом муже выходить замуж?

- Какой ты мне муж, если мы с тобой развелись?

- Мы же фиктивно развелись, Тамара. Чтобы я фиктивно женился и прописался у неё. Чтобы в Москве. И чтобы потом разменялся жилплощадью, развёлся с ней, снова женился на тебе и прописал вас с дочерью. Чтобы в Москве, Тамара. А не в Томской области Красноярского края.

- Но ты же со мной развёлся?

- Фиктивно – да.

- И на ней женился?

- Фиктивно – да.

- И у неё прописался в Москве?

- Фиктивно – да.

- И сын у вас родился?

- Фиктивно – да. То есть нет, он просто родился. Случайно. Но это ничего не значит. Ведь я уже с ней развёлся. Теперь нам надо пожениться с тобой.

- А куда я дену мужа?

- Какого мужа?

- Который на кухне в твоих тапочках.

- Разведись с ним, Тамара. Он нам не муж. Он, подлец, воспользовался ситуацией, пока я пробивался в Москву.

- А куда я дену сына?

- У нас нет сына, Тамара, у нас дочь. А сын у меня в Москве.

Появился. Случайно.

- Да, у нас с тобой дочь, а у нас с ним – сын.

- С кем с ним?

- Который на кухне.

- И у тебя сын появился?

- И у меня сын появился.

- И у меня сын. Появился. Случайно. Значит, у нас с тобой появилось по сыну. Во время фиктивного развода. Но теперь, Тамара, объясни ты этому на кухне, что развод у нас с тобой фиктивный. Мы состоим в браке. Фактически. А ваш брак с ним недействительный. Он фиктивный. У вас не имел права появляться сын. Это противозаконно.

- Ты сам этого хотел.

- Я хотел в Москву, а этого не хотел. Я жертва.

- Тебе придётся платить алименты на дочь. Я уже подала заявление.

- Ты уже вторая, Тамара. Первой подала та, фиктивная. Значит, у меня всего будет два алиментга. И ещё мне негде жить.

- Но ты же хотел разменять ту квартиру.

- Та квартира тоже фиктивная, её нельзя менять. Пропали денежки. Нас обманули, Тамара, это жулики, проходимцы. Мы больше не москвичи, Тамара.

- Это ты не москвич, а москвичка. Мы уезжаем завтра с мужем домой, в столицу.

- С каким? Что на кухне?

- Да, у нас там квартира забронирована. Он приезжал к нам в леспромхоз героически трудиться. О нём писали газеты. Оставил столицу и приехал в глушь. Вот так. И вообще, я советую лично вам идти в общежитие леспромхоза, пока комендант ещё там. До свидания, товарищ. (Уходит).

- Так вот кто, оказывается, герой. Её муж. Уехал из Москвы в тайгу. Ловко. Там выписался, тут прописался, квартиру не забыл забронировать. В газете о нём писали. Я согласен, пусть он герой. А о нас, безымянных героях кто напишет? В тайгу-то легче попасть, чем в столицу. Сколько нас в Москву рвалось не прорвалось. И сколько рвётся не прорвётся. О нас надо писать, об истинных героях. Об отчаянных и смелых, безумных и храбрых, о тех, кто рвётся в Москву.

ТЫ НЕ ЛАСКОВ СО МНОЙ

— Здравствуй, жена. Меня теряли?

— Не очень.

— А ты меня ожидала?

— Не очень.

— Всё-таки хорошо дома, но непонятно. Непонятно, над чем работать, с чем бороться.

— Тебе бы только с чем-то бороться. Превращаешь семью в производственное подразделение.

— Катя, не ругайся. Я — с собрания. Нам там всё объяснили.

— Я не ругаюсь. Это сосед поёт.

— Пусть поёт. Сейчас не это главное. Главное, поднять семейную дисциплину. Не должна она отставать от производственной. Кстати, ты моё возвращение домой отметила?

— Где?

— В книге приходов-уходов из дома — домой.

— Нет ещё.

— Обязательно отметь. Кстати, ты сама во сколько пришла?

— В шесть.

— А отметила в книге?

— Отметила.

— Дай проверю. Почему ты поставила в семь?

— Ну какая разница?

Катя, ты недопонимаешь. Это очень важно. Как же иначе я буду тебя контролировать? Как мы будем улучшать семейные отношения? Значит, ставим — в шесть. А сейчас восемь. Какую работу ты провела за 2 часа?

— Приготовила ужин.

— Катя, ты молодец. Дай чистую бумагу и карандаш, я выпишу тебе благодарность. Кстати, где твоя вчерашняя благодарность?

— Я её потеряла.

— Это нехорошо... Ну, ладно, выпишу тебе дубликат. Вот тебе благодарность, и получи поощрение в виде поцелуя. Дай чмокну. Это первый поцелуй, запланированный на вечер.

— Пантелей, ты не ласков со мной.

— Ты обижаешь меня, Катя. Вчера я израсходовал на тебя четыре ласки. У меня вот тут зафиксировано. Вот тут, в папке. Видишь? Четыре ласки. Это на две ласки больше, чем за тот же период прошлого года.

— Я не хочу запланированные ласки. Я хочу порывы.

— Ты что, Катя?! Какие порывы? Из-за этих порывов гибнут целые семьи. Где у нас план работы на сегодняшний вечер?.. Который мы

вчера утвердили. Так, вот он. Пункт первый: приход с работы — есть, поцелуй — есть. Да, я должен объявить тебе выговор.

— За что?

— Анонимка на тебя получена. Мной.

— А что в анонимке?

— Могу зачитать. Сейчас, из папки достану... Слушай. «На протяжении трёх лет я имею честь работать с вашей женой в одном учреждении. Всё это время я наблюдаю за её поведением и замечая в нём отрицательные моменты. Мной отмечены факты злоупотребления вашей женой своей фигурой, лицом, голосом и, что самое опасное — своими ножками. Она ходит, улыбается, говорит, и это беспокоит и тревожит мужскую половину. Примите меры. Старший доброжелатель управления».

— Значит, будет скандал?

— Или два, но завтра.

— Из-за того, что у меня есть лицо, руки, ноги?

— Нет, это мелочи, хотя действительно, они у тебя есть. Просто завтра у нас запланирован скандал. Рядовой, текущий скандал без рукоприкладства. Мы не будем ругаться из-за мелочей, а поскандалим о чём-нибудь большим и хорошим.

— Например, о том, что ты не помогаешь мне физически.

— Давай, внесём в план, буду помогать.

— Иди постирай.

— Это умственно. Физически — наколоть дров, принести воды.

— У нас квартира со всеми удобствами.

— Значит, физически тебе помогает государство.

— Нет, мама была права. Она говорила, что заводить и держать мужа — это не каждой по силам.

— А как же? Даже корове и то надо настроение создать, чтобы она молока больше давала.

— А от тебя какое молоко? Для чего я тебя держу?

— Бескорыстно, да?

— Безвозмездно, да! Даже если тебя сдать, за тебя талон на книгу не дадут.

— Катя, мне плохо. Назревает незапланированный скандал.

Срывается завтрашнее мероприятие. Дай мне воды из-под крана.

— А из-под чайника не хочешь?

— Давай из-под чайника.

— Сам сходи на кухню.

— Катя, я схожу, но ты нарушаешь дисциплину. Ты хотела затеять сегодня завтрашний скандал... А сегодня? Ты же не выполнила важное мероприятие, не провела беседу с котом Васькой на воспитательную тему. Где он? Он опять ушёл на двор и шляется по подъездам. Его воспитывает улица. Что из него будет? Ведь ему ещё нет двух лет, а он

уже не ночует дома. Ты думала об этом? Вот чем чревато невыполнение намеченного плана.

— Мне надоела такая семейная жизнь. Планируй на работе, а дома — не смей. Я уйду от тебя.

— Нет, Катя, не уходи. Мы больше не будем планировать. Я обещаю тебе. Только как же укреплять семью? Ну, ладно, дай я тебя поцелую. Подожди, галочку поставлю. Так, есть второй поцелуй. Успокойся, Катя, я не буду планировать, мы будем жить хорошо. Сегодня такой чудесный вечер... И впереди у нас ещё целый поцелуй. По плану.

ХОТЬ РАЗОРВИСЬ

Завидую я мужчинам. Ну что ему? Всё просто.

Я с причёской полчаса вожусь у зеркала, а он пыль тряпочкой стёр с лысины и — на работу. Как домой приходит, так кричит с порога:

— Жрать!

Я говорю:

— А интеллигентней нельзя?

Он говорит:

— Можно. Дорогая, во мне каждая клеточка поёт — жра-а-ть!

После еды говорит:

— Дай мне пепельницу.

А в это время дочь кричит — где сапог, а сын — где валенок. Хоть разорвись. И вот несу я им: в одной руке сапог, в другой — валенок, а на голове — пепельница.

Он говорит:

— Плохо, что ты раздвоиться не умеешь. Так неудобно — ждать приходится.

И вот однажды утром чувствую я: что-то со мной не то. С одной стороны вроде бы я ещё лежу, досыпаю, а с другой — вроде бы уже пошла на кухню. На следующий день те же ощущения: первая Я делаю уборку в квартире, а вторая Я лежу читаю журнал.

Приходит муж с работы, с запашком, не без этого, а мы обе ему открываем. Он смотрит на нас и говорит:

— Маша, тебя — двое.

Головой помотал, рукой помахал у глаз и сказал:

— А ну вас.

И — на диван.

Ну а я себе другой отдельную комнату выделила. В самом деле, не выбрасывать же себя на улицу. Постелила себе там на диване, читаю, музыку слушаю. А Я первая на своё место легла. И заснула, как убитая.

Утром он проснулся и осторожно так спрашивает:

— А где ты другая?

Я отвечаю ему:

— Она в парикмахерскую пошла.

Он вскочил, умылся, оделся, позавтракал, и тут приходит Я другая. С причёской, всё, как положено. Проходит на кухню и начинает, не спеша, пить кофе и газету читать. А Я первая — на работу.

Вечером он приходит, как стёклышко, и спрашивает настороженно:

— А где ты другая?

Я в халате на кухне управляюсь и отвечаю:

— Она в ванной моется и маску на лицо накладывает.

Он притих со мной на кухне. А Я другая привела себя в порядок и ушла из дома.

Он меня спрашивает:

— Маша, а куда это ты пошла?

Я говорю:

— Сейчас в ванную пойду, стирать.

— Нет, не ты, а ты другая.

— А другая Я пошла в театр.

Вечером он опять интересуется:

— Маша, а вот ты за себя другую что-нибудь чувствуешь?

- Конечно, чувствую. Это же я, только другая.

— Как — чувствуешь?! И чего ты там сейчас делаешь?

— Стою в курительной комнате и обсуждаю первое действие.

— Но ты же не куришь!

— Я не курю, а Я другая — курит.

— И с кем вы там обсуждаете?

— А с каким-то брюнетом. Мы ещё не познакомились.

— Маша, только ты не делай глупости.

— Ну, какие глупости, я же с тобой рядом, вот она.

Он дождался, когда Я другая пришла из театра и уснул.

Утром вскакивает и опять спрашивает:

— Маша, а где ты другая?

Я говорю:

— Она к массажисту пошла.

— Зачем?

— На массаж.

— И что он тебе массирует?

— Мышцы. Чтоб моложе выглядеть. На ощупь.

Он помолчал и говорит:

— Маша, но ведь ты же там, наверное, совершенно раздетая.

— Конечно, а как же.

Он засуетился:

— Как же ты посмела перед посторонним мужчиной...

Я говорю:

— Успокойся, массажист — женщина.

Вот так пару дней он жил в жуткой тревоге. А я — наоборот.

Совмещаю приятное с полезным. Я лежу, и Я стираю. И что характерно — по хозяйству шурую так здорово, ну всё успеваю.

И вот сегодня вечером тот брюнет из театра пригласил меня в ресторан. Я первая — на кухню, а Я другая — в ресторан с брюнетом.

Муж приходит и опять:

— А где ты другая?

Я отвечаю:

— Сегодня она пошла в ресторан.

— Но ты же не пьёшь, Маша!

— Я не пью. А Я другая — пьёт. И вообще.

— Что — вообще? Неужели она ещё и... танцует?

— Да, весь вечер танцует. А сейчас они к нему домой собираются.

— Маша! Не делай этого. Не надо к нему. — Тут он побледнел и закричал:

— Всё! Всё! Собирайся, едем к нему вместе.

Приехали мы к этому brunetu, на квартиру. Муж схватил меня первую и меня другую за руки, встал на колени и сказал:

— Маши! Я люблю тебя обеих! Хозяйство — пополам.

И Я другая исчезла.

Потом тот brunet звонил несколько раз, но я отвечала ему:

— Меня нет дома.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Рассказ ребёнка

У кого день рождения, тот и главный. Я вчера самый главный был. Главнее папы. И даже главнее мамы.

Я, когда проснулся, мама уже напекла пирогов и тортов. Папа у меня спросил:

— Ну, кого будем приглашать на твой день рождения?

Я ему сразу сказал, никого. Папа удивился:

— Что, и Сашу не будем?

— Сашу не будем. Он ест быстрее меня.

— А Гришу?

— А Гриша сильнее меня. Он будет играть моими игрушками. А я буду расстраиваться.

Папа посмотрел на меня и ушёл на кухню к маме. Мама вышла и сказала:

— Ну, тогда давай пригласим Даню.

Это подружка моей сестры. Я сказал:

— Не надо Даню. Она подружка Олеси, и они будут играть друг с другом, а со мной не будут.

Тут в дверь позвонили, и я побежал открывать. А пока открывал, так и знал, что опять не повезёт. Пришла Даня. Я её выталкивал, выталкивал с дня рождения, но не мог вытолкнуть, поэтому она прорвалась на мой день рождения. Тут папа сказал:

— Как тебе не стыдно. Даня к нам в гости пришла, а ты её не пускаешь.

А я ответил:

— А чего я её буду пускать, если она без подарка пришла?

Даня сбегала домой и принесла подарок — книгу. Пришлось её пустить.

Даня с Олесей стали читать эту книгу вслух, по очереди. Такая смешная книга, я так смеялся, что даже подумал, хорошо, что Даня пришла. А потом папа подарил мне машинку на батарейках и велосипедик, а мама — ботиночки и мячик. Я сначала машинкой играл. Только через пять минут батарейки кончились. Папа сказал, сели. А в магазинах их нет. Тогда я сел на велосипедик и проехал круг по комнате. Но у велосипедика руль заклинило. Папа сказал, купили не велосипедик, а гарантию к нему. Тогда я надел новые ботиночки и пнул по мячику. Ботиночки сразу треснули, а мячик лопнул. Мне стало обидно и я заревел. Так сильно, что Олеся с Даней ушли на улицу. Но тут вбежала мама и сказала, давайте кушать торт. А я сказал, не буду кушать торт, потому что он сейчас взорвётся. Но мама сказала, что торт не покупной, а она сама его сделала. Тогда я попробовал. Такой

вкусный торт, что хотелось быстрее под одеяло и съесть. Но под одеяло не надо было, ведь никого не было. Я так объелся тортом, что сразу стало скучно. Тогда я сбегал и пригласил Гришу с Сашей, они в нашем подъезде живут. И когда они ели торт, я так радовался, так радовался, что даже смеялся.

А когда и они объелись тортом, мы втроём начали беситься. А папа с мамой нас даже не останавливали. Потому что - у кого день рождения, тот и главный. Мы так набесились, что чуть не уснули на полу в моей комнате. Но уснуть не успели, потому что Гришу и Сашу забрали их мамы.

Когда я засыпал, а мама рассказывала мне сказку, я подумал, оказывается, когда есть друзья, тогда и без игрушек может быть весело.

НАЧИНАЮЩИЙ САТИРИК

Мы ехали с Толиком на поезде к бабушке. Толик сидел на моих коленях и внимательно осматривал попутчиков. На противоположном сиденье плотно друг к другу уместились четыре пассажира. Толик долго смотрел на пожилую даму с максимальным слоем косметики на лице и вдруг громко спросил:

— Почему тётенька такая старенькая?

Женщина от неожиданности подпрыгнула и вскрикнула.

Мне пришлось извиниться перед ней, а Толику я сказал:

— Ты лучше в окно смотри, там очень интересно.

Толик даже не взглянул в окно, а перевёл взгляд на пожилого военного, оглядел его с ног до головы и спросил:

— Папа, это солдат?

— Офицер, — ответил я.

Толик уточнил:

— А это наш солдат, не вражеский?

— Наш, — ответил я.

— Почему у него звёздочка на погоне такая маленькая?

Все посмотрели на одинокую звёздочку на погоне немолодого военного, и он неестественно улыбнулся.

Я сказал Толику:

— Посмотри в окно, там лошадка пасётся.

Толик взглянул и сразу обнаружил в ней изъян:

— Это плохая лошадка. Она тощая, и ножки у неё связаны.

И он вновь стал внимательно рассматривать пассажиров, вернее, пассажирку — крупную женщину атлетического телосложения. Она попыталась по-свойски улыбнуться Толику, но улыбку, как ветер, сдул очередной вопрос:

— Почему тётя такая здоровенная?

Все посмотрели на тётю, и она покраснела и съёжилась так, что даже уменьшилась в размерах.

Я опять постарался отвлечь Толика:

— Посмотри, вон коровка пасётся. Видишь, бабушка её пасёт.

Толик посмотрел и сразу зафиксировал недостатки:

— Коровка почему-то без рогов, а бабушка хромает.

Он вернулся к изучению большой тётки и сказал:

— А я знаю, почему тётя такая здоровенная. Она кашу ела и переела.

На эти слова хихикнул сосед большой тётки — маленький дядя с портфелем. Этим он привлёк внимание Толика, который вонзил в него немигающий взгляд. Дядя поёрзал под взглядом, расправил плечи и вытянул шею. Но всё равно он оставался на полголовы ниже своей крупной соседки. Тогда дядя незаметно переложил портфель с коленей под себя, чтобы показаться выше.

Толик спросил:

— А почему дядя сумку под попку подложил?

Все посмотрели на дядю, и тот быстро переложил портфель обратно на колени.

Я делал отчаянные попытки отвлечь Толика:

— Смотри, смотри, вон машинка едет.

Толик посмотрел и сказал:

— Это плохая машинка, у неё фара разбита.

Он снова сосредоточился на дяде с портфелем и, наконец, спросил:

— А почему дядя такой маленький?

И тут же сам ответил:

— Я знаю, почему. Он в садике кашу не кушал, а складывал в кармашки.

Тут громко захохотал мой сосед с неестественно красным носом.

Толик моментально развернулся и принялся изучать его физиономию. Сосед сделал глупое лицо и панибратски показал Толику козу. Видя, что эта уловка не помогла, и Толик продолжает внимательно изучать его нос, сосед оттопырил уши и хрюкнул. У Толика на лице не дрогнул ни один мускул. Тогда дядя как можно дружелюбнее сказал, заигрывая пальчиком:

— У-тю-тю-тю, какой хороший мальчик! Как тебя зовут?

Толик ответил очень серьезно:

— Дядя, почему у тебя нос такой красный?

На этот раз засмеялся сосед красноносого дяди — пассажир с обаятельной лысиной во всю голову. Толик быстро соскочил с моих колен и подошёл к нему вплотную, лицом к лицу. Он прищурился и начал осматривать голову пассажира со всех сторон. Лысый сосед посерьёзnel и сказал, заикаясь:

— Мальчик, мальчик, ты чего? Беги, гуляй.

Он суетливо нашарил на сиденье шляпу, натянул на голову и затих под немигающим взглядом Толика.

Все остальные замерли в предвкушении очередного вопроса Толика.

Но человек в шляпе, пытаясь уйти от вопроса, сказал:

— Пожалуй, пойду в коридор, проветрюсь.

Большая тётя остановила его решительным жестом:

— Не стоит. Лучше мы здесь окно откроем.

И она открыла окно.

Толик стоял и смотрел в упор на человека в шляпе. Тот не выдержал взгляда и опять сказал:

— Всё-таки я пойду выйду.

На это большая тётя категорически возразила:

— Нет уж. Посидите, пожалуйста. Вы тут один неопрошенным остались. Пусть мальчик узнает, почему, например, вы надели шляпу.

— А я знаю! — весело крикнул Толик. — Дядя надел шляпу, чтобы у него вторая попка не замёрзла!

Я поднялся и сказал:

— Хватит, Толик, пошли в коридор.

Через пять минут из купе выглянула большая тётя и сказала:

— Мы тут посоветались и решили пригласить вас обратно. Нам уже терять нечего.

Мы вернулись в купе. Как только Толик устроился у меня на коленях, он громко объявил:

— А вчера наша мама нашла в холодильнике деньги. Их папа туда спрятал.

Я понял, что вся наша личная жизнь сейчас выплывет наружу, поэтому дёрнулся к выходу.

Но меня не пустили.

Б О С И К О М

И чего они у меня спрашивают все? Пристают, почему это я босиком по улице иду? А может, я на работу иду? Да. Я ведь и иду на работу. На обувную фабрику. У нас многие на работу так идут. Зато с работы – по-другому, в обуви. А разве где-то не так? Зачем, например, официанту брать на работу шашлык? Или врачу – таблетки? Или таксисту – полтинник на обед? Так и я, не беру с собой обувь. Это же естественно.

Кто в столовой работает – голодный на работу идёт. Кто на табачной фабрике – без единой сигареты в кармане идёт. Кто на ликёрово-водочном – на работу идёт трезвый. И не надо спрашивать.

Я никогда не спрашиваю продавца из овощного: "Почему вы без помидор на работу идёте?" А меня спрашивают. Утром – почему босиком? Вечером – почему в женских сапогах? Такое внимание к рядовому работнику.

А у нас на обувной просто гении есть. Вот дед Герасим мусор на лошади вывозит. У него лошадь, как и я, на работу тоже босиком идёт. Зато с фабрики везёт мусор в туфельках. Две пары ног – две пары туфелек. За один рейс. Правда, с лошадыю тоже не просто. Бывает, противится лошадь, не хочет потом туфли снимать. Кусается. Герасим раз силой с неё снимал, так она лягнулась. Ну, туфельки погибли, а Герасим – ничего. Только туловище слегка погнул.

Дед Герасим в юности на мясокомбинате работал. У него вообще страсть к животным. Там он через проходную корову проводил. Сначала он её дрессировал, чтобы она на задних лапах ходила и непринуждённо держалась в обществе. А потом надевал на неё ватные штаны, фуфайку и оренбургский пуховый платок. И выходили они с мясокомбината с коровой под ручку. Под видом парочки.

Правда, на одной корове он пострадал. Выдрессировал он её, принарядил, она его – под ручку, и идут через проходную. А навстречу – жена. Жена как увидела Герасима с другой женщиной, так на корову и бросилась. А корова – му-му, му-му, ничего понять не может. Держится непринуждённо.

В общем, жена корову завалила, вцепилась в коровину одежду и держит. И всё это на глазах у охранника. Охранник ничего понять не может. Думает, у него в глазах двоится. А жена-то у Герасима – одна, попробуй, разберись, которая. А с другой стороны, разнимать надо женщин, а то плохо кончат. И охранник решил, которая, значит, сильнее и сверху – ту и оттягивать начал. А Герасим охранника начал оттягивать, чтобы, не дай бог, одежда с коровы не слетела. Но в такой суматохе разве одежда удержится? Сначала ватные штаны с коровы слетели, потом фуфайка, потом – оренбургский пуховый платок. Когда охранник увидел голую корову, то стал подозревать, что это не жена

Герасима. А жена Герасима сразу поняла, что это корова. И поняла, что корова трофейная. Теперь охранник стал корову обратно на мясокомбинат загонять, а жена Герасима не хочет отдавать корову. Мясо же... и шкура... Считай, уже почти свои были. Раз за пределами проходной. И опять суматоха началась. Но тут вмешалась милиция. Потом Герасима перевели от коров, значит, к нам на обувную. К лошади приставили.

Сам я тоже иногда неудобства испытываю. Обувь-то разная нужна. Кому – 37-й размер, кому – 49-й. А у меня-то нога – 40-й. Помню, для брата в 51-х сапогах шёл. Длинные, как лыжи. Ну, стою, жду автобуса. Автобус подошёл и мне на носки сапог наступил, наехал. А я и не подозреваю. Хочу в автобус зайти, а не могу. Дёргаюсь. Пассажиры меня с дороги устраниют, а я не устраниюсь. Загородил дверь. Спасибо тому боксёру. Вышиб меня из сапог.

И вот так, идёшь на работу, спрашивают: почему босиком? Идёшь с работы – почему в комнатных тапочках? Я не такой. Никого не спрашиваю. Летом в шубах идут, в меховых шапках – пусть идут. Я не спрашиваю.

Но однажды спросил одного мужчину. Он, как и я, босиком шёл. Но я точно знаю, что на обувной он не работает. Я говорю, вы на работу? Он говорит, да.

- А почему вы босиком? Вы же не на обувной работаете?

- Нет, я в НИИ работаю, инженером.

И дальше пошёл. А я подумал, что это йог. Как ни крути, а от них все беды. Такого пусть к нам на фабрику – он и с работы босиком пойдёт. Его в пример поставят. Вот она, язва-то откуда идёт. Выведем. Не посмотрим, что живучие. Раз йоги – в Индию их! Там все босиком.

ТРАВМА

Тут такой случай произошёл. Приходят ребята из локомотивного депо и говорят: «Переходи к нам. Зачем этот комбинат тебе нужен? А у нас — заработки». Я думаю, ещё раз схожу на комбинат и уволюсь.

Отработал нормально, иду с работы, как обычно, несу с комбината мешок сахара, к чаю. Ну и килограммов восемь дрожжей, к пирогу. В щель забора нормально вылез, метров сто по пустырю прошёл. А потом не повезло — свалился в яму, вывихнул ногу. Лежу, на звёзды любуюсь и думаю: производственная это травма или бытовая? Раз с работы шёл — производственная. С другой стороны, сахар и дрожжи нёс к чаю, могут посчитать за бытовую. А это невыгодно — сидеть по справке. Да и несправедливо! В самом деле, человек отдал все силы на производстве, поэтому не смог дотянуть до дома и травмировался. По правилам техники безопасности надо акт составлять. Но какой акт, на травму или на хищение? Лежу, думаю. И тут вижу, по пустырю наш инженер по технике безопасности идёт. Тоже с мешком! Такое везение! Только я хотел из траншеи у него проконсультироваться, он — хрясть ногой в яму и лёг рядом, контуженный. Мешком сахара ему голову придавило, лежит, не шевелится. Мне пришлось по правилам техники безопасности вдуть жизнь в инженера по технике безопасности. Иначе, кто же мне акт оформит на травму? Я сделал всё так, как он сам нас учил. Голову ему запрокинул, освободил рот от посторонних предметов: сахара, дрожжей. И вдул в него жизнь, как положено — по системе «рот в рот». Очнулся он и говорит: «Это не пустырь, а какое-то минное поле. Сколько здесь наших полегло!»

Я его спрашиваю:

— Ты идти можешь?

— Идти могу, соображать не могу, с головой что-то.

Я говорю:

— А я соображать могу, идти не могу, с ногой что-то.

Получалось, в сумме мы с ним за одного нормального сойдём.

Который ходить и соображать может одновременно. Начали мы с ним ходить-соображать, как дальше быть. Вернее, я лежу соображаю, а он вокруг меня ходит. Я вслух соображаю. Вот хорошо, говорю, начальству нашему. Им не надо по пустырям с мешками горбатиться. Захотел сахара к чаю — дал команду шофёру, и тот вывез пару мешков дрожжей.

Потом говорю: а что мы думаем? Оформляй два акта, что у нас с тобой обе травмы производственные.

Он отвечает:

— Здесь комиссия нужна. А в комиссии — представитель профкома.

Так сказали громко засмеялся. Я думаю, всё, свихнулся, прощай, больничный. Но оказалось, он по делу смеялся. По пустырю представитель профкома шёл, с мешком.

Мы залегли, ждём. Инженер по ТБ мне шепчет:

— А вдруг он пройдёт, не запнётся?

Представитель профкома поравнялся с нами, мы ему свистнули, он от дороги отвлёкся и — есть! — член комиссии в яме. Мы его откачали, от сахара отряхнули, спрашиваем, ну как? Он отвечает, плохо, с руками что-то. Инженер по ТБ говорит: ну и хорошо, что плохо. Надо акт на групповую производственную травму оформлять.

Профкомовец говорит:

— Да, хорошо, что члены комиссии у нас все в яме. Но два свидетеля нужны.

Тут мы все трое захохотали. По пустырю два свидетеля с мешками двигались. Мы залегли в траншее и ждём. Подпускаем их ближе, ближе, ещё ближе. И тут профкомовец скомандовал:

— Огонь!

Свидетели тоже залегли, мешки бросили и — ползком отступать начали. Но мы из траншеи успели объяснить, что мы свои, что раненые у нас есть, что помощь требуется. Большое дело — взаимовыручка! Они в акте сразу расписались. Подтвердили, что все мы на трамвайной остановке травмировались. Причём, с работы шли порожняком.

Две недели я на больничном сидел, чай с сахаром пил, размышлял. Ну, мешок на голову — ладно, пережить можно. А если я в локомотивное депо перейду? Вот так понесёшь заднюю часть локомотива — да в яму! Тут травмой не отделаешься. И не нести нельзя. Надо жить, чтобы нести. И нести, чтобы жить.

Не-е-ет! Остаюсь на комбинате. Жить хочется!

ТЕАТР

Предположим, ты захотел познакомиться с девушкой. С какой — пока неизвестно. Известно одно — с какой-то девушкой. Где с ней знакомиться? Лучше всего в театре. Если не познакомишься, посмотришь спектакль. Какой спектакль, пока неизвестно. Известно одно — какой-то спектакль.

Вот приходишь ты в театр и хочешь узнать, кто играет. Спрашиваешь у буфетчицы:

— Шампанское сегодня играет?

Если да, то спектакль может быть хорошим. И девушка тоже.

Теперь так. Ты уже сидишь на последнем ряду за колонной, а героиня на сцене плачет, убивается, у неё горе. Но ты об этом ничего не знаешь. Перед тобой — колонна. А по всем признакам героиня плачет, убивается, у неё горе. Как узнать, что творится на сцене? Посмотри на соседку справа. Возможно, это та девушка, с которой ты хочешь познакомиться. У неё бинокль — ей всё видно, слуховой аппарат — ей всё слышно. И ещё у неё лицо — по нему определяется, что творится на сцене. Вот соседка плачет, убивается. Значит, на сцене у героини что? Горе.

Теперь так. Ты сидишь там же, за колонной, а на сцене героиня смеётся, танцует, целуется. А потом к ней приходит мужчина. Ты об этом ничего не знаешь, но догадываешься. По внешним признакам. Как узнать, что творится на сцене? Опять смотришь на соседку, у неё — лицо. Оно плачет, убивается. Значит, на сцене у героини что? Счастье. Соседка тоже так бы хотела.

Теперь так. На сцене героиня не плачет и не целуется. У неё — мужчина. А у тебя — колонна. Как узнать, что творится на сцене? Смотришь опять на соседку. Она убрала бинокль, отключила слуховой аппарат и удивлённо смотрит на тебя. Как узнать, что творится с соседкой?

Теперь так. На сцену выходит юный влюблённый, типа Ромео. Вокруг головы у него кудри, а на макушке — пусто. В партере тихо. Снизу не видно макушки. А весь балкон смеётся-заливается — сверху видно, что блестит. Соседка смотрит на тебя, а у тебя перед тобой твоя колонна. Как узнать, что творится с Ромео?

Теперь так. Все плачут-убиваются, и только в боковых ложах смеются-заливаются. Из боковых видно, что творится за кулисами. Соседка смотрит на тебя, тихо берёт тебя за руку, ты смотришь на колонну, а на сцене идёт какой-то спектакль. Как узнать, что творится за кулисами?

Теперь так. Все встали и пошли в буфет. Ты угощаешь соседку шампанским, пересчитываешь сдачу и недосчитываешься. Как узнать, что творится с буфетчицей?

Теперь так. Внутри играет шампанское, снаружи — артисты, буфетчица подсчитывает прибыль, соседка строит планы на будущее, а ты смотришь в соседкин бинокль на свою колонну. И скучаешь. Как узнать, что творится в кармане?

Теперь так. Спектакль ты посмотрел, но больше запомнил колонну. С девушкой ты познакомился, но забыл, как её зовут. Как узнать, что творится на сцене, а что в действительности.

ЭСТАФЕТА ДЛЯ БУКЕТА

Вот так посмотришь по сторонам и видишь — на чём только люди не экономят! Одни — на еде, другие — на одежде, третьи — на обуви. Взгляните по сторонам, и сразу увидите, кто на чём экономит. Вот и жена с тещей сагитировали меня на чём-нибудь сэкономить. Я попробовал. На еде, на одежде и на обуви не получилось. Тогда решил экономить на подарках к 8-му Марта. Тем более, что я не первый, многие уже экономят. Я начал со строгого отбора кандидатурш на цветы к 8-му Марта. У меня получилось четыре женщины, которым не подарить цветы к празднику просто невозможно. Во-первых, воспитательница детского сада, в который ходит мой сын. Во-вторых, классная руководительница в английской школе, в которую ходит моя дочь. В-третьих, моя жена, с которой я живу. В-четвёртых, моя тёща, которая живёт с нами.

Я долго думал, сколько надо покупать букетов, чтобы у всех четверых праздник запал в душу на всю жизнь. Я изучал, наблюдал, взвешивал, следил и пришёл к выводу, что надо покупать один букет на всех. Накануне праздника я покупаю букет и несу его воспитательнице сына в детский сад. Я дарю ей цветы от чистого сердца, чтобы она воспитывала сына ещё лучше. Воспитательница в целях экономии тут же пускает цветы в свой подарочный оборот. То есть, несёт мой букет в поликлинику к знакомой женщине-врачу и дарит его от чистого сердца, чтобы женщина-врач лечила её ещё лучше. Для тех, кто не знал, но забыл, напоминаю, что само лечение бесплатное, но хочется и вылечиться. Женщина-врач берёт цветы и также в целях экономии спешит с этим букетом в музыкальную школу, где учится её сын. Она дарит цветы педагогу сына от чистого сердца, чтобы педагог учила сына ещё лучше. Педагог приносит цветы домой и просит меня поставить цветы в вазу. Педагог приходится мне женой. Педагог-жена снова уходит на работу по расписанию, а я вынимаю букет из вазы и бегу с ним в английскую школу к классной руководительнице дочери. Для тех, кто не знал, но забыл, напоминаю, что само образование бесплатное, но хочется, чтобы ребёнок чему-то и научился. Классная принимает букет от меня на ходу и исчезает с ним в облачке снежной пыли в направлении билетных касс. Там она передаёт букет, как эстафету, уже бегущей кассирше, получая от неё билет на поезд и уезжает к своему мужу в другой город. Для тех, кто не знает или забыл, напоминаю, что поезд перед праздником увозит много пассажиров, но хочется уехать и самому. Бегущая кассирша продолжает бежать уже с букетом к магазину «Фрукты» за апельсинами. Кто не знает или забыл, что такое апельсины, напоминаю, что это такие оранжевые шары, похожие по виду на хоккейные мячи, но вкуснее. Бегущую кассиршу на крыльце магазина поджидает продавщица с авоськой апельсинов.

Завидя кассиршу, она начинает семенить на месте, набирает скорость по прямой и принимает эстафетный букет на максимальной скорости. Одновременно кассирша забирает авоську себе и убегает с ней в обратном направлении. А продавщица мчится за угол дома и буквально ныряет в подвал к сантехнику Евдокимову. Она забрасывает его цветами, чтобы он не отключил отопление в магазине. Для тех, кто не знает, напоминая, что у Евдокимова в период с 1-го по 8-е марта — день рождения. В этот период он берёт только цветами. Евдокимов выскакивает из подвала и мчится во Дворец спорта к тренеру по фигурному катанию своей дочери. Тренер приносит эти цветы домой и просит меня поставить их в вазу. Тренер — моя тёща. Тренер-тёща снова уходит на работу по графику, а с работы по расписанию возвращается педагог-жена. Я незаметно достаю цветы из вазы и дарю ей от себя лично. Она ставит их в вазу и спрашивает:

— Где тот букет, который я принесла из школы?

Я объясняю ей, что в целях экономии отнёс его воспитательнице в детский сад. Она хвалит меня за экономию, благодарит за подарок и снова уходит на работу по расписанию. Когда с работы по графику приходит тёща, я достаю незаметно цветы из вазы и дарю ей от себя лично.

Она ставит цветы в вазу и спрашивает:

— Где тот букет, который я принесла с секции по фигурному катанию?

Я объясняю ей, что в целях экономии подарил его классной руководительнице в английскую школу. Она хвалит меня за экономию, благодарит за подарок и уходит в другую комнату смахнуть слезу умиления, возникшую в результате моей внимательности к ней.

Когда с работы по расписанию приходит моя жена, я незаметно достаю букет из вазы и дарю ей от себя лично. Жена ставит букет в вазу и говорит:

— Но ты уже дарил мне эти цветы.

— Ах, извини, я так закрутился, что даже забыл. Но лучше подарить один букет дважды, чем два букета ни разу.

Она соглашается, и мы втроём садимся за стол. Тёща думает, глядя на букет: «Внимательный у меня зять. Пожалуйста — подарил мне цветы. А то, что он только мне подарил, так это в целях экономии».

И жена, глядя на букет, думает то же самое.

Поэтому и праздник проходит весело, непринуждённо, а главное - дёшево.

ПАПАША ПАША

Они мне утверждают: не надо кривиться, если рожа крива. Да как же она будет пряма, если уже обижают. Я же красавцем был до перестройки. Софи Лорен за автографом в очереди стояла. А теперь, конечно, лицо скривилось. И зафиксировалось.

А ведь какое лицо раньше было, красивое. А главное — ответственное. Кланом я в нашем городе руководил. Кланом Собакиных.

Да когда я звонил в гастроном и говорил, что это я, папаша Паша Собакин, у меня только спрашивали: когда и сколько? Потому что куда и что именно — знали!

А началось как-то всё неожиданно. Звоню я в прокуратуру и сажу Сорокина на пять лет. Мешал он нам. И тут вдруг его выпускают через четыре. Дня. Чувствую, чья-то рука мешает в городе руководить. Тогда я выпустил на волю Червякова. Чтобы он, значит, по этой руке чикнул. Но его тут же схватили и посадили обратно. Я думаю, во жизнь пошла! Никого не посади, никого не выпусти. Ну, беззаконие жуткое!

Я говорю, в чём дело? А мне говорят, что клан Кошкиных в силу входит. Ну, кто раньше этих Кошкиных в расчёт мог взять? Так себе кланчик, средний. Руки нам лизали, в глаза заглядывали. Ну, были у них в городе кое-какие должностишки, кое-что контролировали. Но чтобы против нас, Собакиных — упаси бог! Такого не было.

Дальше — больше. Эти Кошкины начали хитростью брать. Подослали своих мордобойцев и побили одного нашего товарища. Сильно. Ему на коллегии выступать, а он всё путает. Понос с аппендицитом путает. Кофе — с коньяком. Да ещё синяк под глазом. Загримировал я ему лицо. Под синяк. Синяк больше лица был. Загримировал. Лицо ещё красившее стало. И пошёл он выступать. Выпросил даже не две медали, а два ордена! Но для Кошкиных! Перепутал, собакин сын! Вот как побили.

Но тут Кошкины осмелели и вообще впереди лозунгов побежали. И в городе посты под шумок перестройки заняли. И посыпались мы, Собакины, кто куда.

Теперь больничный по уходу за собой не возмёшь. Сейчас Кошкины за собой ухаживают. В нашей финской бане не помоешься. Сейчас там Кошкины грехи смывают. А если я хочу бутерброд, например, с чем-нибудь, то пожалуйста мне — бутерброд с хлебом. Во как всё обернулось!

До смешного доходит. Клан Кошкиных намариновал на зиму два миллиона рублей. В двухлитровых банках. Это они этого миллионера из Каракалпакии окаракалпачили. А мы, Собакины, рты открыли и завидуем. Скисли. Будто чая хлебнули вместо коньяка.

Я понимаю, сейчас сложный период. Эти Кошкины нас побили нашими же лозунгами. А почему? Да потому, что наш клан всегда шёл навстречу трудящим. Ся. И где-то мы с ними разминулись. Надо срочно найти трудящих. Ся. И снова пойти им навстречу.

Мы всегда заботились об интеллигенции. Но где-то она из-под нашей заботы выскользнула. Надо срочно найти интеллигенцию и снова окружить её. Заботой и вниманием.

И последнее. Да, наш клан Собакиных — дружный клан. Мы всегда были щека к щеке. Но щека к щеке — щеки не увидеть. Вот где-то мы эту щёку и проглядели. Подставили её Кошкиным. Поэтому нам, Собакиным, надо оглядеться и снова — щека к щеке. И смело — против Кошкиных.

Вот такое лично моё коллективное мнение!

ОДНОФАМИЛЬЦЫ

Доложу я вам, дал мне бог фамилию — Рокоссовский. У меня спрашивают:

— Как фамилия?

Я говорю:

— Рокоссовский.

И все присутствующие встают руки вверх. Правда, к маршалу я никакого отношения не имею. Просто мы однофамильцы. Жена мне тоже попала неслабая — Жанна Дарк. В параллельном классе училась. Хорошая девчонка. Чуть что — сразу взглядом лепестки цветов осыпает. Нянечкой в детском саду работает. А я на заводе — слесарем.

И вот на десятый год совместной жизни я подумал: «Имею я право раз в десять лет напоить-накормить жену, чем она сама того захочет? Имею!»

И пошёл по магазинам. Нет, не просто по магазинам — сразу по директорам.

Захожу в первый универсам, прямой наводкой — к директору и говорю:

— Так и так, я — Рокоссовский. А вы кто?

Он объятия раскрыл и мне навстречу бросился.

— А я же, — говорит, — я — Щорс.

Обнялись мы с ним. Я говорю:

— Знакомая фамилия — Щорс. Полководец?

Он говорит:

— Конечно. Мой однофамилец. Ты не стесняйся, Рокоссовский, говори, что надо. Потому что военное братство — оно святое дело.

Я говорю:

— Мне икры, шампанского и кофе растворимого.

А сам думаю, хоть он Щорс, а вряд ли. Не на войне.

Щорс на меня посмотрел, кулаком в воздухе махнул, как саблей, и говорит:

— Ух, молодец! Сразу видно — Рокоссовский. Шампанское я тебе организую, а за икрой пойдёшь во второй универсам, там у нас Ковпак.

И за дверь крикнул:

— Эй, Фрунзе! Ящик шампанского Рокоссовскому!

Заходит Михаил Васильевич Фрунзе, полный тёзка полководца, и ящик шампанского на стол небрежно — ба-бах!

Потом обнялся со мной, руку пожал и спрашивает:

— А ты в каком универсаме, Рокоссовский?

— Я на заводе.

— Ка-ак — на заводе? Ну, ты не крути. Беру — выше. Понимаю, тайна? Беру — выше.

Подмигнул и ушёл. А Щорс позвонил куда-то и сказал мне:

— Давай дуй во второй универсам, Ковпак тебя ждёт.

Прихожу я во второй универсам, там мне такую роскошную встречу устроили. Правда, сначала спросили:

— Рокоссовский? От Щорса?

Я говорю, да.

Повели меня к Ковпаку. Шли долго, по-партизански. Коридорами, дворами, складами, подвалами. И вдруг — рраз! — двери настезь, и Ковпак на меня идёт.

— Рокоссовский, друг!

Я говорю:

— Ковпак, братишка.

Обнялись, он меня сразу в штаб. Сто грамм, бутерброд с икрой. Причём, бутерброд без хлеба. Одна икра, в ложке.

Ковпак говорит:

— Ты извини. У нас с хлебом перебои. Наши не подбросили. На икре пока перебиваемся.

Я говорю, чепуха, понятно, время трудное — и закусил, ложек восемь.

Он усадил меня, спрашивает:

— Ну, как там дела, на большой земле?

Я говорю:

— Во! Наступаем.

Он говорит:

— А мне некогда и выскочить отсюда, со всех сторон наседають, окружають. Но ничего, держимся. Ты хлеба с собой не принёс?

Я говорю:

— Да как-то не подумал.

Он говорит:

— Ты в следующий раз неси. Буханки 3—4. Сложно у нас с продовольствием. Тебе сколько икры?

Я сказал.

Он соединился по рации:

— Котовский! Икру в землянку.

Заходит Котовский. Опять объятия, поцелуи, слёзы. Я тоже прослезился. Кругом свои. И чувствую, что мы этих гадов, которые окружають, всё равно победим. Фиг им, а не икра.

Опять по сто грамм приняли, нарисовали они мне схему на карте, как за кофе пройти незамеченным, как за линию фронта. И пошёл я в третий универсам.

Там меня встретил сам Василий Иванович.

Я говорю:

— Чего-то ты, Василий Иванович, мокрый, вроде, как реку переплывал?

Он говорит:

— Вспотел просто. Отбиваюсь, наседают. Прямо битва идёт. То — дай, другое — дай. Хуже, чем на войне. И все чужие норовят ухватить кусок. Хотя своих всё больше и больше становится. Сейчас многие к нам перебегают. Чувствуют, на чьей стороне правда.

— Василий Иванович, так ты и есть Чапаев?

— Не, я Фурманов. Чапаев у нас в управлении.

— А Махно?

— Махно — в главном управлении, у Колчака.

Я думаю, во как всё перепуталось. И пошёл я одухотворённый.

Продукты они мне все прямо на дом привезли.

Отметили мы с женой десятилетие на славу. Я ей говорю:

— Что, — говорю, — Жанна Дарк, делать-то будем?

Она говорит:

— А что делать? Увольняться будем и к своим пробиваться.

На том и порешили.

АЛИМЕНТЫ ПРИ ЛУНЕ

Эротическая диалогия

Часть I

БОЙКИЕ ДЕВКИ

Ой, девки бойки пошли нынче, ой, бойки. Такие бойкущие девки. Да от неё, от такой-то бойкой, разве убежишь? А когда уже не убежал, оказывается, она ласковая. Ну, о чём тут думать будешь, когда уже чувствуешь, что она такая ласковая? Конечно, не об алиментах. А зря! В любой ситуации надо о них думать, в любой. Надо как-то нам, мужикам, от алиментов предохраняться.

А то что получается? Только ты утром от неё ушёл, а к вечеру тебе уже повестка в суд на алименты. В суде уже она вся в слезах, зарёванная сидит, а на коленях у неё ребёночек соску подёргивает. И она уже говорит:

— Вот, Коленька, знакомься, это наш совместный ребёночек, Вовочка.

Вопрос, как он мог получиться за один день, сразу отпадает. Потому что такая она небойкая сидит, убитая горем и тобой, негодяем, обиженная, что шапка сама с головы снимается и в руки падает.

А по бокам от судьи две народные заседательницы рыдают, разделяют чужое женское горе. И исподлобья на тебя, на подлеца, так и поглядывают. Так смотрят, что Вовочку-соплячка хочется тут же усыновить и под алиментами подписаться. Мол, да, да, да, наши отношения с этой милой женщиной, простите, не знаю, как её зовут, дошли до постельных, и я согласен и жениться, и усыновить, и подписаться.

Зашёл в суд холостым человеком, вышел многодетным. А она из суда вышла — опять бойкой стала. Говорит, ну всё, Коленька, до свидания, дома нас с Вовочкой и с алиментами папка его родной ждёт.

Ой, бойкущи девки. Приезжает к нам инопланетянин. Наша бойкая девка его сразу сцапала, и он от неё понёс. У этих инопланетян, значит, мужики несут, причём, несут очень быстро. Понёс он от неё, понёс и уже на другой день принёс... ребёночка... Так наша бойкая девка тут же на него на алименты подала. Суд, конечно, разобрался в ситуации. Раз мужик — должен платить. И сейчас инопланетянин ребёночка воспитывает. А наша девка от него алименты получает.

Ну чего им таким бойким не жить? Причём, бойкие-то они начинаются с седьмого класса. Ну, одна на геометрии двойку получила и после урока двойню родила.

— Кто отец? — кричит в учительской завуч.

Мамашка-семиклассница ревёт: нет у нас отца, мы с мамой живём.

— Ну, с мальчиком ты дружила?

— Дружила

— С каким? — кричит басом завуч.

— С Петькой из параллельного. Завуч, волнуясь и путаясь, кричит за дверь:

— В учительскую Петьку из перпендикулярного!

Заходит Петька, носом сопит. Завуч спрашивает:

— Ты отец детей, сопляк такой отец детей?

— Я, — сопит Петька. — Но у нас с ней только разик было. Поэтому, одного-то отец — я, а другого — не знаю кто.

Завуч на него пальцем показывает:

— Вы посмотрите на него — отец. Тьфу. Вызовите мне отца этого отца.

Приходит отец отца. По глазам видно, что он уже обременён алиментами. Завуч ему с порога:

— Вы во сколько мест платите алименты?

— В два, — топчется мужичок.

— Будете ещё в одно, но за двоих.

Ой, бойкущие девки, ой, бойкущие.

Нет, про Наташу Ростову надо гораздо раньше изучать. Смещать надо школьную программу в сторону садика. Первый бал Наташи Ростовской. Звон шпор, музыка, сиянье, маменька сзади волнуется, переживает — пригласят - не пригласят.

А наша бойкая девка читает, читает про это и ничего понять не может. У неё первый бал был лет пять назад в подвале пятиэтажки. Там пацаны хомяков разогнали, прорвавшую канализацию заткнули, ящик в центре установили и два часа подряд все курили, курили и нюхали. И потом, кто такой князь Болконский, ну никак нашей девке непонятно. Потому что у неё князь так князь, пацан из соседнего двора Андрюха Конский, недавно освободился. Хороший парнишка. Ему в наследство от бати шесть пачек «Севера» перешло ещё по старым ценам. Ну, бал есть бал, потанцевали немного в подвале. Андрюха Конский такой брэйк двинул — все с него так тащились, так тащились. Ну, бал закончился в районном отделении милиции. В общем, есть что вспомнить. Бал сильно понравился.

Ну, а потом у нашей бойкой девки начались там приёмы, визиты, выезды за город. В общем, светская жизнь, водоворот симпатий. И как итог, на Андрюху Конского подали на алименты сразу трое. Хотя он берёт на себя только двоих. То есть, сейчас парень трудится на заводе. Твёрдо стоит на ногах и ждёт не дожждётся повестки в армию.

Ой, до чего бойкущи девки. Их бы тоже, что ли, в армию приспособливать? Чтобы старшина там с ними занимался боевой подготовкой. А то уж шибко бойкие.

Часть II

РОБКИЕ ПАРНИ

А парни-то какие робкие пошли, ой, какие робкущие парни. Только у них любовь с девкой произошла, а он уже по сторонам с опаской озирается. И переживает, чуть не плачет. Она его успокаивает:

- Ты чего, милый?

Он голову рывком от подушки поднимает и говорит:

— А ты на алименты не подашь?

Она брезгливо на него смотрит и гордо уходит. Есть ещё такие девки. Гордые. Немного, но есть. Я сам одну видел. Издалека.

А перед уходом она говорит:

— Не надо мне от тебя ничего.

И хлопает дверью. Гордо. С этой стороны. Потому что, если с той, то он, этот негодяй, может потом не открыть. А если с этой, то удобней возвращаться. И она возвращается:

— Ладно, не подам. Ведь ты же на мне женишься.

А он — на вдохе:

— Как женюсь?!

— Ах, не женишься?! Тогда я уйду. И не надо мне от тебя ничего.

И снова уходит. Гордо. Есть, есть такие гордые. А этот за ней идёт по следу. Скрывается за мусорными контейнерами и семенит перебежками. И с черешни в бинокль через окно наблюдает сцену свидания своей возлюбленной с её мамашей.

Возлюбленная говорит там в квартире своей мамаше, гордо так:

— Ничего мне от него не надо.

Парень этот черешнями закусывает и гадает на веточке: подадут — не подадут, подадут — не подадут. А мамаша — руки в боки и громким голосом дочь поучает:

— Чего?! Я тебе покажу — не надо. Да я из него все соки высосу. Он у меня голодранцем пойдёт по Демьяна Бедного. Он у меня всю жизнь на алименты работать будет.

А робкий парнишка как только понял, что подадут, с дерева — прыг и побежал. Так побежал, что обнаружили только на Сахалине.

Обнаружили его и спрашивают:

— А что, собственно, вы тут делаете?

— Да я, собственно, ничего не делаю. Работаю бульдозеристом. Вот я, а вот бульдозер.

— А почему вы алименты не шлёте?

— А что, уже пора? И есть кому?

— Да уже давно пора есть кому.

И робкий парнишка тут же клянётся, мол, долг выплачу и дальше платить буду. Регулярно.

Пока исполнительный лист едет поездом на Север, парнишка уже летит самолётом на юг. Решил он из бульдозериста на Севере переквалифицироваться в официанта на юге. Чтоб ему деньги были те же, но алименты меньше.

А бабушка, которая хотела с алиментов бульдозериста разбогатеть, со дня рождения внучки сидит и пишет. Пишет и пишет. И написала всего 536 с половиной жалоб. С половиной — потому что 537-ю она сейчас дописывает. И в каждой она пишет, что поначалу всё шло хорошо, и бульдозериста удалось окрутить. Что, по первоначальным подсчётам, алименты с него должны были идти в размере 250 в месяц, что на прокорм малышки хватало бы. Но на деле оказалось, что вместо 250 с Севера сейчас почему-то пошли 25 с юга. И пишет она, что как назло, внучка растёт в папашу-бульдозериста, то есть такая же крупная и прожорливая. И опять же, как назло, дочка после рождения внучки сказала гордо: «Ничего мне не надо», — и тоже исчезла. И сейчас, мол, я, как бабушка, сижу с внучкой и не получаю алименты, а наоборот, плачу их дочке, потому что она сильно просит и всё из разных мест. И что в таких условиях у меня, как у бабушки, остался всего один шаг до панели. Потому что я читала, что только там люди прилично зарабатывают.

После таких жалоб соответствующие органы бросаются к бывшему бульдозеристу и говорят, как вам не стыдно работать официантом, ведь вы же бульдозерист, в хорошем смысле этого слова.

А он отвечает, почему мне должно быть стыдно, если я — официант и тоже в этом же смысле? Что не противоречит Конституции. И ещё он добавляет, что если вы будете ко мне приставать, то я вообще женюсь на многолетней узбечке и всех усыновлю. И пусть всем будет хуже.

Органы его успокаивают и пишут бабушке, что сейчас всё в порядке, ответчик работает и алименты шлёт. О чём бабушка и сама знает.

А за эти какие-то 15 лет внучка незаметно подрастает, встречается с робким парнем и становится бойкой девкой.

ГЕНЕАЛОГИЯ

Ох, и запутанная жизнь пошла. Вот раньше я всегда думал, что в нашей многонациональной стране живут две национальности: русские и нерусские. Причем, по Сталину-Брежневу выходило, что все должны жить одинаково «Черненко». И так и жили. А тут вдруг выяснилось, что у нас живут ещё, например, армяне и азербайджанцы. Откуда они взялись? И даже латыши и эстонцы. Ёлки-палки. И везде такое началось, что сейчас осталось одно спокойное место — Северный полюс. И то там два белых медведя грызутся. Потому что один вроде бы желтее другого.

И чувствую я, с американцами мы подружимся, а сами внутри передерёмся. Так что американцам дружить будет не с кем.

Очень запутанная жизнь. Я сына перед сном на горшок посадить не могу. Наотрез отказывается. Говорю ему:

— Так ведь обмочишься ночью.

— Ну и что, — говорит, — хоть и обваляюсь! А свобода дороже.

Очень сложная жизнь. Я сам всегда себя русским считал. И по паспорту, и по морде. Но недавно объявился у меня родной брат — грек из Финляндии. По фамилии Кобылец-Оглы. Отыскал он меня где-то на Урале и с порога закричал:

— Коля, я ж твой родной брат Вася, грек из Финляндии.

Я спрашиваю:

— У тебя какая фамилия, Вася?

Он говорит:

— Кобылец-Оглы.

Странное дело — моя фамилия. Но я же чисто русский, а он чистый грек из чисто Финляндии. Я засомневался. А он разворачивает бумагу, и там написано: «Генеалогическое древо рода Кобыльцов-Оглы».

— Вот, — говорит, — смотри, здесь все твои бабки-прабабки и дедки-прадедки.

Я как глянул — у меня лысина поседела. Оказывается, одна прабабка у нас азербайджанка была. У меня кровь сразу закипела, и невольно слова вырвались:

— Умру, но не отдам Карабах этим армянам.

А брат Вася дальше в листочек пальцем тычет. Я смотрю — а там прадед мой армяном числится.

— Ах ты, — говорю, — Карабахх- ты, — говорю, — умру, но заберу Карабах у азербайджанцев.

Но тут прабабка-азербайджанка во мне опять заговорила, и у меня в крови такая война между армянами и азербайджанцами пошла, что я сам себе морду бить начал.

А брат Вася меня разнял, успокоил и говорит:

— Смотри дальше.

Я смотрю. Второй прадед — латыш. И я сразу почувствовал такое недоверие к этим русским. Нашим латышским воздухом дышат, в нашем море купаются. Всё, говорю, отделяемся, хватит, намыкались. Долой рубли! На наши латышские доллары жить будем. Янки, прочь из Вьетнама, свободу рабыне Изауре. А потом думаю, а как же с точки зрения меня, русского? И тут опять такая во мне схватка началась, что я родной зад начал рвать на две равные части.

А брат Вася опять меня разнял и дальше листочек показывает. Я, говорю, брат Вася, не буду я дальше смотреть. Иначе я сейчас сам себя убью, зарежу, повешу, уничтожу и утоплю.

Он говорит, да посмотри! Интересно же свои корни узнать. Я думаю, последний раз взгляну, кто там у нас третий прадед был, и всё. Взглянул и сказал:

— Так це шо ж тепер робыты? И за кого же тепер воюваты?

А брат Вася говорит:

— Но самое интересное — это кем у нас третья прабабка была.

Взгляни.

Я говорю:

— Не буду!

— Да ты взгляни, кем она была?

— Кем? — говорю. — Обезьяной?

— Нет.

— А кем? Негром?

— Да нет, она была русской.

— Русской? Прабабушка моя родная! Одна ты у меня осталась.

Спасибо тебе, моя милая. Вася, выбрось бумажку, не морочь мне голову.

Посадил я Васю за стол и сказал тост:

— Что главное в узбеках? Правильно, помидоры. И вообще витамины. В белорусах — мясо. А в нас русских — идеология. А что, если накормить всю страну мясом и витаминами вместо идеологии? И вообще, сделать жизнь прекрасной и удивительной. Ну, если у всех всего навалом, какая разница, что там в паспорте в графе «национальность»? Хоть олень. Лишь бы человек был хороший. Так давай, Вася, выпьем за то время, когда у нас у всех будет одна национальность — счастливые.

МАСКАРАД В ЛЕСУ

Берегите лес — из него делают бумажные деньги. Встречайте Новый год в лесу возле живой ёлки. Не знаем, как вы, но ёлка останется цела. Мы прониклись призывами и пошли на Новый год в лес. А чтобы было ещё смешнее, надели на себя маскарадные костюмы. Гриша медведем нарядился, а я — крокодилем. И даже хвост у меня был. Жёны наши наряжаться не стали, без грима под лисиц работали.

Выбрали в лесу поляну с ёлкой, костерок развели, сидим на соломе, закусываем. Гриша говорит, извините, я прогуляюсь. Ушёл в чащу. Вдруг слышим оттуда Гришин крик, переходящий в бурный рёв. Я метнулся в чащу, спрашиваю, что произошло? Он отвечает сквозь собственный крик:

— В капкан я попался, в медвежий! Так по щиколотке стукнуло, что подошва у валенка отлетела.

Вынул я Гришу из капкана, привёл к костру, говорю женщинам:

— Вот. Первая жертва браконьера. Шляется по лесу, как медведь-шатун. В капкан попался.

Посидели мы ещё у костра, позакусывали, смотрим, десять минут до Нового года осталось. Включили транзистор на полную мощность, бой курантов слушать. Я думаю, тоже надо в лес отлучиться на минутку, так, воздуху глотнуть. Отошёл к деревцу, только хотел воздуху глотнуть, вдруг по ноге как щёлкнет! И выстрел в мою сторону раздался. Пуля возле уха просвистела. Мелькнула мысль — самострел, совмещённый с капканом. Но ошибся я. Из-за кустов вышли два здоровых браконьера с ружьями наперевес, и один сразу закричал:

— Крокодил! Попался! Отстреляем последнего крокодила в наших лесах, вычеркнем его из Красной книги!

У меня язык одеревенел, не могу объяснить, что я не крокодил, что просто костюм у меня новогодний. А так я — обычный человек, до ветру вышел воздуху глотнуть.

А браконьеры в меня уже целиться начали, начали отстрел крокодила, меня то есть. Отстреляют, думаю, если не убегу. Бросился наутёк. Браконьеры — за мной. Их не двое было, больше. Преследовали меня на трёх снегоходах и трёх вездеходах — с суши и на эскадрилье вертолётов с воздуха.

Я бегу, в меня палят, пули свистят, дым пороховой глаза застилает, пыжи в нос лезут, капкан тоже бежать мешает. Кто-то на хвост мой крокодиловый наступил, оторвали хвост. Думаю, вот это Новый год! Никогда так не встречал. А друзья мои на поляне не слышат ничего, у них под ухом транзистор кричит, куранты бьют.

Браконьеры, когда меня без хвоста увидели, ещё больше разозлились. Вопят:

— Да это не крокодил! Это егерь под крокодила маскируется. Ну, уж егеря-то мы тем более вычеркнем из Красной книги.

И окружать начали. С суши и с воздуха. Я вижу — берлога под сосной. Юркнул я в неё и затих. Посреди берлоги медведь лежит. Спит. Лапу сосёт. На Гришу, друга моего, похож. Гриша в своём костюме медвежьем возле костра сейчас сидит, нежится. Ему хорошо. А может, и его на мушку взяли и гоняют по лесу?

Сижу я в уголке, грущу под храп медведя. Глаза к темноте привыкли, смотрю — в другом углу егерь сидит. Говорит тихонько, здравствуйте, я егерь. Палец к губам подносит, на мишку показывает. Потом наверх показывает. Молчи, мол, охотники там, могут поранить невзначай.

Сидим мы с егерем в берлоге, ждём, когда выстрелы наверху стихнут.

И кого там браконьеры гоняют-отстреливают? Вдруг всё-таки Гришу?

После этой беготни проголодался я сильно. Шепчу егерю:

— Есть хочется!

Он отвечает:

— А ты у медведя лапу пососи. Только аккуратно, чтоб не разбудить косолапого. А то он нам устроит Новый год.

Выстрелы наверху стихли как будто. Вылезли мы из берлоги, я егеря к костру пригласил. Пришли мы к костру — мои сидят, как ни в чём не бывало, веселятся. Ещё смеяться начали, что я без хвоста. Я им рассказал всё. Они говорят:

— А мы думаем, почему куранты так странно бьют, вроде как стреляет кто-то.

Егерь посидел с нами, выпил на посошок, сказал:

— Пора в берлогу. Я медведя того сторожу, иначе браконьеры с него спящего шкуру снимут. Несладко зверю в своей шкуре.

НАЧИНАЮЩИЙ ОХОТНИК

Я купил ружьё. Всё по закону. Отдал за него столько, сколько стоит лось, заплатил взносов, сколько стоит кабан, и пошёл на зайца.

Я ещё из города как следует не вышел, ещё в лес как следует не углубился, а он уже бежит. Заяц. Наглый, как за прилавком, бежит - и в глаза смотрит. Что делать? Начал отстреливаться. Заяц — прыг в сторону и встал на круг. Ну всё, теперь не уйдёт. Теперь — кто кого вымотает. Зайцы в опасности по кругу ходят. Он впереди — по сугробам, я — за ним на лыжах. Первый круг он обозначил километра на три. Остальные четыре круга я гнал его след в след. Смотрю — настигаю. Заяц запыхался, передышки делает. Только стал я его на мушку брать, он, подлец, взял и сошёл с дистанции. И зашёл в крайний домик в пригороде. Я — стучать в ворота. Кричу хозяину, мой заяц у вас убежища просит, выдавайте животного. А хозяин:

— Да это мой. Кролик. Я его выгуливать выпускаю. Вы сегодня третий охотник до моего кролика.

Расстроился я. Что же это, 15 километров я чужого кролика выгуливал? Но ничего. Снова выхожу за городскую околицу и сразу замечаю их. Ох, матёрые. Волки! Трусят по опушке, впереди — самый матёрый. Вожак. Вот зверья развелось... К городу вплотную подходят. Думаю, буду брать матёрого. Шкуру сдам, немного охотничьи доспехи оправдаю. Ну, давайте, давайте. Уже различаю морды. А матёрый — ох и псина! В смысле — волк! Зверюга! Слюна с клыков капает. Они уже совсем близко. И тут я трухнул. Одного завалю, а остальные? Загрызут. Решил переждать в засаде. Пусть мимо проходят. Когда они в двух шагах уже от меня были, матёрый как прыгнет на меня! Я думаю, всё, отстрелялся. А он в усы меня лижет и визжит. Ах, ты! Да это овчарка моя. Жучка. Три дня назад потерялась. Дело-то к весне. Инстинкт. Ах ты собачина! Нашлась! Остальные из стаи стоят, хвостами помахивают. Тоже мне — волки. Один вообще болонка. Шугнул я их, волков бродячих, и пошёл домой. А в душе обида. Неужели без единой дичи домой явлюсь? И тут повезло. Прямо на опушке — стая. Куропаток. Крупные, белые, черти, и тетерев с ними. Токует вокруг них и нет-нет и кукарекает. Тетерева я снял с первого выстрела. А эти куропатки, дуры, пешком по лесу разбежались. Да ещё кудахтали, как последние курицы.

Я добычу — к ремню и — домой.

Тетерева зажарил. Ох, и вкусный, подлец. Куда вкуснее, чем обычный петух, особенно после прогулки. Жена не верила, что это тетерев. Говорит, на базаре петуха купил. И что вообще я в диких животных не разбираюсь, потому что их нет в природе. Почти. Что даже книги про них — редкость. Женщина... Ничего не понимает.

Ведь я, когда возвращался, кабана в лесу видел. Белый-белый, аж синий и хрюкает от голода. Стрелять в него не стал. Говорят, они коварные, броситься могут. Двух рысей ещё видел. Такие небольшие, мяукают. Этим вообще опасно трогать. Они в глаза когтем целят. Ещё каких-то животных видел, даже названий не знаю.

Вон сколько зверья в лесу. И недалеко от города. Обнаглело зверье, прямо в город прёт, не боится. А мы всё — спасать, охранять, исчезают звери. Где ж они исчезают? Наоборот. Появляются! Причём внезапно и перед самым носом.

СПОРТСМЕН В ЗАКОНЕ

Я всегда был за спорт. За большой, когда в «Адидасе» с лампасами, на лыжах. И за массовый, когда босиком и без лыж. Без чешек, без кед, но — массово!

Как раз летом наш физорг вербовать нас начал. На малую, говорит, олимпиаду. Мне, говорит, массовость нужна — сто процентов. Мы, конечно, возражаем, какие к чёрту спортсмены — бухгалтера, учётки. А он угрожает 13-й зарплатой. И вообще, говорит, на этот раз не увильнёте.

Кошкина в теннисисты записал. Кошкин кричит, я не знаю, что в теннисистах делают! Он ему объяснил:

— Научу. Ты, Кошкин, только подачи делать будешь. Шарик подбросишь до потолка, противник голову задерёт вверх, а ты — из кармана второй шарик — чик! И есть очко.

- А на его подачах что делать?

— Это не твоя забота. У нас Кузькин будет под потолком замаскирован. Противник — шарик вверх, Кузькин — шарик в сачок, а противнику сверху — бильярдный.

В общем, натаскал нас физорг теоретически. А в воскресенье мы вышли практически на старты.

Ядро у нас толкал кассир Комарихин. Его в армию за мелкий рост не взяли. Но удивил он нас толчком замечательно. Он вышел и ка-ак толкнул! Ядро — на месте, а он — на 10 метров в кусты. Мы его всей командой из кустов выцарапывали. Толчок засчитали, потому что в правилах не оговорено. Физорг Комарихина зелёной смазал и говорит:

— Да ты природный атлет. Давай заодно и молот метни.

Ну, Комарихин после толчка уже мало что соображал и взялся за молот. А раскрутить не может. А физорг у нас здоровый парень, говорит судьё:

— Я помогу ему раскрутить, а бросать он сам будет.

Физорг взял Комарихина за талию и вместе с молотом раскрутил до невозможности. Кричит Комарихину:

— Отпускай молот!

А Комарихин лямку на руку намотал, а размотать не может. И естественно, Комарихин из рук физорга выскользнул. И полетел с молотом. Упали они с молотом в опилки. В сектор для прыжков в длину. Судьи в секторе удивляются, мол, туч нет, а люди с неба падают. Нет-нет да и капнет. К дождю, что ли?

А Комарихин уже в азарт вошёл, понравилось в лучах славы купаться. Говорит судьям:

— Я не с неба. Я в длину упал прыгать.

Отцепился он от молота — и в разбег. С разбега он решил в длину. Разбежался, прыг! А навстречу ему встречный ветер. Конечно, Комарихина без молота отдуло. И посадило туда, откуда

прыгнул. Повели Комарихина на другую попытку. Он говорит:

— Чтоб меня не сдувало, надо меня утяжелить.

Дали ему мешок с сахаром. Он попробовал на вес и говорит:

— Туда бы ещё килограмм десять добавить надо. Дрожжей.

Добавили дрожжи.

Комарихин закинул мешок на загривок и разбежаться начал. Такую скорость набрал, мы думали, метров 12 скакнёт. А он пробежал по сектору и исчез в неизвестном направлении. Даже на работу до сих пор не выходит.

Но разбираться с Комарихиным некогда было, потому что как раз в сектор для толкания ядра вышла наша Мила Марусина. В жизни она дверь с трудом открывала, а тут выпало на её долю ядро.

Физорг перед самым толчком к Миле Марусиной её мужа подвёл. Для обнюхивания. Мила как только его понюхала, сразу закричала:

—А ну дыхни!

Он дыхнул.

Разъярилась Мила до безобразия. За что попало стала хвататься, даже за ядро. Физорг мужика Милиного в сектор поставил. За отметку мирового рекорда. И сказал Миле Марусиной:

—Кидай!

Мила кричит на своего мужика:

—Ах ты, ядрёна-зелена, я тебе покажу!

И толкнула ядро.

Ядро отметку мирового рекорда пролетело и свистит прямо в мужика. А тот стоит хоть бы что. На грудь ядро принял. Ядро, конечно, сплющилось, а мужик, конечно, расстроился. Говорит:

—Вот всегда так. Обязательно в грудном кармане чем-нибудь да разобьёт бутылку.

А в бассейне прыжки на дальность ныряния проходили. Там у нас мощный мужик выступал. Петя из ЖКО. Правда, плавать он не умел. Но физорг ему объяснил:

—Нырять — не плавать. Нырять — это всё равно что тонуть, но с возвратом.

Петя сомневается. Жутко, говорит, в первый раз в воду прыгать. А физорг его страшит:

—Ты представь, что тебя начальник ЖКО с его женой застукал.

Петя как сиганул в воду, даже раздеться не успел. Бассейн у нас 25 метров. А Петя нырнул на 35. В женской раздевалке вынырнул.

А вот в высоту мы не очень высоко прыгнули. Бухгалтер там у нас выступал, на полтора центнера весом. Планку он на метровой высоте сбил. Зато при приземлении вошёл вглубь на два с половиной метра.

После соревнований я подумал, большое дело — спорт. Особенно, когда массово!

ГУМАНОИД МАТОЗОИД

Альфа-Дурак! Альфа-Дурак! Я гуманоид Матозоид, завис над Землёй. Как слышите? Приём... И я вас — хорошо. Зависли над городом Мэ. Круглый, как у нас муравейник, но людей больше, чем муравьев. Ходят, бегают, суетятся. Такое впечатление, что они понимают, зачем бегут.

Да, Матозоид слушает... Откуда на Земле люди? А хрен его знает, я не запускал. Может, гуманоид Шизоид запустил? Похоже, его штучки. Я запустил только рыб, птиц и зверей. Ну, рассаду посадил: деревья, кусты... И всё. Рассада хорошо прижилась, я же удобрял. А что делать с этими паразитами? Они мне все грядки изгадили. Альфа-Дурак, милый, я столько лет ждал, когда мне выделят планету для ведения сада-огорода. Кто мне запустил на участок этих вредителей, этих колорадских жуков... этих людей? Они же пожрали весь мой урожай, уничтожили всю скотину. Я не вижу ни одного мамонта. Из чего мы будем делать шашлыки?

...Да, Матозоид плачет и слушает. Какой кислород?! Они загадили его заводами... Апчхи! Жалко кислорода. Мы же тогда его последний со склада привезли на Землю. Чем их выводить?.. Да нельзя аэрозолем. Зачем нам Земля без кислорода?

...Да, Матозоид плачет и слушает. Есть внедряться в сознание. Внедряюсь в дедушку. Сознание не ощущаю. Одна злость, ненависть и красные знамёна... Да он зомби! Это же наши его зомбировали в 17-м. Это Шизоид его зомбирова, его почерк. Ну, конечно, он же в 17-м на Землю прилетал. Я помню тогда, он что-то: срочно на Землю, срочно на Землю... Он понял, что перегнул с этими паразитами, и решил, чтобы они сами себя уничтожили. Половину зомбирова, коммунистов. А ну, я проверю... Вот ни фиги себе! На всю улицу один дедушка зомбирова. Остальные раззомбирова, хотят жить дружно.

Альфа-Дурак, что мне делать с участком? На всей Земле ни одного живого места. Слетал, отдохнул, называется!

Внедряюсь в сознание дальше... Дак у них, оказывается, ещё и два пола — мужчины и женщины. Ну, дают ребята, такие паразиты, а ещё два пола им подавай. Они, считай, на одно удовольствие больше нашего получают. Твари двуногие. А ну я сейчас кого-нибудь по световому лучу на тарелку засосу. Вот эту, пожалуй, женщину...

Альфа-Дурак, вы слышите, она говорит, здравствуйте, мальчики, деньги вперёд. Это у них что-то, видимо, связанное с полами. Ну её на фиг, отправляем по лучу обратно. Засасываем мужчину...

Он говорит, хочу приватизировать вашу тарелку. Достал какие-то бумажки и говорит, берите ваучеры, давайте тарелку. Спускаем его обратно.

Засосали ещё одного. Говорит, какой-то зелёный. А, зелёный, да это же наш человек, он спасает планету от загрязнения. Он говорит, что это его планета. Откуда она его, она моя... Я показал ему удостоверение, что планета моя. А он твердит своё, что она — его. А удостоверения не имеет. Рассуждает правильно, но однобоко. К чёрту зелёного.

Засасываем следующего. Говорит, что он — голубой. Лезет своими губищами в моё рыльце нецелованное. Дрянь такая, исключивил мне всё рыльце. К чёрту голубого.

Засасываем следующего. Говорит — красный. Кинулся ломать приборы, крушит мебель, ругается матом и дышит спиртом вперемешку с серной кислотой. Обзывает нас какими-то демократами. Кусается. Голубой и то приятнее был. К чёрту - красного.

Альфа-Дурак! Я так думаю, эти паразиты такие тоже дураки, что мне становится интересно. Прошу отпуск без содержания на пару тысяч лет. Раз уж прилетел, отдохну, а там посмотрим. Опять же здесь на одно удовольствие больше, надо исследовать. Прощай, Альфа-Дурак. Конец связи.

КЛЕЩ — НЕ ЛЕЩ

Товарищи! В период с 1 мая по 31 октября ходить в лес строго запрещается. Говорю вам об этом, как врач. Но могу сказать то же самое, как пожарник. Хотя я всё-таки врач.

В этот период вы найдёте в лесу мало хорошего. Разве что укус клеща. Они сидят везде, особенно на берёзах, в кустарнике, на цветах и других деревьях, доступных человеку. Вы думаете, что вы любуетесь весенним лесом? Нет! Это клещ любит вас. Вы думаете, что слушаете пение птиц и наслаждаетесь кислородом? Нет! Это ядовитое насекомое слушает, наслаждается и подстерегает на каждом шагу.

Я могу привести множество примеров неосторожности граждан, которые сходили в лес. Один товарищ принёс из леса веточку сирени с целью подарить цветы любимой девушке. Вы думаете, он подарил ей цветы? Да, цветы, но с кем? Пока он вёз эту веточку в троллейбусе, насекомое клещ перекусало всех пассажиров, даже безбилетных, и снова спряталось в цветочке. Этот гражданин привёз цветы своей девушке. Укуса не произошло только потому, что эта девушка сначала обработала цветы дустом и только потом их понюхала.

Но допустим, что вам всё-таки надо в лес. По работе. Например, поймать зайца для зооуголка. Тогда вы должны соответствующим образом одеться. В продаже есть водолазные костюмы. Да, летом в них жарко. Особенно если гнаться за зайцами. Но зато безопасно. Заяц и вы останетесь невредимыми. Можно одеться в плащ-палатку, резиновые сапоги и противогаз.

Да, запахов леса вы не услышите, зато вернётесь оттуда непокусанными.

Допустим, что вы всё же вернулись из леса. Надо дома полностью снять с себя водолазный и другие костюмы и дать осмотреть себя своим домашним. Если вы живёте один, но с соседями — попросите соседей.

Допустим, вы обнаружили на себе укус. Надо осторожно отцепить насекомое, чтобы не причинить ему боли. Иначе оно разозлится — и будет хуже. Насекомых следует складывать в специальную коробочку и хранить.

Допустим, вы всё-таки заболели от укуса. Тогда надо немедленно обратиться к врачу.

Допустим, вы обратились, но уже поздно. Врач не принимает. Тогда надо обратиться на следующий день с утра.

Допустим, врачу не удалось вас вылечить, а всё прошло само. Тогда тем более ни в коем случае не ходите в лес. Там вас на каждом грибе подстерегают различные вредные насекомые. Да и грибы вас подстерегают только ядовитые, а также хищники, опасные для здоровья людей. И особенно — клещи.

КОГДА ИДУТ КЛЕЩИ - БЕГИ И ТРЕПЕЩИ!

ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Ты помнишь, как после нашей маленькой ссоры погас свет? Во всём микрорайоне. Там на линии троллейбус взял на себя всё электричество, сорвался с проводов и укатился по инерции в дачный посёлок. Вот такой свободолюбивый троллейбус попался. И с людьми такое бывает. Мне так потом объяснили по телефону из горсовета. Света из горсовета.

А я как раз ложку супу ко рту подносил. А он — бац! И погас. Я задумался: или дальше ложку нести, или обратно в тарелку выливать? Решил, что вообще-то для меня это мелочи. Ну, подумаешь, или мимо рта пронесу, или вылью мимо тарелки. А остальным-то какво? Сколько людей в лифтах ехали по всему микрорайону. Незнакомые люди ехали, глаза друг от друга отводили, не знали, чем себя занять до 16-го этажа. И тут — бац — кабина остановилась между этажами, свет погас. Что делать? Хочешь не хочешь, а придётся знакомиться. И телевизоры у всех отключились на самом интересном месте. Как раз говорили, что надо перестраиваться, а как — неизвестно, телевизоры отключились. В холодильниках куры начали подтаивать — лить воду на колбасу. Люди в своих квартирах в жмурки играют — ищут спички, свечи или керосин. А если нет керосина? Не будешь же лучины из финской мебели делать?

И тут ты закричала из ванной. Стиральная машина перестала крутить головы моим рубашкам. И хотя мы в ссоре, а на помощь ты меня позвала. А ссора вышла по пустяку. Ну, налил я себе суп в хорошую тарелку для гостей. Что делать, если они у нас обе хорошие? Ну, поцепляли друг друга словами. Ну, ты и разозлилась слегка. И пошла со злости стирать в ванную. Ты всегда со злости или стираешь, или посуду моешь. Как бы в укор мне. Демонстрируешь, как ты по хозяйству загружена.

Нашёл я четыре обгоревшие свечи — остались от дня рождения внука. Четыре года — четыре свечи. Мы не позволили тогда ему их съесть вместе с тортом. Зажёг я одну свечку и вывел тебя из ванной на кухню. Сели. Между нами одна свечка горит, три другие рядом с блюдцем лежат. Я чай сделал с лимоном. Сидим пьём, молчим. И такой уют от этой свечки. Тишина во всём доме. Телевизоры не работают, холодильники молчат, стирать не надо, только ты, я и свечка. И такие у тебя глаза глубокие в этих сумерках. Только свечка на дне светится, маленький огонёк дрожит. И тут у меня у самого сердца давно забытая фраза шевельнулась и прямо к губам просится. Подумать только, больше тридцати лет прожили, детей воспитали, внуков растим, а вот при свечке посидеть времени не было. Заботы, суета. И такая нежность возникла к тебе, что у меня сами губы должны были сказать эти главные три слова. Тем более, повод есть — свет погас. И тут я с ужасом почувствовал, что не помню этих слов. Смотрю на тебя, а в голове

совсем другие слова крутятся, как на конвейере. Я их гоню, а они там так глубоко засели, что ничего не получается. И губы мои сами спросили:

— Как у вас на работе?

Ты так улыбнулась, что я готов был провалиться.

А потом потрепала меня по голове и сказала:

— И за что я тебя люблю, такого бегемотика?

И тут дали свет. Заурчали холодильники, заверещали телевизоры, затараторило радио, зашуршали газеты, закрутилась наша стиральная машина. Ты вскочила и убежала в ванную.

А я остался на кухне один, как дурак, при бледной свечке. Поехали трамваи, лифты привезли на этажи перезнакомившихся соседей. Свободолюбивый троллейбус взнуздали, вернули на маршрут, прицепили рожки к проводам, и он покорно побежал в стойло.

А я сидел такой растерянный и думал. Я прожил честно все годы. Я ни разу не вздрогнул оттого, что мои слова совпали с моими мыслями. Они всегда совпадали. Может быть, поэтому у нас только две красивые тарелки для гостей. Я отдавал работе все силы! Все! Без остатка. У меня даже не было времени, чтобы подарить тебе хотя бы один такой вечер при свечах.

И тогда я поднялся, вышел в коридор и выкрутил наши пробки. Свет в квартире погас.

Но стало светлее. От свечки.

О Н О

Привет, Иван!

Теперь я знаю, кого винить в моей нелёгкой судьбе. Во всём виновато ОНО.

Перед моим отъездом ты спросил, чего мне ещё надо? Ведь я директор мясокомбината! Да, я был директором. И тебе, Иван, жилось со мной хорошо. Да и мне с тобой — тоже. Ведь ты директор ликёро-водочного. Как нам жилось! Вспомнить страшно. Хотя вкусно было и весело. Так дёрнул же меня чёрт написать в то время заметку в стенгазету. Только я её написал, ОНО сразу взяло меня за горло. Я вторую написал, третью — и пошло.

Если бы ты знал, что ОНО со мной натворило! Сначала погнало меня в многотиражку корреспондентом. Не поверишь, я, убойным весом в сто двадцать килограммов, брал интервью у шестидесятикилограммовых инженеров. У молодняка, у перволетков!

Потом ОНО же заставило меня подать документы во ВГИК. Ты видел когда-нибудь директора мясокомбината в читалке? Скажу, что директоров ликёро-водочных там тоже не густо. Но меня там видели.

Во ВГИКе я пахал, как на каторге, а ОНО погоняло меня кнутом, выкручивало руки и толкало вперёд. Только вперёд! Во время дипломной работы ОНО совсем озверело. Итог ты знаешь — Главный приз на кинофестивале в Семипалатинске.

Я конченный человек, майкопскую колбасу от столичной уже не отличу. Мне говорят, я знаю жизнь. Поработали бы на мясокомбинате, тоже бы узнали. Я часто тоскую по родному Оймякону, шатаюсь по Красной площади. А ОНО, коварное и злое, толкает меня на новые замыслы. Так кто же ОНО такое? Какое ОНО имеет право так издеваться над человеком? Скажу честно, Иван, я ЕГО ни разу не видел. Но ОНО есть! Иначе я бы не докатился до всех этих безобразий.

Прошу тебя, Иван, хоть ты побереги себя от НЕГО.

Не пиши!

Не думай!

Не тоскуй!

Наслаждайся!

Поцелуй от меня карбонад, охотничьи сосиски и буженину.

С приветом.

Твой Степан.